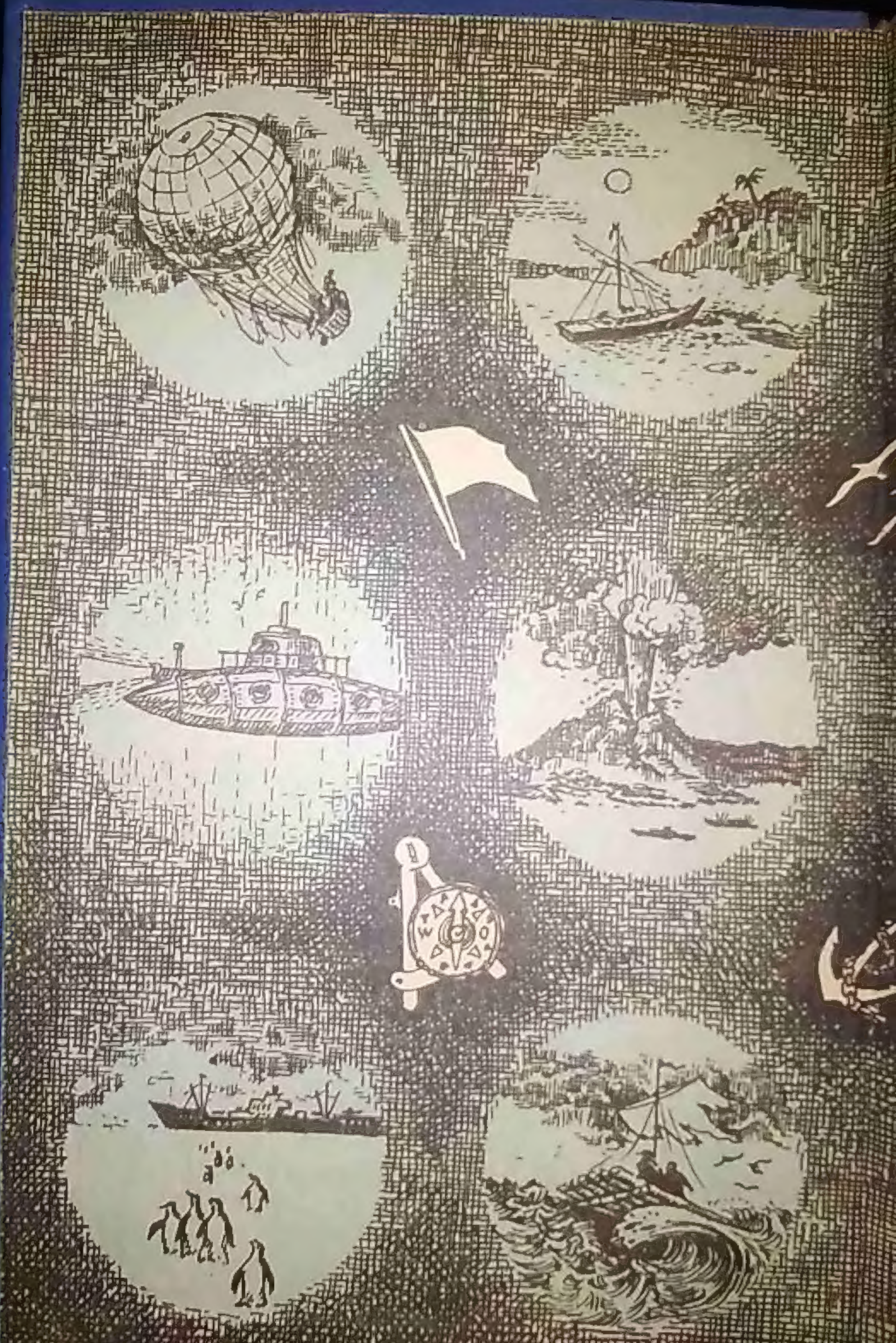
ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ!

Ф. Марриет

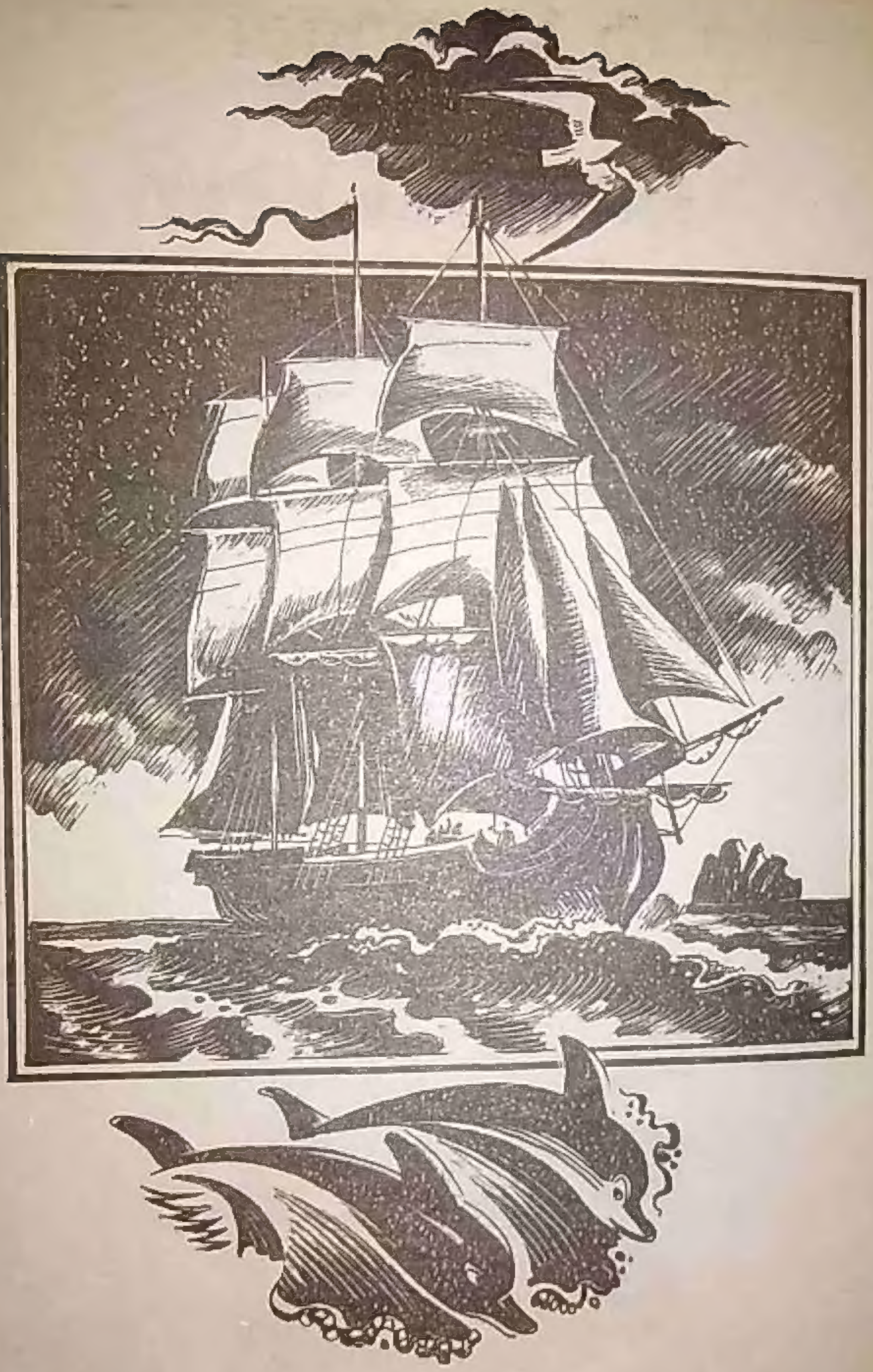
МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ СОБАКА-ЧЁРТ

Ф. Марриет

МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ
СОБАКА-ЧЁРТ



ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ!



Ф. Марриет

МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ
СОБАКА-ЧЁРТ

Калининградское книжное издательство 1991

84.4.Вл.
М 28

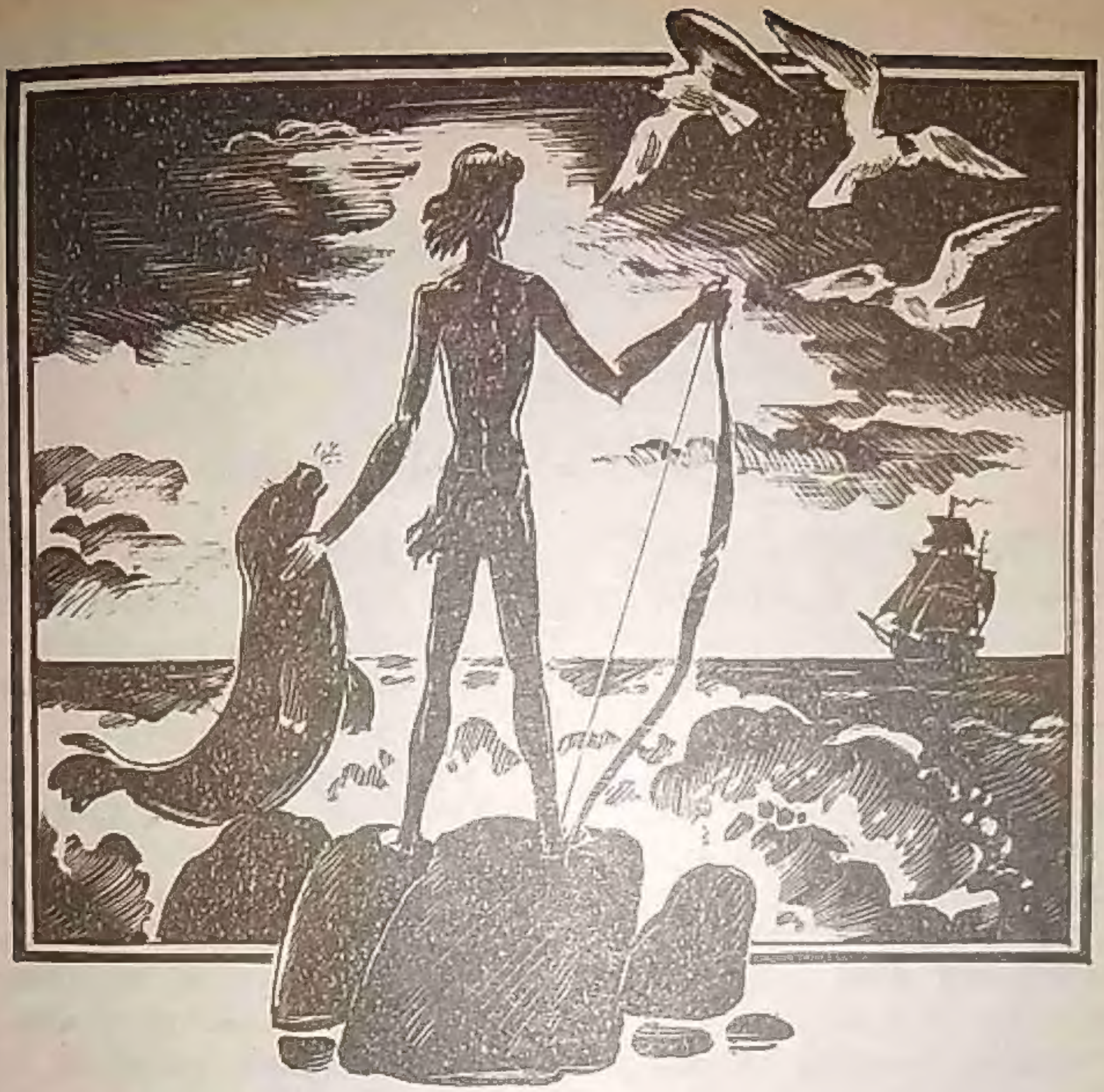
При подготовке текста книги использованы издания: Ф. Марриет. Маленький дикарь. Изд-во П. П. Сойкина, СПБ. Ф. Маррнет. Приключения собаки Снарлейгоу. М.—Л., ГИЗ, 1927.

Оформление художника Ю. И. КУШНАРЁВА.

М $\frac{4804010100—033}{М144(03)91}$ без объявл.

ISBN 5—85500—250—0

© Ю. И. Кушнарёв,
Оформление. 1991



МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ

I. ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Первые смутные воспоминания моего детства переносят меня на маленький пустынный и скалистый островок, затерявшийся в Атлантическом океане, и вызывают в памяти моей образ человека, с которым я жил на этом островке.

Джаксон, — так звали этого человека, — был очень груб и неласков со мною, несмотря на то, что я был единственным его товарищем на этом острове. Но он вообще был мрачен, угрюм и груб по характеру и часто просиживал молча по многу часов, размышляя о чем-то где-нибудь в углу нашей хижины. Иногда он целыми днями глядел на море, словно ожидая чего-то, — чего именно, я тогда не знал. Когда я спрашивал его об этом, он мне не отвечал.

Воспоминания мои начинаются с того времени, когда мне было лет пять, а может быть, и меньше. Я могу теперь восстановить то, что удалось мне услыхать и выведать от моего товарища в разное время. Не сразу узнал я, каким образом мы очутились в этом пустынном месте. Стоило мне это большого труда: он страшно сердился и обыкновенно бросал в меня камнем, когда я задавал такие вопросы. Только когда он лежал больной, мне удалось узнать кое-что.

Вот что я услыхал от него: несколько лет тому назад английское судно, направлявшееся из Чили в Лондон, затонуло во время бури вблизи этого безымянного острова; двое мужчин и одна женщина спаслись, остальные все погибли. Судно разбилось в щепки, и ничего не удалось спасти. Оставшиеся в живых собрали куски дерева — единственное, что уцелело от корабля, и соорудили из них хижину; в ней-то мы и жили с Джаксоном.

Я родился на этом острове, которому спасшиеся дали

название «Скалистый». Отец мой умер, когда мне не было еще двух лет, и на острове остались только я, моя мать и теперешний мой товарищ. Несколько месяцев спустя умерла и моя мать.

Мне приходилось задавать Джаксону множество вопросов, чтобы уяснить себе все, что я слышал. В сущности, я только впоследствии разобрался во всей этой истории, тогда же только наполовину понимал все то, что он мне говорил. Останься я на этом острове с другим человеком, я, конечно, многому бы научился и многое понял из разговоров, — но мой компаньон не любил говорить и еще менее того объяснять что-то.

Хижина, в которой мы с Джаксоном жили, была очень просторная, так как строилась для бóльшего числа людей, и мы размещали в ней запасы провизии на зиму. Прямо на полу нашего жилища было устроено несколько постелей, очень удобных и мягких благодаря обилию у нас птичьих перьев и пуха. Несколько больших камней заменяли нам столы и стулья.

Хозяйственных принадлежностей у нас тоже почти никаких не было, за исключением двух или трех топоров, притупленных от долгого употребления, оловянной кастрюли, небольшого ковшика и нескольких грубых сосудов для хранения воды, выдолбленных из дерева.

Главной пищей нашей были рыба, которая в изобилии водилась в океане, окружавшем со всех сторон наш остров, и мясо морских птиц, в громадном количестве населявших прибрежные скалы.

Весною, когда морские птицы прилетали и начинали вить гнезда, для нас наступала пора самой горячей работы. Мы целыми днями карабкались по крутым утесам, собирали яйца и ели их, наголодавшись за зимнее время, прямо сырыми, затем собирали их в корзины и спускались к своей хижине.

Вскоре птицы садились на яйца, и мы подкрадывались к ним и убивали их. Жаренное на углях мясо птиц было довольно вкусным блюдом.

Но вот из яиц вылупливались птенцы. Они подрастали, и, когда готовились улетать из гнезда, мы начинали свою заготовку провизии на зиму: убивали молодых птенцов ежедневно сотнями, переносили, сколько могли, на площадку перед хижиной, сдирали с них кожу, потрошили и развешивали для просушки на солнце. Воздух на острове был до такой степени чист, что не могло быть

никакого разложения. Таким образом, за последние две недели пребывания птиц на острове мы собирали их достаточное количество, чтобы они могли служить нам пропитанием до следующего их прилета. Как только птицы высыхали, мы складывали их в один из углов хижины. Они, по сути, были единственным нашим продуктом питания, за исключением рыбы и яиц.

Рыбы было множество: стоило только закинуть удочку с утеса, — она не успевала даже опуститься на глубину, как рыба клевала. Наш способ ловли был очень прост, а рыба была очень прожорлива. Удочки наши были сделаны из жил морских птиц, но так как жилы эти были не более фута длиной, то приходилось употреблять по нескольку штук и соединять их узлами. На конце удочки прикреплялась приманка на толстой рыбьей кости.

Рыбы были такие большие и сильные, что, когда я был еще мал, Джаксон не позволял мне самому вытаскивать их, боясь, что они перетянут меня в воду. Когда же я подрос, то стал отлично справляться с ними.

Такова была наша пища из года в год. Разнообразия никакого, — разве иногда мы жарили рыбу или птиц на углях вместо того, чтобы есть их сушеными.

Одеждой нашей мы также были обязаны пернатому племени. Мы сдирали кожу с птиц, не снимая с нее перьев, и шкурки эти сшивали вместе жилами, причем иголку заменяла рыбья кость. Эта одежда не отличалась особенной прочностью, но климат на острове был настолько теплым, что мы не страдали от холода ни в какую пору года. Я ежегодно сшивал себе новую одежду во время прилета птиц, но к возвращению их от нее оставалось весьма мало; клочки ее можно было найти на скалистых выступах оврага, где мы собирали дрова для топлива.

II. КОРАБЛЬ, КОРАБЛЫ..

Однажды осенью, когда мы с Джаксоном только что покончили с заготовкой провианта на год, я расположился на утесе и занялся шитьем своего нового костюма. Для этого надо было соединять кожи птиц и шить из них нечто похожее на мешок с отверстиями для головы и для рук.

Взглянув случайно на океан, я вдруг увидел далеко на горизонте что-то большое и белое.

— Посмотри, Джаксон, — сказал я, указывая на этот незнакомый мне предмет, — что это такое?

— Корабль, корабль!.. — воскликнул вдруг, меняясь в лице, Джаксон.

Я вспомнил, как он говорил, что они приехали сюда на корабле, и тоже обрадовался. Продолжая смотреть на океан, я вдруг увидел, как белый предмет внезапно повернул в нашу сторону.

— Что, корабль живой? — спросил я.

— Ты дурак, — отвечал мой товарищ. — Иди сюда и помоги мне сложить дрова для костра, чтобы подать им сигнал, и сходи за водой. Мы выльем ее на костер — надо, чтобы было как можно больше дыма. Наконец-то, быть может, мне удастся уйти из этой проклятой дыры!..

Я не понимал, что задумал мой товарищ, но принес воды в деревянном ковше.

— Нужно еще дров, — сказал Джаксон. — Корабль идет на нас и, наверное, подойдет еще ближе.

— Значит, он живой, — опять сказал я.

— Ступай прочь, дурак, — отвечал Джаксон, ударив меня по голове. — Неси быстрее дрова и воду!

Затем он ушел в хижину, чтобы высечь огонь с помощью куска железа, кремня и сухого мха. Пока Джаксон занимался этим, я не спускал глаз с корабля, стараясь понять, что это такое. Судно двигалось по воде, поворачивая то в одну, то в другую сторону.

— Так вот какой бывает корабль, — шептал я восхищенно. — Он, конечно, живой, но кто он — птица или рыба?

Пока я наблюдал за кораблем, солнце зашло, и до полной темноты оставался какой-нибудь час. Ветер был небольшой и часто менял направление, чем и объяснялись частые изменения в движении судна. Мой товарищ вышел из хижины с зажженной лучиной, положил ее под дрова и стал раздувать пламя. Дрова скоро разгорелись, и дым поднялся на значительную высоту.

— Теперь он, наверно, увидит наш сигнал, — сказал довольно Джаксон.

— Значит, у него есть глаза, и он все-таки живой? А ветра он не боится? — продолжал я допрашивать Джаксона, не получив ответа на первый вопрос. — Смотри, маленькие облака быстро приближаются, — указал я на горизонт, где собирались маленькие тучки, что предвещало, как я уже знал, короткий, но очень сильный шквал. Та-

кие шквалы обыкновенно налетали не раз в это время года.

— Да. Проклятие! — воскликнул Джаксон, заскрежетав зубами. — Этот ветер отгонит их, уж таково мое счастье!..

Тем временем дым поднимался все выше, а корабль подвигался все ближе и ближе к нам, пока не остановился на расстоянии приблизительно двух миль от острова. Товарищ мой подлил в костер еще воды, чтобы сгустить дым. На корабле опять подняли паруса, он двинулся и повернул кормой в нашу сторону.

Теперь я уже мог вполне ясно различить людей на палубе и старался разобраться в своих мыслях, отдать себе отчет в том, что же такое корабль, как вдруг Джаксон радостно закричал:

— Они видят нас, они видят нас! Теперь есть надежда! Ура!

Он запрыгал и закружился, как безумный, потом сказал:

— Я схожу в хижину, а ты смотри, не выплют ли они лодку. Смотри хорошенько и, если что увидишь, крикни меня.

— Да, вижу что-то, — ответил я. — Смотри на шквал, как он быстро идет по воде, а тучи как густо собираются! Будет такой же сильный ветер и дождь, как в предпоследний раз, во время прилета птиц.

— Проклятие! — воскликнул Джаксон опять. — Хоть бы лодку поскорее спустили. — С этими словами он пошел в хижину.

Я не спускал глаз с надвигавшегося шквала: он как бы летел по воде со все увеличивавшейся быстротой.

Сначала это была лишь темная линия на горизонте, но линия эта надвигалась, приближаясь к кораблю, и становилась белой. Поверхность воды оставалась пока еще спокойной. Тучи низко нависали над горизонтом.

На корабле, как я понял впоследствии, еще не замечали опасности — паруса были подняты и хлопали о мачту. Наконец я разглядел небольшой предмет около корабля,— это и была лодка, которую так ждал мой товарищ. Через некоторое время я увидел, что паруса стали исчезать, люди на палубе засуетились, и лодка была поднята обратно.

Дело в том, что на корабле, видимо, не заметили приближающегося шквала, а когда заметили, — было уже поздно. Еще минута, и я увидел, как корабль накренился

под страшным давлением урагана, а затем все застлалось густым туманом, и я уже ничего не мог различить.

— Ну что же, Фрэнк, — крикнул мой товарищ, выходя из хижины, — спустили они лодку?

— Спустили, но я ничего не вижу за ветром, — ответил я.

В ту минуту, как я произносил эти слова, шквал достиг того места, где я стоял, сбил меня с ног и отбросил к дверям хижины. С ветром хлынул и дождь, который промочил меня до костей. Небо все сплошь покрылось тучами и стало совершенно черным. Молния сверкала по всем направлениям, ее сопровождали оглушительные раскаты грома. Я, полузакрыв глаза от сильного блеска молний, вполз в хижину, в которую с яростью врывались ветер и дождь. Товарищ мой сел рядом со мной и мрачно молчал. Два часа свирепствовал шквал, не унимаясь ни на секунду. Солнце зашло, и наступила непроницаемая тьма. Сила дождя и ветра была настолько велика, что невозможно было двинуться. Мы оба молчали.

Мало-помалу буря стала утихать. Дождь все еще лил, но с промежутками, и я начинал ясно слышать шум волн, которые бились об утесы. Небо также понемногу прояснилось, и можно было видеть белую пену воды у берегов.

Я выполз из хижины и остановился на площадке перед нею, напрягая зрение и стараясь разглядеть корабль. Блеск молнии на минуту осветил его. Он был без мачт; огромные страшные волны кидали его туда и сюда и несли прямо на утесы, от которых он находился не более как в четверти мили.

— Вот он! — воскликнул я.

Молния вновь блеснула и исчезла, оставив меня в еще более непроницаемом мраке.

— Они пропали!.. — со стоном проговорил Джаксон.

Оказалось, он стоял рядом со мной, чего я и не подозревал до той минуты.

— Теперь уже нет надежды! Проклятие!

Джаксон еще некоторое время продолжал ругаться и проклинать все на свете.

— Вот он! — опять воскликнул я, когда молния на секунду показала мне положение корабля.

— Да, но недолго ему осталось существовать. Через несколько минут он разобьется в щепки и ни души не останется на нем, — тоскливо проговорил Джаксон.

— Я хочу пойти вниз, к утесам, и посмотреть, что там делается, — сказал я.

— Иди, если хочешь, — равнодушно ответил мой товарищ.

III. ОДИН НА ОСТРОВЕ

Я оставил Джаксона и стал осторожно спускаться по утесам, но не успел отойти и пятидесяти шагов, как блеснула страшная молния, и вслед затем раздался пронзительный крик. Я не сразу смог распознать, откуда он доносится, но, остановившись, понял, что это меня зовет Джаксон. Я повернул назад и нашел его стоявшим на том же месте, где и оставил.

— Ты звал меня, Джаксон? — спросил я.

— Да, я звал тебя, — подтвердил он. — Возьми меня за руку и доведи до хижины.

Я повиновался, очень удивясь однако его просьбе. Дойдя до своей постели, он бросился на нее и громко застонал.

— Принеси мне воды. — сказал он. — Скорее!

Схватив деревянный ковш, я быстро сбегал за водой и подал ему. Он тщательно обмыл лицо и глаза, но через несколько минут откинулся назад на постели, и из груди его вновь вырвался стон.

— Все кончено, — проговорил он. — Я останусь здесь навсегда и умру в этой проклятой дыре.

— Да что с тобой? — спросил я его, тоже начиная волноваться.

Джаксон не ответил и продолжал охать и стонать, изредка произнося проклятия. Наконец он затих, и я опять вышел из хижины.

Буря тем временем прекратилась, и на небе кое-где показались звезды, но сильный ветер продолжал еще дуть, и черные тучи неслись с какой-то зловещей быстротой. Берега острова представляли собой одну массу густой белой пены, которая высоко взлетала в воздух и падала на крутые утесы. Я искал глазами корабль, но его нигде не было видно. Начинало светать.

Я сел у стены хижины и стал ожидать наступления утра. Джаксон, по-видимому, заснул, — он лежал молча и без движения. Я чувствовал, что случилось что-то недоброе, но что именно — не знал, и терялся в догадках.

Наконец рассвело; буря быстро утихала, хотя волны все еще с яростью ударяли о скалистые берега. Кораблей нигде не было видно. Я спустился по тропинке и подошел настолько близко к краю утесов, насколько позволял сильный прибой. Брызги волн долетали до меня и обдавали влагой, но я продолжал идти вперед, пока не дошел до того места, где в последний раз видел корабль.

Волны, точно играя, кидали и перебрасывали туда и сюда обломки мачт, бочонки, куски дерева, — это было все, что я мог разглядеть и что, вероятно, осталось от корабля. Еще увидел я мачту и корабельные снасти, прибитые водой к самым утесам; они то поднимались высоко на волнах, то вновь исчезали. Я не смел подойти ближе к краю утесов и заглянуть вниз. «Джаксон был прав, — подумал я. — Корабль действительно разбился в щепки. Но какой же он был?»

Я пробыл около часа на берегу и затем вернулся в хижину. Джаксон не спал и громко стонал.

— Корабля больше нет, — сказал я. — Ничего от него не осталось, кроме кусков дерева, плавающих по воде.

— Знаю, — ответил он, — но мне уже до этого совсем нет никакого дела.

Я удивился и спросил Джаксона:

— Так зачем же ты так старался разводить костер, поливал его водой, чтобы он дымил? Я думал, что корабль тебя очень интересует.

— Да, когда я мог его видеть, но теперь — теперь я ослеп и никогда уже не увижу ни корабля, ни чего-либо другого. Я умру на этом проклятом острове.

— Ты ослеп? Отчего? — спросил я.

— Молния выжгла мне глаза. Я ничего не вижу, ничего сам не могу делать, не могу ходить, — одним словом, я беспомощен, как ребенок.

— Разве ты меня не видишь? — я встал перед ним на расстояние вытянутой руки.

— Нет, — тоскливо сказал он. — Я тебя чувствую, но не вижу. Все темно, темно как ночь, и так будет до конца моей жизни.

Он повернулся на постели и снова застонал, после чего тихо проговорил:

— Я долго надеялся уехать отсюда и жил этой надеждой, но теперь она исчезла навсегда, и мне все равно, — хоть завтра умереть...

Джаксон приподнялся на постели, повернул ко мне

свое лицо, и я увидел, что он в самом деле слеп. Он опять лег и громко застонал. Мне тоже стало тоскливо на душе, и я пошел к морю. Поверхность воды была спокойна, и волны не разбивались более об утесы. Я заметил, что водой прибило к берегу небольшой ящик, по-видимому, сундук, принадлежавший кому-нибудь из матросов. Он плавал на поверхности воды; я вытащил его на берег без особенного труда и тотчас же захотел открыть. Это не сразу удалось, так как я никогда в своей жизни не видел замка, но наконец, заметив, что крышка — это единственная часть сундука, поддающаяся напору, я с помощью куска камня взломал его.

Сундук был полон разного добра. Я нашел в нем множество матросской одежды, на которую не обратил особого внимания, и некоторые другие предметы, значение которых я тотчас же понял и пришел в неописуемый восторг. Я вынул оттуда три совершенно новых оловянных кастрюли, три пустых бутылки, молоток, стамеску и бурав, некоторые другие инструменты, три или четыре удочки. Особенно обрадовался я двум ножам: один из них был длинный, блестящий, в красивых кожаных ножнах; другой — с ремнем для ношения вокруг пояса.

Года три-четыре тому назад у Джаксона еще сохранялся остаток складного ножа, точнее, кусок лезвия его, и как ни плох он был, мы при нашей бедности страшно дорожили им. Однажды, во время ловли рыбы, Джаксон положил этот нож на утес и, вытаскивая удочку, зацепил его и уронил в море. Потеря эта страшно огорчила его, и он долго не мог утешиться. Этим ножом мы обыкновенно вскрывали птиц, чтобы потрошить их, и вообще постоянно им пользовались.

Я тотчас же понял всю пользу своей находки и, вытащив из сундука все, что в нем находилось, разложил для просушки на утесы. Многие из предметов, которые я добросовестно пытался привести в порядок, были мне совершенно незнакомы, я не знал, как их употреблять и лишь впоследствии оценил по достоинству. Довольный и усталый, я надел через плечо ремень, на котором висел складной нож, очень острый и внушительных размеров, второй нож прикрепил к поясу и направился к хижине. Ночь уже надвигалась, на небе ярко светила луна. Джаксон по-прежнему лежал на постели — спал.

На другой день я принес Джаксону сундук с вещами, и он, ощупывая каждую, объяснил мне их назначение.

— Это паруспна, из которой делают себе матросы куртки, — объяснял он. — Это подзорная труба, — ах, как жаль, что я слеп! Но не бойся, я тебя все-таки научу, как пользоваться ею. Это бутылки, — в них можно наливать воду.

— Посмотри, я нашел в сундуке коробочку, наполненную шнурочками и жилами... — сказал я.

— Дай-ка пощупать! Иголки и нитки! — обрадованно воскликнул Джаксон. — Вот это подарок! С помощью их шить и чинить одежду гораздо удобнее, чем пользуясь рыбьими костями и жилами. Они нам очень пригодятся.

Наконец мы окончили осмотр всего, что было в сундуке. Я бережно уложил все богатство обратно и задвинул сундук в дальний угол хижины.

Несколько дней Джаксон пролежал в постели. Я приносил ему воду, но от пищи он упорно отказывался. По временам он громко стонал и говорил сам с собою. Потом стал поправляться и, казалось, примирился со своей слепотой. Со времени своей болезни Джаксон сделался гораздо ласковее и стал подолгу разговаривать со мною, чего раньше никогда не бывало. Он целыми часами рассказывал о своих морских плаваниях, кораблекрушениях, о далекой Европе. Иногда Джаксон начинал петь и, заставляя заучивать слова песен, говорил, что у меня хороший голос и я тоже должен петь.

Однажды Джаксон достал из-под подушки книгу, до которой раньше он не позволял мне и дотронуться, и, чертя на песке буквы, предложил разыскивать такие же в книге. Он произносил буквы и слова, я повторял за ним и в конце концов, к великой моей радости, научился читать и получил в полное мое распоряжение две книги, хранившиеся под подушкой у Джаксона. Это были какие-то правила и уставы морской службы, но я так усердно читал их, что выучил почти наизусть.

Однажды ночью, незадолго до рассвета, я проснулся: мне показалось, что кто-то слабо вскрикнул. Я прислушался, — но все было спокойно, и я опять заснул.

Было уже совсем светло, когда я встал. Посмотрев в сторону, где лежал Джаксон, я вздрогнул — его не было, постель была пуста. Я очень удивился и, вспомнив крик, который слышал ночью, бросился вон из хижины — моего товарища нигде не было видно. Я подошел к краю плоского утеса, на котором стояло наше жилище, и подумал,

что он, вероятно, пошел за водой и упал в пропасть, но, заглянув вниз, ничего не увидел.

Тогда я бросился к углу утеса, где пропасть была самой глубокой, и подполз к самому ее краю: Джаксон лежал на дне ее без движения и без признаков жизни...

Я сбежал вниз по утесу и, карабкаясь по скалам, едва переводя дыхание, добежал до того места, где он лежал.

Джаксон слабо стонал.

Я встал перед ним на колени.

— Джаксон, — сказал я, — ты очень ушибся?

Губы его шевелились, но он не мог произнести ни слова. Наконец он с трудом прошептал:

— Воды!..

Я бросился назад к нашей хижине и принес полный ковш воды. Джаксон проглотил несколько глотков и как будто начал оживать. Он представлял собою страшное зрелище — кровь текла из раны на голове и заливала ему лицо и бороду.

Я не знал, каким образом перенести его в хижину. Тащить несчастного по тем скалам, по которым я лез сам, чтобы добраться до него, было почти немыслимо, другая же дорога была еще длиннее и не менее трудна. Понемногу он приходил в себя. Я дал ему еще воды, стараясь не смотреть на его потухшие зрачки, бескровные губы, лицо и бороду, покрытые запекшейся темной кровью.

— Можешь ты добраться до хижины, если я помогу тебе? — спросил я его.

— Я никогда не доберусь до нее, — с трудом проговорил он. — Дай мне умереть здесь.

— Как твоя рана, очень глубока?

— Я ее не чувствую, — ответил он, еле выговаривая каждое слово. — Но мой бок!.. У меня внутреннее кровоизлияние... я весь разбился.

Я взглянул на его бок — действительно, он весь почернел и опух. Я дал несчастному еще воды: Джаксон жадно выпил ее, а я побежал к хижине, чтобы принести еще. Когда, наполнив две бутылки, я вернулся к нему, то увидел своего товарища в несколько лучшем состоянии, и у меня мелькнула мысль, что еще, может быть, есть надежда на выздоровление. Я сказал ему это, чтобы хоть как-то подбодрить.

— Нет, нет, — ответил Джаксон, — мне осталось жить

лишь несколько часов, я это чувствую. Дай мне умереть здесь и умереть спокойно.

Затем больной впал в почти бессознательное состояние. Я сидел рядом с ним и ждал, когда он придет в себя.

Наконец Джаксон очнулся и проговорил:

— Ты здесь, Фрэнк?

— Да, здесь.

— Я, кажется, поспал немного.

— Да, и как ты теперь себя чувствуешь? — спросил я его ласково.

— Я чувствую, что бок мой еще больше онемел. Скоро наступит омертвение.

Джаксон умолк, но бледные губы его чуть шевелились. Чтобы снять оцепенение, я встал и отошел от него на несколько минут, а когда вернулся Джаксона уже не стало. Я сел на камень в некотором отдалении от него — мне было жутко находиться рядом с мертвецом, смерть страшила меня, ведь я в первый раз видел ее...

Я сидел на утесе долго, пока солнце не стало садиться, затем, боясь темноты, побрел назад к хижине. От голода и волнения у меня кружилась голова. Добредя с трудом до своего жилища, я лег на постель и долго не мог заснуть.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко. Пора было идти к Джаксону.

Вид покойника был еще ужаснее, чем вчера. Я не знал, что мне делать с его телом. Джаксон когда-то рассказывал мне, как хоронят людей на земле и на море, но я боялся дотронуться до него и, наконец, решил накрыть его тело большими камнями, которые лежали вокруг. Покончив с нелегкой работой, я бегом пустился прочь от этого места, почувствовав, что никогда больше не приду сюда...

Вернувшись в хижину, я долго не мог собраться с мыслями и сидел, погруженный в раздумье. На душе у меня было тяжело — казалось, невозможно привыкнуть к мысли, что я остался теперь совершенно один.

Настал вечер, а я все еще сидел на том же месте; наконец я лег и, к счастью, скоро заснул и забыл о своих горестях.

IV. МОЙ САДИК

Солнце ярко сияло, когда я проснулся на другое утро, бодрый, способный рассуждать и работать. Я вспомнил, что осталось уже немного времени до прилета птиц и надо немедленно приниматься за дело. Захватив на несколько дней провизии и наполнив все мои три бутылки водою, я спустился в овраг, чтобы наготовить дров.

Часа через два я уже был в овраге, но не торопился начать работу: мне хотелось вскарабкаться выше и посмотреть, нельзя ли добраться до другой стороны острова. Взобравшись по скалам довольно высоко, я вскоре достиг площадки, покрытой сочной зеленой травой. Здесь не было ни одного кустика; я сел отдохнуть, и мне бросились в глаза голубые цветочки, на которые мы с моим товарищем никогда прежде не обращали внимания. Я смотрел на них с восхищением и вспомнил рассказы Джаксона о том, как в Европе занимаются садоводством — пересаживают и прививают дикие розы и другие цветы, стены жилищ украшают вьющимися растениями.

Мне пришло в голову выкопать с корнем один из найденных цветов и перенести к хижине, посадить, а затем попробовать поливать и ухаживать за ним. Я осуществил свое намерение с помощью нового большого ножа, стараясь оставить достаточное количество земли у корней, и стал подниматься выше по скале. Не прошел я и ста шагов, как увидел по крайней мере дюжину таких же растений в цвету, еще красивее и роскошнее первых.

Через полчаса я достиг вершины и увидал океан с другой стороны. У ног моих лежала другая половина Скалистого острова, до этого времени еще никогда не виденная мною. Зрелище было величественное, но обе части острова мало разнились одна от другой — я увидел такие же голые унылые скалы, за исключением оврага, который начинался с того места, где я стоял, и спускался вниз наподобие трещины. На склонах его рос сплошной кустарник, но не видно было ни одной птицы, не слышно было ни одного живого звука. Все было тихо и пустынно.

Я спустился в этот овраг и скоро набрел на цветы и растения, не виданные еще мною. Особенно удивляли исполинские папоротники, вокруг которых обвивались какие-то ползучие растения. Я тотчас же решил посадить несколько таких растений вокруг моей хижины, устроить сад и иметь свои цветы, но тут же вспомнил, что жилище

мое построено на скале и что придется натаскать прежде слой земли, в которую растения могли бы пустить корни. Приготовив несколько охапок дров, я вернулся домой в самом радостном настроении.

На следующий день, встав рано утром, я достал из сундука парусиновую куртку и, связав ворот и рукава, соорудил нечто похожее на мешок для того, чтобы перетаскивать землю. В течение этого дня я перепес десять или двенадцать таких «мешков» земли и устроил вокруг хижины грядку в четыре фута шириной и один фут вышиною. Целую неделю я был занят таким образом и, хотя очень уставал, но чувствовал себя бодрым и счастливым. Я убедился, что работа — лучшее средство против тоски и скуки.

Покончив с приготовлением грядки, я захватил два мешка и отправился за цветами и саженцами. Выкопав несколько цветущих кустов, я посадил их возле хижины, полил водой и пошел за следующими. Садик мой скоро запестрел всеми цветами радуги.

На следующее утро, однако, я был неприятно удивлен: цветы и растения немного поникли. Я поспешил их полить, и к концу дня они снова ожили. Вскоре я заметил, что земля начинает сползать по краям; набрав небольших камней, я обложил ими грядки. Теперь, когда все было сделано, мне оставалось только ежедневно поливать мой садик.

Джаксон говорил мне, как-то между прочим, что птичий помет, которого так много было на вершинах скал, употребляется как удобрение. Поэтому я принес его целый мешок и насыпал понемногу вокруг каждого растения. Польза этого скоро обнаружилась, и ко времени прилета птиц мой сад был в блестящем состоянии.

Трудно описать то радость и удовольствие, которые я извлекал из своего садика. Я знал каждое растение, каждый кустик, разговаривал с ними, как с друзьями, ухаживал за ними, поливал их утром и вечером. Быстрый рост и пышность их приводили меня в восторг. Я уже не тяготился своим одиночеством, теперь мне было чем интересоваться, что любить и за чем присматривать. Для меня это были живые существа. Они росли, радуя мир свежей зеленью листвы и цветами. Это были мои родственники и друзья.

Джаксон во время своей болезни научил меня нескольким песням. Утомленный тишиной и одиночеством,

не слыша вокруг себя человеческого голоса, я начал сперва напевать их про себя, а затем и во весь голос. Это доставляло мне большое удовольствие. Никто, правда, не слышал моих концертов, но по мере того, как росла моя привязанность к саду, я привык садиться и петь среди цветов и растений, забываясь и представляя себе, что они слушают меня. Запас моих песен был невелик, и я пел их так часто, что наконец слова надоели мне. Тогда я взял свои книги и, читая отдельные фразы, пел их. Едва ли кто распевал когда-либо уставы морской службы, но это пение забавляло меня, мне делалось смешно и весело.

V. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Наконец начался шумный весенний прилет птиц. Я лазил на скалы, собирал и ел птичьи яйца, что было приятной переменой пищи после сушеного мяса, которым приходилось так долго питаться. Случалось мне также удить и рыбу.

Когда наступило время ловли птиц для заготовки мяса на зиму, мне пришло в голову поймать несколько птенцов живыми, чтобы потом приручить их. Я взял из гнезд шесть молодых, еще не умеющих летать альбатросов и отнес их в хижину. Там я привязал каждого из них за ногу тонкой веревочкой от удочки, другой конец которой прикрепил к камням, нарочно для того заготовленным мною на площадке перед хижиной. Старые птицы летали над моим жилищем и жалобно кричали, пока наконец не наступила полная темнота; тогда они улетели, а я, утомленный дневной работой, улегся спать.

Проснувшись на другое утро, я опять услышал крики птиц. Они улетали и возвращались с мелкими рыбешками в клюве, которыми кормили моих молодых альбатросов. Я не препятствовал проявлению их родительских чувств, но с этого дня старался и сам подкармливать птенцов, чтобы они привыкали ко мне.

Когда настал отлет птиц, старые альбатросы долго кружились над хижиной и громко жалобно кричали, но наконец и они улетели вслед за остальными — инстинктивная привычка взяла верх над их любовью к птенцам. Я был рад их отлету; мне хотелось остаться одному с моей новой семьей.

Целыми часами просиживал я с моими шестью пернатыми друзьями. Они не отличались умом и живостью, но все же они жили, двигались и смотрели на меня. Когда я приносил им рыбу, — кормил я их теперь четыре раза в день, — они широко открывали клюв, ожидая своей очереди. Это было для меня новым развлечением.

Через некоторое время я возвратил свободу двум своим птицам, предварительно подрезав им крылья. Они повеселели, но не улетели, а по-прежнему следовали за мной всюду и почевали в хижине. Убедившись в том, что мои питомцы и не думают о бегстве, я освободил и остальных, также подрезав им крылья.

Между тем я опять решил заняться садом и вспомнил, что видел где-то в расщелине скал на другой стороне острова очень красивый цветущий куст. На то, чтобы перебраться через хребет, пересекавший остров, спуститься на противоположную его сторону и потом вернуться обратно, надо было употребить целый день. Я наловил рыбы, нарезал ее кусками и оставил для птиц. Сам же, прихватив обычный запас провизии и воды, отправился в путь.

Во время этой экскурсии я приобрел себе нового друга — молодого тюленя. При жизни Джаксона я нередко охотился за тюленями и убивал их, как он учил меня, ударом топора по переносице. Стены нашей убогой хижины постепенно украсились тюленьими шкурами, они же служили нам и одеялами.

В этот раз, спустившись в поисках новых растений к берегу по другую сторону хребта, я увидел небольшое стадо тюленей, гревшихся на солнце. Между ними был один детеныш. Последнее время я почему-то стал мечтать о том, как бы приручить еще какое-нибудь животное, и, увидев маленького тюленя, сразу решил взять его живым.

Это не стоило мне большого труда: одним ударом топора я убил его мать, а детеныша схватил и быстро запрятал в мешок из парусиновой куртки, который я теперь всегда брал с собою. С добычей в руках я пустился в обратный путь. Приди домой, я дал тюленю кусочек рыбы, оставшийся у птиц, и животное с жадностью проглотило его...

Я аккуратно и с удовольствием кормил своего нового друга, и вскоре мой тюлень стал совсем ручным. Я назвал его Львом, вспомнив, что у Джаксона, как он рассказы-

вал, была когда-то собака по имени Лев. Мой Лев стал не только моим другом, но и хорошим помощником.

Однажды я пошел к берегу удить рыбу, и Лев последовал за мной. Он нырнул в воду и вскоре появился с рыбою в зубах. Я взял у него добычу, а он нырнул опять в воду и вскоре появился с другою рыбиной. С тех пор он всегда помогал мне добывать нам обоим пропитание.

VI. ЛОДКА С ЛЮДЬМИ

Итак, я уже не чувствовал себя одиноким на острове: у меня был друг, ручной тюлень, полдюжины ручных альбатросов, которые даже издалека узнавали меня и летели навстречу, и садик, полный самых разнообразных цветов и растений. Но я все же мечтал, как когда-то Джаксон, что на мой остров приедут люди.

Среди вещей, найденных когда-то мною в сундуке, имелась подзорная труба, но она была испорчена от долгого пребывания в воде и казалась бесполезной. Джаксон тем не менее показал мне, как употреблять этот диковинный инструмент. Стекла его потускнели от сырости, и как я ни старался тогда их очистить, ничего не мог в них разглядеть и потому отложил трубу в сторону. Сейчас, год спустя, я опять достал ее любопытства ради и увидел, что стекла стали совершенно чистыми — видимо, накопившаяся между ними сырость исчезла. Попрактиковавшись, я вскоре стал отлично владеть инструментом, но употреблял его довольно редко: зрение мое было необыкновенно острое, и особой надобности в подзорной трубе не было. Кроме того, прожив столько лет на острове, я уже потерял всякую надежду когда-либо увидеть корабль.

Однажды вечером подул ветер, вскоре перешедший в шквал, и на море поднялось сильное волнение. Я вдруг увидел на воде, милях в трех от острова, какой-то странный темный предмет. Сначала я подумал, что это кит. В определенное время года эти животные часто появлялись у наших берегов; я всегда с удовольствием следил за их играми и кувырканьем в воде, а Джаксон рассказывал мне увлекательные длинные истории про ловлю китов.

Луч заходящего солнца осветил этот загадочный предмет, — и он показался мне теперь совершенно белым. Я побежал за подзорной трубой, затем поднялся на утес

и, к великой моей радости, разглядел в нее лодку или очень маленькое судно с распущенным парусом — ветер гнал его прямо на остров. Я следил за ним с замиранием сердца до наступления полной темноты. Мысли и предположения самого разного свойства толпились в моей голове. Я знал, что часа через два взойдет луна, и так как небо было чисто, несмотря на волнение на море и сильный ветер, то надеялся снова увидеть лодку.

«Им ни за что не удастся пристать к этому берегу острова, — горестно размышлял я, — разве ветер случайно пригонит лодку к входу в заливчик, где устроена купальня».

Подумав немного, я решил сойти вниз и разложить на скалах костры по обеим сторонам входа в залив, чтобы они могли указать людям в лодке, куда направить ее. Подождав немного, я спустился с утеса, принес еще вязанку дров из заготовленных мною заранее в этом месте, разложил их на скалы по одной с обеих сторон входа и зажег, затем уселся на утес с подзорной трубой, стараясь разглядеть, где теперь лодка. Луна тем временем взошла, и я увидел суденышко на расстоянии не более мили от острова. Оно неслось как раз по тому направлению, которое указывали мои костры.

Буря все усиливалась, и брызги волн достигали уже вершины тех скал, на которых они были зажжены, но я все подбрасывал и подбрасывал топливо, поддерживая сильное пламя. Через четверть часа я мог уже вполне ясно разглядеть лодку — она была совсем близко, саженях в трехстах от острова, и шла прямо на огонь, по вдоль берега.

Позже я узнал, что матросы подтянули паруса, не зная, куда пристать, пока не разглядели за бурей обоих костров — тогда только они поняли, что означает этот огонь.

Еще минута, — и лодка была у самого входа в залив, но я все еще боялся за людей, потому что знал — если море отступит в то время, когда они подойдут к устью залива, то лодку разобьет вдребезги. К счастью, этого не случилось — утлое суденышко как раз попало на большую волну, которая мгновенно перенесла его через скалы.

Лодка благополучно пристала к берегу.

— Ура! Ловко проделано! — раздался радостный голос одного из путешественников. — Спускайте парус, ребята, все обстоит благополучно.

Парус был спущен, и при свете огня я смог разглядеть несколько человеческих фигур. Я был слишком взволнован, чтобы говорить, — да, в сущности, и не знал, что сказать, только чувствовал, что настал конец моему одиночеству, и радости моей не было границ.

Как только парус был спущен, люди перескочили за борт и подошли по воде к берегу, где я уже ждал их.

— Кто ты такой? — обратился ко мне один из мужчин. — И сколько здесь на острове людей? Мы полагали, он необитаем.

— Кроме меня, на острове никого и нет, — ответил я. — Я так рад вашему приезду!

— Может быть, ты дашь нам глоток воды, мы умираем от жажды, — попросил другой мужчина.

— О, да! — спохватился я. — Подождите немного, и я принесу вам воды, сколько захотите.

Я собрался уже бежать к хижине, когда тот же матрос остановил меня:

— Слушай-ка, а еды у тебя случайно никакой нет?

— Сколько угодно, — гордо ответил я.

Первый матрос достал ведро из лодки и, передавая мне его в руки, сказал:

— Принеси-ка полное ведро воды, мальчик! Слышишь?

Я поспешил к хижине, налил ведро воды, захватил охапку сушеной птицы и бегом вернулся к моим новым товарищам. Во время моего отсутствия новые островитяне не сидели без дела. Они уже принесли несколько вязанок дров из моего запаса и развели большой огонь под утесом. Затем они устроили что-то вроде палатки из лодочных парусов.

— Вот вода, а вот и еда, — сказал я, подавая то и другое.

Матросы с жадностью стали пить воду.

— Странная у тебя еда, однако, — воскликнул один из них, оторвавшись наконец от ведра.

— А ты что ж, думал найти здесь роскошную гостиницу, когда приставал к этому берегу? — спросил другой. — Слава Богу, что этот парень оказался здесь! Ведь мы ничего не ели и не пили со среды, — пояснил он мне. — Живо, ребята! Джим, вылей-ка воду в котел и пошли этого малого за другим ведром воды.

Мне дали ведро, и я еще раз сбегал за водой.

— Ты славный мальчик, — похвалил меня тот же матрос, по виду главный среди них. — А теперь расска-

жи-ка нам, где ты живешь, — попросил он. — Есть у тебя какой-нибудь шалаш, или ты живешь в пещере?

— Я живу в хижине, — ответил я, — но она недостаточно велика, чтобы вместить вас всех.

— Нам ее и не надо, — махнул рукой матрос, — мы останемся здесь, на берегу, но с нами есть женщина, вот ее бы надо поместить в хижине...

— Женщина? — переспросил я. — Я никогда не видел женщины. Где она?

— Вот она там, сидит у огня, — кивнул он в сторону костра.

Я огляделся кругом и увидел невиданное мною доселе существо, о котором я столько слышал от Джаксона.

Женщина сидела у огня, закутанная в одеяло, совершенно неподвижно. Фигура ее скорее напоминала тюк, нежели живое существо.

Матрос пристально посмотрел на меня и вдруг спросил:

— Так ты никогда не видел женщины? А ты не помнишь разве своей матери?

— Нет, она умерла, когда я был еще совсем маленьким, — сказал я.

— Так, бедный мальчик, ты, значит, рос сиротою?

Я кивнул головой.

— Да. Я родился на острове. Отец и мать мои умерли, когда мне было два года, и я жил с Джаксоном, но и он умер три года тому назад. С тех пор я здесь один.

Пока варился ужин, я забрасывал матросов разными вопросами, возбуждавшими среди них то сожаление, то всеобщий смех. Меня привел в изумление котел, — большой железный горшок на трех низеньких ножках, — я ведь никогда не видел ничего подобного и никогда не ставил на огонь посуды, поэтому сразу же поинтересовался, что это такое и из чего оно сделано. С любопытством перебрал я клубни картофеля, потому что не видал еще съедобных корешков.

Я вошел в воду, чтобы осмотреть и лодку, но при свете костра это было трудно, и я отложил это занятие до утра.

От своих новых друзей я узнал о печальной участи их корабля: люди эти составляли часть команды китобойного судна, которое наткнулось на скалистые рифы милях в семидесяти отсюда. Им пришлось спешно покинуть его, так как корабль лег на бок спустя несколько минут после

аварии. Они спаслись на двух лодках, но не знали, что сталось со второй, так как ночью потеряли друг друга из виду. В одной лодке находились капитан и шесть матросов, остальные шесть были в той лодке, которая пристала к острову. С ними была и женщина, жена помощника капитана. Муж ее погиб во время посадки в шлюпки.

Ужин тем временем был готов. Запах его приятно щекотал мое обоняние. Котелок сняли с огня, вылили содержимое его в большую глубокую миску, и, усевшись в круг, все вместе, новые островитяне начали ужинать.

— Ну, мальчик, иди и ты к нам, — обратился ко мне один из моряков. — Ты, верно, никогда не ел супа?

Я подсел к нему... Ни разу в жизни не пробовал я ничего более вкусного!

— А что, малый, большой у тебя запас этих сушеных цыплят? — поинтересовался матрос.

— Да, у меня их много, но боюсь, что их не хватит нам всем на долгое время, — честно ответил я.

— Да, но мы можем наловить их еще, не так ли?

— Нет, до следующего прилета птиц ничего не наловишь. А до него осталось еще пять полнолуний.

— Пять полнолуний? Что ты хочешь этим сказать? — матросы, которые прислушивались к нашему разговору, смотрели на меня недоуменно.

— Я хочу сказать, что пять полнолуний должны пройти одно за другим, прежде чем птицы возвратятся, — пояснил я.

— Ага, понимаю, — озадаченно протянул мой собеседник. — В таком случае нам невозможно оставаться на этом острове долго.

— Да, невозможно, — подтвердил я. — Нам всем надо отсюда уехать, и чем скорее, тем лучше, — иначе мы все умрем с голоду. Я так рад, что вы приехали. А Льва вы захватите с собой?

— Кто это — лев? Как мог сюда попасть лев? — удивился матрос.

— Лев — это мой тюлень, он очень ручной, — я был доволен, что смогу удивить их своим зверинцем.

— Ладно, посмотрим. Во всяком случае, — обратился он к своим товарищам, — мы должны что-то предпринимать, и как можно скорее, иначе нам придется голодать.

Оказалось, что они так поспешно покинули судно, что успели захватить с собой только два бочонка воды,

четыре пустых бочонка в виде балласта, железный котелок и мешок с картофелем.

Как только кончили ужинать, все стали устраиваться на ночлег.

Один из матросов обратился ко мне:

— Мальчик, отведи Марту спать в твою хижину и покажи, где ей расположиться на ночь. Сам же ты можешь вернуться сюда и присоединиться к нам.

Я подошел к женщине и предложил ей следовать за мной. Она без слов поднялась — видно было, что она предельно истощена морально и физически. Войдя в хижину, я положил для нее несколько тюленьих шкур, одну на другую, на постель Джексона и, пожелав спокойной ночи, собрался отправиться на берег, к матросам. Но тут я вспомнил, что Лев не привык к большому обществу людей, и решил остаться на ночлег у хижины.

Я взял несколько шкур, разостлал их возле стены моего жилища и лег. Лев присоединился ко мне, и через несколько минут мы оба спали крепким сном.

Лев имел привычку вставать рано. Он разбудил меня на рассвете, иначе я проспал бы еще очень долго после усталости и волнений прошедшей ночи. Утро было прекрасное, теплое и солнечное.

Я пошел к источнику, наполнил ведра водой и стал чистить рыбу. Выпотрошив ее, внутренностями я накормил птиц, которые толпились вокруг меня. Затем я принес хвороста, зажег его и, когда он сгорел до золы, положил на нее рыбу. Завтрак скоро был готов. Я вынул рыбу из костра, положил в кастрюлю и пошел на берег. Между тем матросы проснулись и, искупавшись, сели завтракать, а я опять стал рассматривать лодку и задавал им множество вопросов, возбуждавших всеобщий смех. Они изредка повторяли:

— Да он настоящий дикарь!..

Когда мои новые друзья кончили завтракать, я приказал Льву наловить еще рыбы на обед, что он и сделал под одобрительные возгласы матросов, и понес ее в хижину. За мной последовали два матроса.

— Я хочу посмотреть, — сказал один из них, входя в хижину вслед за мной, — сколько провизии у тебя заготовлено. По твоим словам, ее не хватит и на месяц, а ведь пройдет немало времени, пока мы доберемся до такого места, где можем встретиться с каким-нибудь ко-

раблем. Оставаться здесь нам нельзя, а потому, чем ско-
рее мы уедем, тем лучше.

— Если вы заберете всю провизию, то, надеюсь, возьмете с собой и мальчика? — спросила Марта, — так красиво звали женщину с корабля.

— Конечно, возьмем, что за вопрос, — быстро взглянул на нее мой новый товарищ.

— А мой сундук? А тюленя? — спросил я с волнением.

— Сундук мы, конечно, захватим с собою, что же касается тюленя, то, право, не знаю, как поступить. В лодке он околеет, а если ты пустишь его на свободу, он проживет как-нибудь.

— Это правда, — согласилась женщина и посмотрела на меня своими большими грустными голубыми глазами.— Что делать, милый мальчик! Тебе придется расстаться со своим другом. Это будет лучше для вас обоих.

Я ничего не ответил. Сердце мое болезненно сжалось при мысли о разлуке со Львом, но я понимал, что эти люди правы.

— А когда же вы думаете покинуть остров? — спросила женщина.

— Сегодня вечером мы решим это, — ответили матросы и ушли на берег.

Во время моего утреннего разговора с матросами, они называли меня «дикарем» и смеялись надо мной, говоря, что я недостаточно прилично одет. Это произвело на меня сильное впечатление. Я сразу, конечно, заметил, что все они одеты не так, как я, а в куртки и панталоны. Моя рубашка — единственное, что на мне надето, — очевидно, представляет собою весьма недостаточную одежду. Мысль эта до сих пор никогда не приходила мне в голову, теперь же, увидав подобных себе людей, одетых совсем иначе, я почувствовал некоторую неловкость.

Кончилось тем, что я открыл свой сундук, вынул оттуда пару белых панталон и надел их. Они показались мне очень неудобной и излишней частью одежды, но так как другие носили их, то мне теперь в моем новом положении надо было следовать во всем их примеру. Панталоны были слишком длинны для моего роста. Я завернул концы их, заметив, как это делают моряки, и вышел из хижины. Марта сидела возле хижины и глядела на волны, ударявшиеся о скалы. Она тотчас же заметила перемену в моем костюме и ласково улыбнулась мне:

— Вот это хорошо ты приоделся, Фрэнк, теперь ты похож на симпатичного молодого человека.

Я еще раз молча осмотрел свой новый наряд.

— Скажи-ка мне, — обратилась ко мне Марта, — нет ли на острове такого места, где мы могли бы посадить картофель? Для этого нужен чернозем, то есть такая земля, как у тебя в саду.

— Да. Там, внизу, — я указал на овраг, — есть такое место. Я всю эту землю принес оттуда, там ее много. Но зачем нам сажать картофель?

— Потому что если посадить несколько картофелин, они быстро дадут ростки и в скором времени каждый кустик принесет сорок или пятьдесят таких же плодов. Это очень вкусная и питательная еда, и даже когда нет ничего другого, может выручить из большой беды.

— Я знаю, — ответил я, — что картофель очень вкусная пища, я ел его вчера за ужином. Но ведь мы же уезжаем на днях! К чему же сажать его?

— Да разве мы одни на свете и должны думать только о себе? — пристыдила меня Марта. — Представь, что года через два-три другая лодка или корабль будут выброшены на этот остров. Мы нашли здесь тебя, и ты дал нам провизию и спас от голода. Другие же попадут на необитаемый остров и будут просто в отчаянном положении. Подумай, как будут рады выброшенные на берег, найдя здесь картофель.

— Это верно! — воскликнул я. — Если хотите, я тотчас же пойду и посажу картофель. Но как его сажают?

— В лодке есть лопата, принеси мне ее. Я пойду вместе с тобой в овраг и покажу, как приняться за дело.

Я принес лопату, и мы вместе отправились в овраг. Марта научила меня тому, как пользоваться ею, и я накопал ямок, затем пошел на берег, взял у матросов мешок картофеля, и мы вместе с Мартой посадили его в овраге.

На другой день, после завтрака, Марта предложила мне вытащить сундук на площадку перед хижиной и заняться выбором вещей, которые надо обязательно взять с собой. В это время пришли матросы. Они набрали полные охапки сушеных птиц и в два приема унесли весь мой запас. Затем к нам с Мартой подошел один из них и обратился ко мне:

— Вот что, Фрэнк, приведи ещё своего зверя, надо

достать всю рыбу из бассейна и сварить ее перед отъез-
дом. Нам все же хватит ее дня на два.

— Хорошо, — ответил я, — сейчас приду.

Через четверть часа Лев переловил всю рыбу, и мы вернулись с ним обратно к хижине. Пока я отсутствовал, Марта отобрала лучшую одежду и сложила ее в аккуратный небольшой узел. Подзорную трубу и кое-какие инструменты она положила отдельно.

Мне было интересно смотреть на людей. Я опять сошел вниз и застал всех матросов за работой. Лодка была готова к спуску. Сушеная птица лежала в сторонке, рыба варилась на огне. Все шесть бочонков стояли рядом, и мои друзья спорили о том, сколько из них наполнить водой. Наконец, каждый из матросов взял по бочонку и пошел с ним наверх к хижине за водой. Я пошел вслед за ними.

— Ты нам не нужен, — сказал один из матросов, когда я хотел последовать за ними вниз. — Собирайся вместе с Мартой здесь наверху. Мы там и сами управимся.

— Мне здесь не́чего делать, — сказал я и пошел за ними.

Матросы поставили бочонки на берегу и приступили к спуску лодки: подошли к ее борту и дружными усилиями столкнули в воду. Затем один из матросов обратился ко мне:

— Дорогой мальчик, не обижайся, ты нам здесь действительно не нужен. Иди к себе в хижину, к Марте. Мы пришлем за вами, когда все будет готово.

— Мне там нечего делать, — опять ответил я. — А здесь я смог бы вам немало помочь.

Он ничего не ответил, ни о чем не попросил меня. Не обращая на меня больше никакого внимания, матросы принялись за укладку вещей в лодку: вкатили бочонки с водой, принесли провизию и бережно ее уложили. Затем водрузили в нее весла и якорь.

Наблюдая за ними, я заметил, что несколько матросов отделились от всей группы и о чем-то совещаются. Я не мог расслышать того, что они говорили, но, очевидно, они в чем-то не соглашались друг с другом. Минуты через две они разошлись и один из них обратился ко мне:

— Ну, малый, теперь все готово. Иди в хижину, принеси свой узел и корзинку нашей спутницы и скажи ей, что мы ее ждем.

— Там остались лопата и парус, принести и их? — спросил я.

— Да, да, конечно, и захвати с собой несколько тюленьих шкур.

Я отправился наверх, в восторге от мысли, что наконец-то покину остров и буду жить среди людей. Лев ждал меня около хижины. Я остановился, чтобы приласкать его.

— Прощай, мой бедный Лев, — сказал я. — Никогда уже мы больше не увидимся...

Я зашел в хижину, где Марта спокойно ожидала моего возвращения.

— Все готово, — сказал я, — меня прислали за вами. Я должен захватить парус и несколько тюленьих шкур. А вы возьмите мой узел.

— Да, — ответила она, — я возьму узел, подзорную трубу и корзинку, а парус надо крепко завернуть и связать, иначе тебе будет не донести его.

Я взвалил на плечи парус и несколько тюленьих шкур, а Марта захватила остальные вещи, и мы собрались покинуть хижину.

— Прощай, Лев, прощайте птицы, прощай хижина, прощай мой сад!.. — проговорил я дрожащим голосом.

Тут я взглянул на море и громко вскрикнул, поша моя вывалилась у меня из рук.

— Смотрите! — крикнул я моей спутнице. — Смотрите!.. — повторил я, задыхаясь от волнения.

Она взглянула на море и увидела то же, что и я. Лодка под всеми парусами была уже на расстоянии полумили от острова и быстро удалялась. Свежий ветер гнал ее со скоростью до семи или восьми миль в час.

— Они бросили нас! Покинули! — закричал я, как безумный, и бросился к берегу. — Остановитесь! Стойте! Стойте! — пытался я обратить к себе внимание людей в лодке, но, видя, как бесполезны мои крики, я в изнеможении опустился на камни. Почти в ту же минуту я потерял сознание.

— Фрэнк Геннекер, — произнес надо мною мягкий, но твердый голос.

Я очнулся, открыл глаза и увидел Марту. Она стояла на коленях возле меня.

— Мне надоело здесь жить, остановите их, — воскликнул я и опять с отчаянием взглянул на удалявшуюся лодку. — Мне так хотелось уехать, а они бросили нас и

всю провизию захватили. Даже рыбу из запруды и ту взяли. Мы умрем с голоду!

Я рыдал, закрыв лицо руками, не слушая утешений доброй Марты.

— Все уехали. Опять никого, никого не осталось, кроме вас и меня... — твердил я.

VII. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Марта что-то долго говорила мне, и я слышал ее слова, но не мог вполне понять смысла того, что она говорила. В голове моей был какой-то туман, и я вскоре опять потерял сознание. Как она мне после рассказывала, Марта побежала в хижину за чистой тряпочкой и, смочив ее водой, стала прикладывать к моей голове и вискам. В таком состоянии я оставался около получаса. Она продолжала смачивать мне голову, и мало-помалу я стал приходить в себя и открыл глаза. Первое, что я увидел, были самцы-альбатросы, прилетевшие с рыбой в клювах. Марта отняла у них добычу, — они улетели и вернулись с новой. Марта собрала таким образом до пятнадцати рыбин, весом не менее полуфунта каждая.

— Вот мы и не умрем с голоду, Фрэнк, — сказала она. — А теперь тебе надо полежать и отдохнуть как следует.

С помощью Марты я кое-как добрался до своей постели и в изнеможении упал на нее. Марта продолжала смачивать мне голову холодной водой.

— Постарайся заснуть, а когда проснешься, я дам тебе поесть, — ласково сказала она.

Я закрыл глаза. Лев подполз ко мне, и я вскоре заснул крепким сном, положив руку на его голову.

Проснулся я только на следующее утро. Марта еще спала. Утро было чудное. Солнце ярко светило, по морю пробегала легкая рябь. Я развел огонь, чтобы зажарить к завтраку рыбу, и приготовил свои удочки, чтобы наловить еще. Надо было возобновить запас в садке. Вскоре ко мне подошла Марта и радостно спросила:

— Доброго утра, Фрэнк! Ты уже здоров?

Я кивнул головой. Никто никогда еще не заботился так обо мне.

— Совершенно здоров. Я приготовил удочки; ведь до прилета птиц нам придется питаться одной рыбой, а ло-

вить ее можно только в хорошую погоду. Нам не следует сейчас терять времени.

— Конечно, конечно, — кивнула головой Марта. — Как только позавтракаем, мы вместе пойдем ловить рыбу. Я отлично умею удить, я привыкла к этому занятию на корабле. Мы должны оба серьезно приняться за работу.

Мы позавтракали и отправились к садку.

— Давай посмотрим, не оставили ли они чего-нибудь, Фрэнк? — предложила Марта.

— Да, — ответил я, — но берег я уже осмотрел и нашел несколько весел и длинную удочку, а наверху у нас есть молоток и лопата.

— Хорошо, — довольно кивнула головой Марта, — мы сейчас посмотрим, нет ли еще чего-нибудь.

Когда мы дошли до садка и осмотрелись, спутница моя оказалась права — я увидел лежавший на берегу железный котел. Это была большая удача.

— Посмотрите, посмотрите! — воскликнул я. — Они оставили котел, это же здорово! Мне так надоело есть сухую птицу, она была несравненно вкуснее, когда они варили ее в котле вместе с картофелем. И мы тоже будем скоро готовить это блюдо.

— Я также очень рада, Фрэнк, потому что не люблю сырого мяса. Давай посмотрим, что еще они выбросили из лодки, — предложила моя спутница.

— Они еще оставили на берегу три бочонка с водой, — вспомнил я. — Но почему? Я видел, что они все их поставили в лодку.

— Вероятно, они нашли, что лодка слишком нагружена. Им хватит воды не более, как на шесть дней. Бог их накажет за их злодеяние, они страшно будут страдать от жажды, — ответила Марта.

Осмотрев все вокруг нашей хижины и на берегу, мы собрали все, что оставили моряки: котелок, три бочонка, семь весел, большой железный крюк, бечеву, используемую китобоями, старую пилу, мешок с толстыми гвоздями и два куска листового железа.

— Пила нам пригодится, — сказала Марта, — у тебя в сундуке есть напильник, мы можем распилить ее пополам и из одной половины ее сделать ножи.

— Ножи? Но это ведь очень сложно, как мы их сделаем сами? — засомневался я. Но Марта улыбнулась:

— Я покажу тебе, как это делается. Для кусков железа я также найду употребление. Они предназначались

ти починки лодки в случае надобности, а они выбросили его вместе с молотком и гвоздями. Эти железные листы нам очень пригодятся, мы сможем жарить на них рыбу, только надо загнуть края их с помощью молотка. А теперь не будем терять времени. Мы должны до обеда наловить как можно больше рыбы!

Мы сели на берегу и закинули удочки. Рыба хорошо шла на приманку, и вскоре я и Марта поймали пять крупных рыбин. Я всех их выпустил в садок

— Что мы будем делать с толстой удочкой, которую они оставили? — спросил я Марту.

— Мы сделаем из нее несколько тоненьких удочек, когда нам понадобятся новые, — не раздумывая, ответила она.

— Но каким же образом? Удочка такая толстая и тяжелая.

— Я научу тебя, Фрэнк. Ее можно раскрутить. Не забывай, мальчик, что я была женой моряка и следовала за своим мужем повсюду. Иногда нам было хорошо, а подчас и очень круто приходилось, так же, как нам с тобой теперь. Моряку частенько случается переживать большие лишения и проходить через большие опасности, но унывать никогда не следует, за жизнь нужно бороться.

До обеда мы поймали целых восемнадцать больших рыбин, по семь-восемь фунтов каждая. Одну из них мы отложили себе на обед и, собрав удочки, начали переносить в хижину те вещи, которые нашли на берегу: котел, пилу, мешок с гвоздями. Затем я вернулся за остальными вещами и перенес все, за исключением бочонков, которые нам были пока не нужны.

После обеда Марта сказала мне:

— Нам предстоит еще много дел, Фрэнк. Надо устроиться поудобнее в хижине. В ней должно быть гораздо чище и приятнее, но это уже будет моей заботой.

— Я буду делать все, что вы скажете, — с готовностью ответил я.

— Вот видишь ли, — просительно сказала Марта, — я хочу отделить для себя часть хижины, и у нас тогда будет две комнаты. У нас есть весла, из которых можно устроить перегородку, обтянув ее тюленьими шкурами.

— Да, но весла длиннее, чем ширина хижины. Как же мы это устроим?

— Воспользуемся пилой. Она хотя и тупая, но с ее помощью можно будет укоротить весла.

— А как употребляют пилу? Я не знаю...

— Я покажу тебе. Прежде всего надо измерить ширину хижины. Я хочу отделить не более трети всего пространства.

Мы измерили хижину, и с помощью пилы укоротили весла по ее ширине. Буравчик нашелся в моем сундуке, молоток и гвозди у нас также были, и к полудню остов перегородки был готов. Оставалось приколотить тюленьи шкуры, которых у меня был большой запас. Вскоре хижина была разделена на две половины. Мы сделали дверь в перегородке и завесили ее также одной из тюленьих шкур, чтобы оставался свободный проход из одной комнаты в другую.

— Но как же жить в этой комнате, если тут совсем темно? — удрученно посмотрел я на Марту.

— Этому легко помочь, — ответила она. — Принеси сюда опять пилу: надо проделать в стене квадратное отверстие. Вот так, — показала она мне рукой. — Теперь пили.

Я поступил по ее указанию, и скоро окно было готово. Оно выходило на юг и пропускало достаточно света, чтобы сделать помещение вполне пригодным для жилья.

— Но вам ночью будет холодно, — опять засомневался-я.

— Мы устроим так, чтобы холод сюда не проникал, а света было достаточно, — вновь успокоила меня Марта.

Она достала из сундука кусок белого холста и прикололотила его к отверстию.

— Как у нас стало уютно! — восторженно сказал я, оглядываясь кругом.

— Теперь принеси мне еще сюда несколько тюленьих шкур для постели. Сундук твой мы тоже поставим сюда и положим в него все наши драгоценности.

— Вы хотите положить туда ваши бриллианты? — наивно спросил я, вспомнив, что Джексон называл драгоценностями бриллианты.

— Мой милый мальчик, у меня нет бриллиантов, но у нас есть вещи, которые теперь, в нашем положении, ценнее всяких бриллиантов — вот этот железный котел, например. А теперь пойди и разведи огонь, я справлюсь здесь одна.

Я позвал Льва и спустился вместе с ним на берег, чтобы поймать рыбу в садке. Вернувшись, я решил сва-

рить свою добычу в котле и, наполнив его водой, поста-вил на огонь.

Во время ужина я поинтересовался у Марты, какая нам еще предстоит работа.

— Завтра мы приберем все вещи, которые валяются на площадке перед хижиной, и окончательно устроим свое жилище. Затем я осмотрю все наше имущество и спрячу кое-что из него в сундук, — ответила она.

На следующий день погода была ясная, но холодная. После завтрака мы опять принялись за работу. Перво-наперво очистили пол хижины, на котором разбросан был всевозможный хлам, потому что как Джаксон, так и я не особенно наблюдали за порядком.

— Надо устроить на стене несколько полок, — сказала Марта, — это не трудно. У нас еще есть весла. Мы прикрепим одно из них к обеим сторонам хижины, на расстоянии фута от стены, отрежем кусок паруса и приколотим его с одной стороны к стене, а с другой — к веслу. Это вполне заменит нам полку. На парус мы сможем разложить аккуратно вещи.

Так мы и сделали, и вышла отличная полка. Хижина так преобразилась, что ее было просто не узнать: все на месте, уютно, чисто.

— Вот так хорошо, — наконец одобрила нашу работу и Марта. — Теперь мы сделаем осмотр сундука.

Она вынула из него всю одежду и разложила ее на полку. Увидев среди прочей утвари кусок парусины, она довольно посмотрела на меня.

— Вот этой находке я особенно рада. Мне можно будет сшить из нее платье гораздо удобнее, чем это черное, которое я теперь ношу. Его я спрячу на случай, если нам когда-нибудь удастся уехать отсюда. Тебе здесь хватит одежды надолго, но я перешью пока две рубашки и две пары панталон по твоему росту. Остальные нечего трогать, так как ты пока еще растешь. Сколько тебе приблизительно лет, Фрэнк?

— Лет пятнадцать, — предположил я, — а может быть, и больше...

— Да, вероятно, так, — согласилась Марта.

Мы сложили и спрятали обратно в сундук всю одежду. Инструменты, подзорную трубу и прочее положили на полку, а затем стали рассматривать ящичек с нитками, иголками, рыболовными крючками, пуговицами и другими мелкими вещами.

— Все это нам будет очень полезно, — сказала Марта. — У меня есть еще кое-что в этом же роде: мы положим все вместе. Принеси мне мою корзинку.

В корзинке этой оказалось множество вещей, по большей части мне совершенно не знакомых. Мы вынули их все, и Марта терпеливо объяснила мне их назначение. Тут были: две щетки, гребни, ножницы, перочинный ножик, баночка чернил, несколько перьев, наперсток, иголь-ник, катушки ниток и шелка, сургуч, пластырь, булавки, увеличительное стекло, черные шнурки для ботинок и многое другое, чего я не припомню, хотя страшно был заинтересован содержанием этой корзинки.

На дне ее лежало несколько бумажных пакетиков. Марта объяснила мне, что это — семена, которые она собрала, путешествуя с мужем, чтобы отвезти на родину. Теперь же она посадит их здесь. Когда она вытряхивала пыль из корзинки, из нее выпало пять зернышек. Марта тут же попросила меня подобрать их.

— Три из них — апельсиновые зерна, — сказала она,— завтра мы их посадим, а остальные горошины не знаю каких растений, но мы тоже посеем их.

— А это круглое стеклышко, для чего оно? — спросил я, увидев опять незнакомый предмет.

— Положи его в сторону. Я сейчас покажу тебе, как пользоваться им.

Марта послала меня в хижину за сухим мхом и установила против него увеличительное стекло. К великому моему изумлению, мох быстро загорелся. Я был страшно поражен тем, что увидел, и поднял голову, чтобы посмотреть, откуда взялся огонь. Марта объяснила мне, в чем дело, и я до некоторой степени понял ее, но мне очень хотелось взять стекло в руки и самому проделать тот же фокус. Марта, видя мое любопытство, передала мне стекло, и я снова зажег мох, обжег себе руку, обжег голову одной из моих птиц и, наконец, завидев Льва, дремавшего на солнце, направил огненный луч на его холодный нос. Он испуганно вскочил, но я чувствовал себя счастливцем.

С этого времени в солнечные дни мы всегда разводили огонь с помощью увеличительного стекла. Оно было небольшое, и я всегда носил его с собою.

VIII. ЧУДОВИЩНАЯ РЫБА

Марта оказалась очень трудолюбивой женщиной. Она всегда была чем-нибудь занята: шила, чинила, чистила, убирала, украшала цветами и растениями наше жилище или работала в саду и огороде. Зато рыбную ловлю я взял всецело на себя, хотя Лев всегда помогал мне в этом. Теперь у меня были прочные удочки, и я мог при помощи их удить рыбу на значительной глубине.

Однажды я подошел к выступу скалы, поднимавшейся фута на два над водой, и мне удалось, хотя и с большим трудом, вскарабкаться на него. Я расположился там с моими удочками и ждал клева с терпением, достойным настоящего любителя-рыболова. Я знал, что глубина в этом защищенном скалами уголке очень значительна, и опустил удочку на три или четыре ярда в воду. Поплавка у меня не было, и я только по движению лески, которую обвязал вокруг руки, чувствовал, когда рыба клюет.

Через некоторое время глаза мои начали слипаться, и я, прислонившись к скале, задремал.

Внезапный сильный толчок пробудил меня, и я вдруг очутился в воде. Падение мое было столь неожиданным, что несколько мгновений я не мог прийти в себя и понять, в чем дело, но скоро сообразил, что, по всей вероятности, подцепил на крючок крупную рыбу, которая и затащила меня в воду. Удочка врезалась в руку и грозила мне гибелью, мешая подняться на поверхность воды. С большим трудом удалось мне от нее освободиться и вынырнуть. Не желая терять свою добычу, я уцепился обеими руками за удочку и изо всех сил потянул рыбину к себе.

Наконец мне удалось мельком увидеть ее. Через мгновение рыба опять нырнула в воду и увлекла меня за собою. Я успел разглядеть, что она почти круглая, огромная, длиною приблизительно в семь или восемь футов и явно представляет собою опасного противника в этой почти закрытой бухте. Я продолжал бороться с ней и чувствовал, что сопротивление понемногу ослабевает. Наконец мне удалось вонзить ей нож в голову, что положило конец нашей схватке. Мне никогда больше не пришлось встретить рыбы, подобной моему поверженному врагу. Вероятно, она случайно попала в наши воды...

Неожиданно появилась другая беда. В пылу преследования я уплыл очень далеко от острова и теперь так

устал от борьбы, что был не в состоянии вернуться назад, таща за собой свою громадную добычу.

Я с горечью подумал о том, как порадовалась бы Марта, если бы я сумел принести такую значительную прибавку к нашим скудным запасам. Но делать было нечего, надо было бросать свой трофей, ибо силы быстро покидали меня.

Как только мне удалось снять рыбу с крючка, я повернул к берегу и поплыл, стараясь не думать о расстоянии. К счастью, вблизи не было видно ни одной акулы. Я вышел на берег без дальнейших приключений и, придя домой, рассказал Марте о том, что произошло. Марта выслушала мой рассказ с большим интересом, но побранила меня за неосторожность:

— Ты мог бы утонуть, Фрэнк, разбиться или сделаться добычей акулы, — сказала она тихо и серьезно.

Я едва успокоил ее, пообещав вперед никогда больше не рисковать попапрасну своей жизнью.

Видя тревогу Марты, я постарался забыть о своей неудаче, но с таким трудом пойманная мною рыба не выходила из головы, и я продолжал горевать о том, что необходимость заставила меня отдать ее на съедение акулам. Даже ночью во сне я боролся с рыбой-чудовищем и, грустный, плыл обратно к берегу, как это было наяву.

После этой беспокойной ночи я поднялся очень рано, вышел на берег и вдруг увидел Льва, плавающего в море, близ утесов; он делал странные прыжки и нырял в погоне за каким-то темным предметом, который виднелся на поверхности воды. Я отозвал его, чтобы посмотреть, чем это он развлекается, и страшно удивился, разглядев очертания вчерашнего моего противника. Я радостно вскрикнул и бросился к дому. Марта, услыхав издалека мои радостные возгласы, выбежала из хижины посмотреть, что случилось. Я потащил ее за руку к берегу. Она была удивлена при виде огромной рыбы, не менее, чем я вчера.

После недолгих совещаний мы решили вытащить ее на берег, и я, взяв в руки веревку, прыгнул в воду. Сделав петлю, я закинул ее под жабры рыбе, поплыл обратно и вскарабкался на утес, где меня ждала Марта, и мы уже объединенными усилиями стали тащить ее из воды. Мы долго тянули это чудовище изо всех сил, но сначала безуспешно. Рыба была слишком велика, чтобы вытянуть ее отвесно. Наконец нам удалось с большим трудом до-

тащить ее до низкого утеса. Я разрезал ее на куски, и Марта унесла их в хижину. Мне она сказала, что будет сушить эту рыбу каким-то новым способом, в результате чего она может сохраниться пригодной для пищи целый год.

Марта приготавливала рыбу замечательно вкусно, и эта еда никогда не надоедала мне.

Время шло, и у нас появились новые продукты. В моей памяти сохранился тот радостный день, когда обед наш наконец обогатился блюдом великолепного дымящегося картофеля, выкопанного на нашем огороде. Вслед за ним у нас на столе появились бобы, фасоль, горох, — они выросли из семян, привезенных Мартой и посеянных нами.

Но не только огород, — и сад наш также пришел в самое цветущее состояние. Цветы и вьющиеся растения, которыми заросло наше жилище, придавали ему очень красивый и привлекательный вид. Мы пересадили на овраге несколько диких кустов, которые под влиянием хорошего ухода и благодатного климата быстро разрослись возле дома и уже могли защищать его от ветров. Я выстроил нечто вроде сарая для хранения картофеля и дров, огородил и птичий двор для наших ручных альбатросов — их была у нас теперь целая стая. Вокруг сада я посадил живую изгородь. Марта говорила, что наше жилище теперь скорее походит на деревенский домик, где-нибудь в Европе, в центре небольшого поселка, чем на хижину двух людей, забытых на скалистом безлюдном острове, за тысячу миль от родины.

IX. НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Все свое свободное время мы с Мартой употребляли на прогулки по острову. Мы исследовали его вдоль и поперек в поисках, главным образом, новых растений для нашего сада, и редко возвращались домой без какого-нибудь нового экземпляра для нашей коллекции. Марта обладала некоторыми познаниями в ботанике и сообщала мне названия и свойства различных сортов растений, что придавало большое разнообразие и занимательность этим экскурсиям.

Костюмы, в которых мы бродили по острову, показались бы более чем странными для постороннего глаза. Мы

не носили ни чулок, ни сапог,— где нам их было взять?— и надевали на ноги самодельные неуклюжие сандалии из тюленьей кожи для защиты от колючих растений типа кактусов, среди которых нам частенько приходилось прокладывать себе дорогу.

Марта поспла на голове еще и шапку из тюленьей кожи, которой защищала голову и лицо от солнца. Для наших экскурсий она обыкновенно надевала толстые холщовые панталоны, — так как обычное платье ее изодралось бы в куски после получаса ходьбы по кустарникам, — и фуфайку, сшитую ею из мужского жилета.

Я носил широкополую шляпу, собственноручно сплетенную из сухой травы, матросскую куртку, до крайности уже изношенную, с заплатами из тюленьей кожи, и парусиновые панталоны, заплатанные таким же способом.

Хотя цели наших экспедиций были самого мирного свойства, мы все же не решались ходить далеко без оружия. По совету и под руководством Марты я смастерил себе толстый лук и множество стрел и долго практиковался в стрельбе в цель, пока не достиг совершенства в этом деле.

За неимением огнестрельного оружия стрелы были для меня неоценимы во многих отношениях. Акулы, которые во множестве появлялись возле берегов нашего острова, имели обыкновение подплывать к нему на близкое расстояние, и мне часто удавалось, стоя на краю утеса, стрелять и убивать их. Я не любил этих хищных тварей и беспощадно истреблял.

Эти стрелы из крепкого дерева, с гвоздями на конце, я носил за спиной в чехле, американский нож висел у меня спереди; через плечо я надевал на перевязи корзинку, сплетенную из длинной морской травы, и собирал в нее наши сокровища, а лук держал в руках. Моя же спутница имела в руках только длинную палку, а к талии привязывала корзинку с небольшим запасом провизии.

Проголодавшись, мы усаживались где-нибудь в тенистом уголке среди цветов, защищенные кронами деревьев от жгучего солнца, и закусывали рыбой или птицей, пекли в золе картофель и запивали незатейливый обед наш ключевой водой. Это был необыкновенно приятный отдых после целого дня утомительной ходьбы.

Путешествуя, мы открыли небольшую долинку, окруженную со всех сторон деревьями и кустами. Земля тут была очень плодородная, и деревья росли могучие, с го-

раздо более толстыми стволами, чем во всех остальных частях острова. Мы назвали этот уголок Счастливой долиной, и он стал нашим любимым местом отдыха.

Однажды, после долгой прогулки, мы расположились под одним из деревьев. Долина наша находилась на противоположном от дома берегу острова, в четверти мили расстояния от моря. Здесь росло множество самых причудливых растений, и Марта, покончив с едой, отправилась их выкапывать.

Я бродил между кустами недалеко от нее и только что завернул за большой куст, в котором, как мне показалось, щебетала какая-то хорошенькая птичка, как вдруг услышал громкий крик. Я быстро обернулся и увидел Марту. Моя верная спутница стремительно бежала ко мне с выражением страшного испуга на лице. Она где-то бросила свою палку, шапка свалилась с ее головы, и длинные волосы, распустившись от быстрого бега, рассыпались по плечам.

В первую минуту я не мог понять, что ее так испугало, но затем услыхал странный шорох в кустах, как будто что-то грузное пробиралось между ними. Еще секунда, и оттуда выползло какое-то необыкновенное чудовище.

Оно быстро приближалось ко мне, высоко поднимая голову; пасть его была широко раскрыта, и из нее высовывался раздвоенный язык, которым чудовище двигало с изумительной быстротой. Тело его было длинное, толщиною в обыкновенное дерево. Оно было покрыто блестящей разноцветной чешуей и тащилось по земле в больших складках, с огромным хвостом позади. Блестящие глаза его были налиты кровью и кровожадно сверкали. Вид чудовища вполне объяснял испуг моей спутницы.

— Беги! — кричала она мне с ужасом. — Беги, Фрэнк, или ты погиб!..

Она еще раз оглянулась и, увидав, что страшное животное ее нагоняет, помчалась еще быстрее в сторону от меня. Я встал, выпрямившись, натянул свой лук и стал выжидать, когда можно будет хорошо прицелиться, вполне сознавая, что все теперь зависит от моей решительности и ловкости.

Враг мой приближался, издавая страшное шипение. Глаза его смотрели на меня, пасть еще шире раскрылась, как бы намереваясь разом проглотить мое тело. Огромные складки его грузного туловища тяжело волочились по земле, ломая по дороге кусты и растения.

Сердце мое замирало от ужаса, но грозящая не только мне, но и Марте опасность придавала храбрости и решимости. Чудовище подползло уже совсем близко и находилось рядом с деревом, под которым мы только что обедали. Я был от него на расстоянии двадцати ярдов, не более. В тот миг, когда голова его поравнялась с деревом, я спустил тетиву, направив стрелу, как мне казалось, прямо в глаз, чтобы пробить ему мозг и тем сразу покончить с ним. Но мой враг внезапно повернул голову, и стрела попала ему в раскрытую пасть, прошла через скулу и, глубоко вонзившись в дерево, пригвоздила к нему голову чудовища. Как только огромное животное почувствовало себя раненым, оно обвилось громадным своим телом вокруг дерева и отчаянными усилиями стало раскачивать его взад и вперед, как былинку.

Боясь, что чудовище освободится, я выпустил все мои стрелы в его тело и ранил в нескольких местах, затем бегом бросился вслед за Мартой по кратчайшей дороге к хижине. Мы добрались домой полуживые от страха и усталости.

Эту ночь мы почти не спали и на следующий день не выходили из хижины. Когда опять наступила ночь, один из нас оставался сторожить дом, пока другой спал. На второй день ко мне вернулась храбрость, и захотелось пойти взглянуть на чудовище, но Марта отговорила меня. Она объяснила мне, что это был пифон — гигантская змея из породы боа, которые водятся на северном берегу Америки. Вероятно, ее принесло к нашему острову на стволе дерева. Нанесенные мною раны едва ли могли причинить большой вред такому огромному гаду, и он, без сомнения, подстерегает нас где-нибудь вблизи.

На третий день, однако, мне показалось больше невмоготу жить под гнетом такого ужаса, и я решился пойти разузнать, что все-таки ожидает нас. Я вышел из хижины, вооруженный новым луком с большим запасом стрел, топором и американским ножом, и стал осторожно пробираться вперед, зорко оглядываясь кругом и прислушиваясь к каждому шороху, пока наконец не добрался до рокового места встречи с чудовищем. Я с трудом переводил дух, и сердце мое отчаянно билось по мере приближения к тому дереву, близ которого я оставил своего страшного врага.

К великому моему удивлению, пифона нигде не было видно. Земля вокруг дерева была усыпана ветками и

листьями, бо́льшая часть коры его стерта в порошок, а у подножья чернела впитавшаяся в землю кровь, смешанная с листьями, обломками стрел и землей.

Пифон исчез, но куда? Я стал искать следы его отступления и легко нашел их. С натянутым луком и приготовленной к пуску стрелой я пошел по кровавому следу, который ясно был виден на траве. Он вел от дерева прямиком к морю и там исчезал. При этом открытии я вздохнул свободно.

Без сомнения, чудовище пережило наше столкновение, но находилось уже за сотни миль от острова, и трудно было предположить, что оно вернется сюда опять.

X. МОЯ ПЕРВАЯ ЛОДКА

Как ни улучшилась с появлением нежной, заботливой, всезнающей Марты моя жизнь на острове, я по-прежнему мечтал покинуть когда-нибудь его и все ждал появления корабля. Ежедневно брал я свою подзорную трубу и, напрягая зрение, разглядывал морскую даль, но ничего не мог разглядеть, кроме случайного кита, стада морских свинок, играющих у берега, или тюленей, греющихся на солнце на ближайших к морю утесах. Я давно уже работал над устройством отлогого спуска к морю в самой защищенной от ветров стороне острова. Целью моей было приготовить такое место, куда могла бы причалить лодка в случае появления корабля.

Еще до приезда людей на остров я мечтал о том, чтобы самому смастерить лодку и предпринять путешествие на ближайший из больших островов. Я сообщил об этом Марте, но она с недоверием отнеслась к моим планам и сказала чистую правду — что я не имею нужных инструментов и познаний в кораблестроении. Однако, слова ее не смутили меня и не поколебали моей решимости. Мне пришла в голову мысль срубить дерево и из его ствола выдолбить лодку; но близ моря не росло ничего, кроме кустов, а если бы мне и удалось срубить большое дерево, растущее в глубине острова, я был бы не в состоянии перетащить его к берегу.

Я вспомнил об ивах, которые встречались кое-где на берегу, и придумал сделать из них остов лодки, крепко скрутив их вместе, а затем натянув на него тюленьи кожи. Я проработал несколько недель над этим сооружени-

ем, и наконец мне удалось соорудить нечто похожее на ту лодку, в которой приплыли на остров моряки. Однако она была очень мала и так легка, что я без всякого труда перетащил ее к своей пристани. Когда я попробовал спустить лодку на воду, то убедился, что она совершенно кривобокая и к тому же сильно пропускает воду. Одним словом, в ней было так много недостатков, что я вынужден был вытащить ее на берег и разобрать на части.

Начал я с того, что соорудил прочный остов, заостренный с двух концов, и обтянул его кусками толстой парусины, пропитанной тюленьим жиром. Затем я весь его покрыл хорошо высушенными тюленьими кожами, которые также сделал непромокаемыми. Внутренность лодки я выложил кусками сухой коры и приколотил для большей прочности сверху несколько досок, прибитых водою к острову. Я даже устроил в ней несколько скамеечек и воображал, что сделал все, что нужно.

Спустив лодку в заливчик, я с восторгом увидел, что она великолепно держится на воде, но мне предстояло еще немало работы. К лодке нужны были еще весла и парус, с помощью которых я мог бы управлять ею в том случае, когда невозможно будет грести. Я вспомнил о запасных веслах и бизань-мачте китобойного судна. Весла эти были слишком велики, но они послужили мне образцом, по которому я соорудил пару грубых весел гораздо меньшего размера.

Следующее затруднение состояло в том, что я не умел править веслами и предпринял несколько неуклюжих попыток, пока Марта наконец не выдержала и не показала мне, как ими пользоваться.

Вскоре я научился грести и довольно быстро поворачивал лодку в любом направлении. Решив попутешествовать по воде, я посадил в нее Льва в качестве пассажира, захватил также с собой мою маленькую стаю альбатросов. Они уселись вокруг меня и поглядывали по сторонам с таким глупым видом, что я не мог удержаться от смеха.

— Я думаю, — заметила Марта, — что здешние моря никогда не видали такой команды: с маленьким дикарем вместо капитана, ручным тюленем в качестве его помощника и стаей птиц вместо матросов. Такое собрание удальцов едва ли когда-нибудь вообще плавало по водам океана...

Однако наша морская прогулка продолжалась недолго.

Вскоре Лев сделал неловкое движение, и мое утлое суденышко перевернулось вверх дном. Альбатросы взмахнули крыльями и перелетели на ближайший утес. Лев тоже выплыл на берег. Я последовал за ними. И, таким образом, моя первая попытка объехать вокруг острова окончилась полной неудачей.

XI. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Иногда мне казалось, что на горизонте появилось судно. Я лихорадочно разводил костры и поливал огонь водою, чтобы было побольше дыма, как это делал Джаксон, но из этого ничего не выходило. Или зрение обманывало меня, или мои сигналы не были видны с кораблей.

Иногда бывали бури, и, вероятно, были и крушения где-нибудь в море, однако никаких обломков к нашему острову не прибивало.

Но однажды страшный ураган разразился над нашим тихим скалистым островком. Целый день гремели раскаты грома и сверкала ослепительная молния. Ветер вырывал деревья с корнями, выл и гудел. Он снес наши пристройки, произвел страшные опустошения в нашем саду и даже грозил разрушить хижину. Нечего было и думать о сне, пока бушевала эта ужасная гроза.

Мы с Мартой сидели молча, прислушиваясь к треску досок и поминутно ожидая разрушения нашего жилища. К счастью, новая кора, которою я недавно покрыл крышу, отчасти защищала нас от проливного дождя, но в некоторых местах вода все же просачивалась и на полу образовались лужи.

Раза два во время урагана мне казалось, что я слышу какие-то звуки, не похожие на гром. Они не так перекатывались, как раскаты грома, были не так отдалены и как будто приближались и становились все яснее и яснее.

— Это выстрелы, это сигналы с тонущего корабля! — воскликнула вдруг вне себя Марта.

Я был тоже взволнован.

Когда ветер утих на мгновение, раскаты грома прекратились, мы с затаенным дыханием прислушались к новым звукам, но они более не повторялись, а через несколько минут мы услыхали какой-то страшный вопль, в котором едва различались крики, возгласы и стоны. Кровь застыла в моих жилах.

— Корабль только что потерпел крушение, люди гибнут, — прошептала белыми губами Марта, едва переводя дыхание.

Ветер продолжал завывать, гром опять загремел с прежней силой, но мне все слышались крики гибнущих людей о помощи. Я ждал конца грозы с нетерпением и страшным беспокойством в сердце, сознавая, что сейчас я бессилен...

Буря утихла только с восходом солнца. Ветер спал; громы и молнии прекратились; дождь стих и мало-помалу начинало светать.

Я собрался пойти на берег. Марта захотела последовать за мной. Она захватила в корзиночку вещи, которые, по ее мнению, могли пригодиться.

Когда мы дошли до берега, глазам нашим представилось необычное зрелище: море было усеяно досками, мачтами, бочонками, лодками и множеством других предметов. Волны прибивали их к скалам, выбрасывая на берег в тех местах, где скалы были пониже.

На небольшом расстоянии от берега лежал остов большого корабля. Мачты его свалились за борт, палубы были оголены.

Мы тщетно разглядывали несчастное судно, надеясь увидеть на нем хоть одного человека. Но все было мертво и пустынно. Оставалось предположить, что весь экипаж корабля пересел на лодки и что лодки эти затонули, а люди стали жертвами акул. Трагедия была в том, что если бы они остались на корабле, то были бы спасены, так как его выбросило из воды невредимым.

Убедившись, что поблизости нет акул, я спустил на воду мою маленькую лодку. мы с Мартой сели в нее, взяли по веслу и начали грести по направлению к кораблю. Через несколько минут его борта уже высились над нами. Мне удалось вскарабкаться на палубу, и я принялся тщательно осматривать корабль.

Я проникал всюду, куда можно было проникнуть, поражаясь количеству предметов, которые представлялись моим глазам. Всего было в изобилии, и почти все это были предметы, мне не знакомые. Я был ошеломлен разнообразием и новизною всего, что видел.

Между прочими вещами я отыскал морской канат, притащил его на палубу и привязал нашу лодочку к кораблю; затем наскоро устроил веревочную лестницу, которую перебросил Марте, и через несколько минут она

уже стояла рядом со мною. Теперь уже мы вместе еще раз прошли по кораблю и моя верная спутница объясняла мне назначение многих предметов, казавшихся нам непонятными, и помогла выбрать то, что могло быть нам полезным.

В трюм набралось очень много воды, и я с трудом прошел в ту часть его, где хранилось оружие. Мне в первый раз в жизни приходилось видеть такие вещи, и я с особым интересом и удивлением брал в руки и разглядывал мушкеты и пистолеты. Марта объяснила, как их заряжают и как из них стреляют. Мне сразу стало ясно преимущество такого оружия над луком и стрелами, и я отобрал несколько ружей, чтобы увезти с собою. Марта же отыскала несколько жестянок с совершенно сухим порохом и мешочек с дробью и пулями. Все это я немедленно перетащил в лодку.

В других частях корабля мы обнаружили мешки с зерном, бочонки с мукой и другую провизию, а также одежду, ящики с инструментами и множество бутылок и кувшинов, содержимое которых было мне также не знакомо. Больше всего поразили меня земледельческие орудия, найденные нами в трюме. Мы нашли также огромные запасы всевозможных семян, корнеплодов и небольшие растения в горшках.

Марта объяснила мне, что по всем признакам этот корабль вез переселенцев для освоения каких-то новых земель и, видимо, погибло очень много людей.

Мы взламывали замки и ящики и везде находили множество вещей, которые могли быть нам весьма полезны, но, радуясь каждому сюрпризу, мы одновременно стали в тупик: каким образом перевезти все это на берег? Задача была действительно не из легких. Наша маленькая лодка могла вместить лишь немного вещей, да и то незначительных по весу.

Мы погрузили в нее все, что она могла выдержать, и собирались плыть к берегу, как внимание наше было привлечено шумом, исходившим из дальнего угла корабля. Мы стали прислушиваться, и вдруг лицо Марты озарилось такой радостной улыбкой, что я понял: это новое открытие, очевидно, самое важное из всех.

Мы отправились к той части корабля, откуда исходил этот непонятный шум. Тут было совершенно темно. Марта зажгла фонарь, и я вдруг увидел каких-то животных. Некоторые из них, очевидно, были мертвые, но Марта

вскоре убедилась в том, что два теленка, как она их назвала, три или четыре овцы и столько же поросят еще живы. Моя всезнающая спутница стала искать и нашла для них корм, который животные тут же стали уничтожать с большой жадностью. Тут были еще и какие-то крупные звери — коровы и лошади, как объяснила мне Марта, но они лежали вповалку, не подавая признаков жизни.

Мы перепесли в дом все наши сокровища с лодки и решили сколотить из досок паром для перевозки остальных вещей и животных. Я знал, однако, что это займет очень много времени, и решил осмотреть корабельные лодки, которые плавали кверху дном на поверхности воды в нескольких ярдах от берега. Вскоре я убедился в том, что одна из них очень мало повреждена. Я притянул ее к берегу, и общими усилиями нам с Мартой удалось перевернуть ее. Вскоре мы уже починили ее, приладили к ней весла и через несколько часов плыли по направлению к разбитому кораблю.

Оставшихся в живых животных нам удалось без особого труда вывести на палубу и спустить в лодку. Через несколько минут мы уже высаживали их на берег — к немалому удивлению альбатросов, которые долго хлопали крыльями, разглядывая своих новых товарищей.

Мы перевезли также на остров все, что было можно взять из земледельческих орудий, а затем постельные принадлежности, койки, мебель, сруб дома, консервы, провизию, ящики с лекарствами и книгами, стеклянную и фарфоровую посуду, всевозможные полезные инструменты и домашние предметы. В течение двух недель мы только и делали, что переезжали с берега на корабль и обратно.

Вскоре после этого опять разразилась страшная буря, продолжавшаяся в течение двух дней и ночей. Ураган окончательно разбил остов корабля и разбросал части его во все стороны. Мне все же удалось собрать бочонки, доски, ящики, прибитые волнами к берегу, и многие из этих предметов впоследствии очень пригодились нам.

Через несколько дней после кораблекрушения я заметил каких-то невиданных мною птиц, разгуливавших в разных частях острова. Марта, увидев их, сказала, что это домашние утки и куры, которые, очевидно, спаслись с разбитого корабля.

Теперь мы представляли собой целую маленькую ком-

ную. Во главе ее стояли Марта и я, остальные были телята, овцы, свиньи и домашняя птица. Четвероногие свободно разгуливали везде, птицы держались вблизи нашего жилья.

Старая наша хижина настолько пострадала от последнего урагана, что я решил построить новую, в более удобном месте, воспользовавшись срубом, найденным на разбитом корабле. Я немало поломал голову и потрудился над тем, чтобы собрать его отдельные части, но в конце концов мне удалось соорудить небольшой, но очень удобный дом. Около него я разбил новый сад, в котором посадил апельсиновые деревья, выращенные нами, и много семян и корней, привезенных с корабля. Немного дальше я устроил еще уголок для отдыха, где посадил растения, найденные нами в горшках, — оказалось, что это были чудесные фруктовые деревья.

Покончив с этим, я подумал о своих земледельческих орудиях, мне захотелось приложить к делу находившийся среди них плуг, способ применения которого тоже объяснила мне Марта. Вначале я сам впрягся в это тяжеленное орудие, а Марта направляла его, но работа оказалась так утомительна и тяжела, что я начал придумывать способ облегчить ее. Нам оставалось только попробовать впрячь в плуг телят, но это не так-то легко было сделать. Животные оказались не очень способными учениками, однако со временем мне все же удалось заставить их выполнить эту тяжелую работу.

Таким образом в работе по постройке дома, садоводству и земледелию время проходило очень быстро, и в течение двух лет внешний вид местечка, где мы жили, совершенно изменился. У нас было удобное жилище, по стенам которого обвивался виноград с одной стороны, а с другой был разбит роскошный сад, где росли молодые груши, яблони, апельсиновые и сливовые деревья. Мы могли есть самые лучшие апельсины и яблоки нескольких сортов. Наш новый огород изобиловал разной зеленью и овощами. Птица размножилась в большом количестве, телята превратились в корову и быка, овцы принесли ягнят, а из поросят выросли великолепные свиньи, которые дали многочисленное потомство. У нас было два поля, приносивших обильный урожай, и обширное пастбище, обнесенное изгородью. В течение двух последующих лет мы, как могли, совершенствовали свое хозяйство и занялись устройством небольшой молочной фермы.

XII. ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

Несмотря на то, что первый опыт путешествия на лодке был весьма неудачен, мне очень хотелось еще раз попытаться объехать вокруг нашего острова. С тех пор как мне пришлось много раз поплавать с берега на потерпевший крушение корабль и обратно, я научился отлично грести и очень искусно управлял лодкой, которую мы спасли во время кораблекрушения.

Я был теперь в совершенно ином положении, чем тогда, когда предпринял первое путешествие. Вместо самодельной посудины, которую всякий порыв ветра мог легко опрокинуть, я управлял теперь хорошо построенной шлюпкой, которая свободно могла вместить до шести человек и была вполне безопасна, за исключением разве тех дней, когда на море штормило.

С помощью Марты я соорудил большой невод. Марта бралась за весла, пока я закидывал его в море, а потом помогала мне вытаскивать из воды. Первая же наша рыбная ловля таким способом оказалась очень удачной: мы поймали такое количество рыбы, что я начал бояться за безопасность нашего ковчега. Огромные рыбины извивались, бились, ударяя хвостом о дно лодки. Она начала погружаться в воду, и я вынужден был бросить обратно в море большую часть нашего улова.

Вскоре я соорудил в своей лодке нечто вроде палатки, чтобы иметь защиту от солнца, и устроил парус, который очень облегчал наш труд. Когда все было готово, я начал убеждать Марту предпринять вместе со мною путешествие вокруг острова, уверяя ее, что это доставит нам большое удовольствие.

Я обещал, что мы не будем слишком удаляться от берега, чтобы иметь возможность спастись от всякой непредвиденной опасности в виде шквала, акулы или скалы...

Мы выбрали чудный день для нашего путешествия: на небе не было ни облачка, ветер слегка раздувал парус, не обещая ничего худого. Я поднял тент, помог Марте войти в лодку и, простившись с нашими четвероногими и двуногими друзьями, оттолкнул ее от берега.

Парус подхватило ветром, и наше суденышко легко и плавно заскользило по водной поверхности. Вокруг нас было только море да небо, и остров наш выделялся резкими очертаниями своих берегов. Я весь был полон вели-

чественной картиной, расстилавшейся передо мной, и, положив весла, предоставил лодке возможность идти по ветру.

Неожиданно я заметил, что лодка движется по воде со страшной быстротой и вскочил, чтобы дать парусу другое направление. Между тем ветер спал, парус повис и наступило полное затишье. Нам пришлось опять взяться за весла и начать усиленно грести по направлению к берегу. Вскоре и я, и Марта очень устали, но я с удивлением заметил, что лодка очень мало продвинулась вперед. Мы опять начали грести с еще большей энергией, но чувствовали, что по-прежнему удаляемся от берега вместо того, чтобы приближаться к нему.

— Фрэнк, — устало сказала наконец Марта, — мы напрасну тратим силы. Очевидно, лодка попала в течение, которое уносит нас все дальше в открытое море, и если не подует благоприятный ветер, то мы скоро потеряем остров из виду, и тогда... что станется с нами?!

В ответ я постарался потуже натянуть парус в надежде, что поднимется ветерок и выведет нас из страшной зоны. Но затишье было полное, и положение становилось отчаянным. У нас не было компаса, провизии могло хватить очень ненадолго: мы захватили только небольшой кувшин с водой и фляжку с квасом, несколько ломтей хлеба, два пирога, цыпленка и немного сушеной рыбы.

Берег быстро удалялся, горячие лучи солнца немилосердно жгли нас — жара стояла невыносимая, только тент и спасал немного.

Мы давно перестали грести — отчасти от усталости, отчасти от сознания бесполезности этого занятия и полной безнадежности нашего положения — и молча сидели, глядя с замирающим сердцем на быстро удаляющийся остров. Он превратился в точку и вскоре вовсе исчез из виду.

Солнце уже садилось, а мы быстро неслись по течению неизвестно куда. Напрасно то и дело окидывал я взглядом безграничное пространство океана в надежде увидеть корабль, — ничего не было видно, одна лишь вода расстилалась со всех сторон.

Настала ночь, звезды заблистали на небе во всей своей чудной красе. Мне казалось, что я еще никогда не видел их такими яркими. Огромная масса воды, слегка лишь подернутая рябью, казалось, светилась бесчисленными огнями, и багровый туман, словно пламя, окружал

нас со всех сторон. Я обратил внимание Марты на это странное явление. Она объяснила мне, что свет этот вызван свечением множества микроорганизмов. Но ее словам, их в воде рассеяны целые мириады и они, словно светлячки, выплывая на поверхность воды, заливают ее огнем. Я долго наблюдал за этим чудным явлением. Каждый раз, опуская весло, я как будто ударял по огню, и мне казалось, что с весла падают в море огненные капли.

Так проходили часы за часами. Мы продолжали плыть по течению. Луна и звезды проливали на нас свой холодный свет, окружавший нас океан по-прежнему светился.

Ночью мы решили спать по очереди и сменять друг друга через каждые три часа. Мне с трудом удалось уговорить Марту первой лечь на дно лодки и хоть немного поспать перед тем, как настанет ее очередь нести вахту. Марта заснула и спала долго, а мне не хотелось будить ее: во сне она, по крайней мере, не сознавала опасности своего положения.

Я тем временем заметил маленькую тучку на горизонте и почувствовал легкий ветерок, достаточно сильный, чтобы надуть парус. Мне показалось, что он дул в сторону, противоположную течению; я круто повернул лодку, и, к великой моей радости, она быстро понеслась по ветру. Вскоре глубокая темнота заволокла все вокруг. Ветер усилился и гнул мачту, к которой был привязан парус, — я чувствовал, что он мог и вовсе оторвать его от мачты или же перевернуть лодку.

Суденышко наше быстро неслось опять неизвестно куда. Тонкая мачта скрипела, парус был сильно натянут, и я каждую минуту ожидал, что мы опрокинемся.

В это время Марта проснулась и сразу увидела всю опасность нашего положения.

— Мы погибли, — сказала она, — если нам не удастся спустить парус.

С большим трудом наконец мне удалось отвязать парус от мачты. Теперь нам грозила новая опасность — поверхность моря начала так сильно волноваться, что лодка то взлетала вверх на гребне волны, то снова опускалась. Иногда мы летели вниз почти перпендикулярно; высота волн, казалось, увеличивалась каждую минуту, и каждый раз, как мы погружались вниз, в бушующие волны, я ожидал, что бездна поглотит нас навсегда — но в следующий миг мы поднимались еще выше на гребень очередной волны. Было почти совсем темно, мы могли различать

...ло белую пену волны, которая поднимала нас, — все, что было под нами и над нами скрывалось во мраке ночи.

Я заметил вдруг, что лодка наша набирает воду при каждом погружении и может скоро пойти ко дну. Схватив железный котелок, который мы захватили с собой для приготовления обеда, я стал поспешно выливать из нее воду. Марта помогала мне.

В это время пошел сильный дождь, ветер ослабел и море стало спокойнее — на нем уже не было громадных волн, которые еще так недавно грозили потопить наше судно. Лодка пошла тише. Марта подставила под дождевые потоки кувшин и флягу, чтобы собрать дождевую воду, пояснив, что она вскоре может очень пригодиться нам.

Дождь лил мощными потоками в продолжение нескольких часов, и наконец небо стало проясняться.

Мы снова установили мачту и затем закусили частью нашей провизии, запив свой обед кружкой дождевой воды.

Я взял свою подзорную трубу и стал осматриваться вокруг. Первым, кого мне удалось разглядеть, оказался огромный кит, вскоре я заметил второго, третьего, и затем еще нескольких китов. Эти громадные животные были поистине удивительны и живописны: то один, то другой кит выбрасывал фонтаном воду, в которой преломлялись лучи солнца. В отдалении это казалось необыкновенно красивым.

Напрасно искал я глазами берег, напрасно искал корабль, — ничего, кроме китов, не было видно.

Я отложил инструмент в сторону, но вдруг Марта указала на какой-то предмет, видневшийся на значительном расстоянии от нас, и я поспешил навести на него свою трубу.

Это был корабль, но он находился так далеко от нас, что люди на нем никоим образом не могли заметить нашей лодки. Я попробовал было повернуть ее по направлению к кораблю, но ветер дул с противоположной стороны. Делать было нечего — оставалось ждать и надеяться, что корабль подойдет ближе. Я провел несколько часов в страшном напряжении, наблюдая за его курсом. Очертания его постепенно увеличивались — я уже мог разглядеть простым глазом, что это судно большого размера, но ветер гнал нас в другую сторону, и не было почти никакой надежды сблизиться с этим кораблем.

если матросы не заметят нас и он не изменит курса.

Марта посоветовала мне подать сигнал, привязав салфетку к мачте, — ее белизна на фоне моря могла обратить на себя внимание людей на корабле. Мы опустили парус и привязали на его место салфетку, но, к несчастью, скоро наступил мертвый штиль и она повисла длинными складками на мачте.

Мы взялись за весла и начали грести по направлению к кораблю, но силы наши настолько ослабели от утомления и голода, что после нескольких часов усиленной работы мы, по-видимому, очень мало приблизились к желанной цели.

Вскоре солнце стало садиться; наступила ночь и скрыла корабль от наших глаз. Когда стало светать, его уже не было видно.

* * *

Пять дней и пять ночей предоставлены мы были произволу ветра и волн. Наши скудные съестные припасы быстро иссякли, несмотря на то, что мы сберегали каждый кусочек. Дождевая вода была выпита до последней капли. Погода постоянно менялась — то наступал мертвый штиль, то вновь поднимался легкий ветерок, но я уже не имел достаточно сил, чтобы заниматься парусом. Лодка предоставлена была самой себе и шла по ветру.

Это были пять дней и пять ночей невыразимого ужаса и страданий. С восхода солнца и до заката я напрягал зрение, стараясь разглядеть хоть что-нибудь на горизонте, но, кроме неба и волн, ничего не было видно.

Спать я не мог. Воображение мое, как только я закрывал глаза, постоянно рисовало каких-то чудовищ, которые дико хохотали, а над ними поднималась голова огромного пифона, с которым я сражался в Счастливой долине. Он открывал свою огромную пасть, готовый проглотить меня, и постепенно разворачивал изгибы огромного тела, как бы желая обвить его вокруг нашей лодки и задушить нас.

Мы умирали с голоду, но еще более страдали от отсутствия питья. Жара в течение дня была ужасная, и я приходил в такое неистовство от жажды, что только увещевания Марты удерживали меня от намерения броситься в море и напиться соленой воды, которая казалась мне такой свежей и заманчивой. Моя замечательно му-

ственная спутница старалась поддерживать во мне надежду на счастливый исход нашего плавания, но я замечал, что голос ее становился все слабее и слабее — сама она тоже с каждым часом теряла силы. Марта не могла уже встать со своего места и наконец попросила меня помочь ей лечь на дно лодки.

Я испытывал странное ощущение в голове, и язык у меня стал сухим и твердым, как палка. От голода и жажды у меня начались головокружения и галлюцинации — мне постоянно казалось, что я вижу корабли, проходящие рядом с нашей лодкой, и я старался криками обратить на нас их внимание. Но голос мой был так слаб, а горло так пересохло, что я мог издавать лишь какие-то шипящие звуки.

Мне казалось также иногда, что я вижу красивые рощи; зеленые луга проносились перед моими глазами, и чудные цветы и сочные фрукты росли словно вокруг меня.

Однажды я заснул под впечатлением этого чудесного видения и, когда вновь пришел в себя, то в продолжение нескольких минут оглядывался кругом, не сознавая, где нахожусь. Яркое солнце все еще сияло над моей головой, море все так же катило волны подо мною. Я взглянул на дно лодки и увидел бледное лицо Марты, — она тоже спала. Я решил сделать последнее усилие и, несмотря на сильную слабость и дрожь в ногах и руках, ухитрился доползти до мачты и, обхватив ее одной рукой, поднять другою подзорную трубу и внимательно осмотреть все кругом. Руки мои плохо слушались, и в глазах стояла мутная пелена. Я не видел ничего, кроме воды, и уже готов был упасть в изнеможении на дно лодки, когда внимание мое было привлечено каким-то странным явлением на небе. К нам приближалась огромная туча какого-то страшного вида и формы.

Я опять поднял подзорную трубу и, внимательно посмотрев на небо, убедился, что это была не дождевая туча, а огромная стая птиц. Открытие заинтересовало меня. Я забыл свои страдания, наблюдая за движением бесконечной стаи. Когда первая линия приблизилась, я еще раз посмотрел в трубу, стараясь разглядеть, какие это были птицы.

— Да это же альбатросы! — вскричал я и, с трудом держась на ногах, добрался до Марты.

Разбудив ее, я сообщил ей о появлении огромной

стаи альбатросов, которые, очевидно, направлялись к обычному своему летнему местопребыванию. Марта обрадовалась, что если нам удастся не потерять их из виду и ветер не переменит своего направления, то, может быть, мы, направив лодку, приплывем вслед за ними к острову. Следя за полетом птиц, мы заметили какую-то точку впереди на линии горизонта, но это не было похоже на корабль. Я навел подзорную трубу на это место и с радостью увидел, что мы находимся совсем недалеко от берега. Полоса земли постепенно увеличивалась по мере того, как мы приближались к ней. Ветерок продолжал быстро подвигать нас вперед вслед за стаей альбатросов, которые, очевидно, направлялись к тому же берегу. Наконец очертания берега стали четко видны на горизонте, и Марта сказала:

— Фрэнк! Ты узнаешь этот утес?..

— Нет... да... неужели это возможно?..

Это был тот самый утес, который находился близ запруды. Мы приближались к острову Скалистый.

Прошло немного времени, и мы уже высаживались на берегу, где нас дружно встретили все наши животные и птицы. Я заметил, что Лев одичал за это время и его сопровождали в воде другие тюлени.

XIII. СПАСЕНИЕ

Дня через два, в то время как я, уже окончательно поправившись, прилежно трудился на нашем поле — жал серпом пшеницу, Марта, запыхавшись, прибежала ко мне с известием, что к острову подошел корабль и что от него только что отошла лодка, полная людей, которая направлялась прямо к нашим утесам. Я побежал домой, взял подзорную трубу и, найдя удобное место, лег на утес и стал наблюдать за приближением лодки. Это оказались матросы с торгового судна «Звезда», которое заметило нас во время нашего неудачного плавания и последовало за нами к острову. Мы радостно встретили их и показали им свои владения.

Все моряки были поражены тем, что мы на скалах смогли устроить такую цветущую благоустроенную ферму. Они с восхищением осматривали наше хозяйство: сад, огород, птиц и животных. Я не преминул показать им те места, где боролся с пифоном, где убивал акул и

[illegible] на тюленей. Люди слушали нас с [illegible]им ин-
[illegible].

В числе матросов я узнал одного из тех, которые оставили Марту и меня на острове, забрав всю провизию. Оказалось, что их лодку долго носило по морю и все его товарищи погибли от жажды, уцелел только он. Его тоже подобрала «Звезда», и он остался на ней служить.

Через несколько дней я распрощался со всеми моими животными и птицами. Особенно мне жаль было Льва, но я утешал себя тем, что он успел подружиться с другими тюленями и часто подолгу плавал с ними в море. «Он не будет долго скучать по мне и не умрет без меня с голоду», — утешал я себя.

В чудное осеннее утро, когда птицы уже собирались улететь с острова, наш корабль отчалил от его берегов, направляясь в Англию, где я надеялся с помощью Марты отыскать своего деда.

Приключения мальчика-дикаря на острове Скалистый закончились, началась жизнь юноши-европейца.

СОБАКА-ЧЁРТ

I. О ЛЕЙТЕНАНТЕ, СОБАКЕ И КОСТЛЯВОМ

В январе 1699 года окрашенное черной краской одномачтовое судно проходило под английским военным флагом близ Бичи-Гида *. Дул довольно свежий северный ветер. Солнце светило, но не грело. Снасти и малокалиберные старые орудия, расставленные на палубе, были покрыты белым палетом инея.

Старый Обадиа Кобль, старший офицер и в то же время штурман судна, закутанный в широкую теплую куртку, с громадными безобразными шерстяными рукавицами на руках, казалось, застыл на месте. Сизо-красный нос его походил на пуговицу; седые редкие волосы развевались по ветру; лицо, обезображенное громадною порцией табака за щекой, было совершенно неподвижно. Только глаза, перебегавшие от компаса к носу корабля и обратно, показывали, что человек этот не спит.

Весь экипаж куттера находился внизу, за завтраком, в полном своем составе, за исключением только штурмана и лейтенанта, командовавшего этим судном.

Лейтенант Корнелиус Ванслиперкен прохаживался по палубе, засунув руки в карманы по самые локти. Это был очень высокий и тощий человек с чрезвычайно узкими плечами и маленькой головой на длинной тонкой шее. Он походил на палку с большим набалдашником — широкополой треугольной шляпой. Длинное, худое желтое лицо с впалыми щеками и носом, загнутым к острому подбородку, придавало Ванслиперкену сходство с попугаем.

Весь костюм командира судна был скрыт под длинным широким прямым пальто. Перпендикулярность его фигуры нарушал лишь большой рупор, торчавший у него почти под прямым углом из-под левой подмышки.

---

* Бичи-Гид — мыс на южном берегу Англии.

Кроме мистера Ванслиперкена и штурмана на палубе находилось еще одно живое существо, только четвероногое. Это была самая скверная, самая безобразная собака, какая когда-либо существовала: грязно-желтой масти, с бельмом на одном глазу, с далеко выдвинутой вперед нижней челюстью, свидетельствовавшей о том, что несомненное участие в ее происхождении принимал бульдог. Хотя по величине пес этот был несколько больше пойнтера и крепко сложен, однако вид у него был жалкий и тщедушный.

Ни хвост, ни уши у него не были обрублены, но зато последние были разорваны на клочки в многочисленных схватках с другими собаками на берегу, чем он был обязан всецело своему сварливому и трусливому нраву. Хвост, совершенно лишенный благодаря какой-то кожной болезни даже признаков шерсти, скорее походил на хвост крысы, чем собаки. Многие места на теле были также лишены шерсти и покрыты струпьями и болячками.

Собака эта, низко опустив голову и поджав хвост, следовала шаг за шагом за своим господином, подобно ему как бы не замечала холода и, казалось, была так же озабочена, как и мистер Ванслиперкен. Звали ее Снарлейгоу.

— Я не могу, не хочу выносить этого дольше! — вдруг пробормотал лейтенант, зашагав быстрее.

Собака, услыхав голос своего хозяина, насторожила уши и также ускорила шаги.

— Она дурачит меня уже целых шесть лет! — Ванслиперкен сжал свои тонкие губы. Снарлейгоу сейчас же оскалил зубы.

— Я во что бы то ни стало добьюсь от нее ответа! — продолжал лейтенант после некоторого перерыва и вдруг остановился.

Собака тоже остановилась и смотрела ему в глаза. В этот момент мистер Ванслиперкен вспомнил, что еще не завтракал сегодня.

Перегнувшись через решетку люка, он взял свой рупор и крикнул вниз:

— Передайте там, что я зову Костлявого!

— Гоу! Гоу! Гоу! — завыла собака.

Минуту спустя из люка вынырнул Костлявый — необыкновенно тощий парень лет двадцати или около того, с бледным лицом, скуластый, с впалыми щеками, выпу-

ченными глазами и редкими, мочального цвета волосами. Его можно было принять за воплощение голода, чему не-мало способствовала и его одежда.

Тощие ноги Костлявого были так далеко просунуты в короткие брюки, что почти до колен торчали наружу, ничем не прикрытые и не обутые. Рукава его куртки бы-ли настолько коротки, что оставляли руки обнаженными почти до локтя. Большие торчащие уши были красны от холода. Голова, казалось, едва держалась на непомерно длинной и тонкой шее.

Высунувшись из люка, этот жалкий субъект стоял не-подвижно, приложив правую руку к своим волосам вместо отсутствующей фуражки, а в другой держа зажатую в кулак ржавую красную селедку.

— Живо! — обратился к нему лейтенант с намерени-ем отдать какое-то приказание.

Но в этот момент внимание его было привлечено се-ледкой, почуяв запах которой, Спарлейгоу стал шумно втягивать воздух и, высоко задрав голову, по-видимому, измышлял способ завладеть ею.

— Как вы осмелились явиться на палубу королевско-го куттера с ржавой селедкой в кулаке? — гневно вос-кликнул Ванслиперкен.

— Если бы я, сэр, оставил ее внизу, когда шел сюда, то, вернувшись, уже не нашел бы на прежнем месте.

— Какое мне до этого дело, сэр? Это противно всем правилам службы. Слышите?

— Ах, помилуйте, сэр... Простите меня на этот раз, ведь я простой солдат... — взмолился дрожащим голосом Костлявый.

Запах селедки раздразнил аппетит Спарлейгоу, и, поднявшись незаметно на задние лапы, он выхватил этот лакомый кусок из рук Костлявого и опрометью кинулся к шкафуту *. Долговязый парень пустил собаку как раз в тот момент, когда она, положив селедку на пол, готови-лась приступить к завтраку. Завязалась борьба. Костля-вый получил укус в ногу и в ответ огрел собаку по голове попавшейся под руку палкой.

Будь удар посильнее, он, вероятно, положил бы ко-нец всем дальнейшим пакостям этого пса, но благодаря неловкости Костлявого удар скользнул к передней лапе

---

* Шкафут — место на палубе судна между фок- и грот-мачтами.

собаки, которая с визгом убралась на бак * и оттуда принялась лаять самым вызывающим образом.

Костлявый подобрал с пола селедку и, задрав штаны, осмотрел свою рану.

— Чтоб тебе околеть от голода, как околеваю я! — воскликнул он по адресу пса и уже повернулся, чтобы идти вниз, но наткнулся на тощую фигуру лейтенанта Ванслиперкена.

— Как ты смеешь бить мою собаку, негодяй?! — воскликнул лейтенант, трясясь от злости.

— Да ведь она прокусила мне ногу, сэр, — испуганно ответил Костлявый.

— Так отчего у вас, сэр, такие тонкие ноги?

— Оттого, что меня ничем не кормят и что мне не отчего нагулять тела.

— Ничем не кормят? А что это у вас, сэр, в руках? Ах ты, селедочная обжора! Ты не расстаешься со своей селедкой даже тогда, когда являешься на палубу королевского судна, вопреки всем предписаниям военной дисциплины! За это я намерен...

— Да это не моя селедка, — запротестовал Костлявый, — это ваша, сэр: вы должны получить ее на завтрак. Это последняя, оставшаяся из полудесятка.

Это замечание несколько смягчило лейтенанта.

— Отправьтесь сейчас же вниз, сэр, и доложите мне, когда завтрак будет готов.

Костлявый не заставил повторять это приказание и тотчас исчез в люке.

— Ах, Снарлейгоу, Снарлейгоу! — сказал лейтенант, неодобрительно качая головой. — Подите сюда, сударь, сейчас же подите сюда!

Но Снарлейгоу, раздраженный тем, что остался без селедки, упорно не трогался с места. Он смотрел в глаза своему господину не совсем дружелюбным взглядом, а немного погодя взвыл и опрометью кинулся вниз. Лейтенант снова принялся расхаживать взад и вперед в ожидании завтрака.

---

* Бак — передняя часть верхней палубы до передней фок-мачты.

II О СУДЬБАХ РЖАВОЙ СЕЛЕДКИ И ОВСЯНОЙ КАШИ

Вскоре Костлявый доложил, что «завтрак ожидает мистера Ванслиперкена». Едва только лейтенант скрылся, на палубе появилась новая личность, чтобы сменить шкипера у рулевого колеса.

— Наш командир опять не в своей тарелке сегодня, — заметил Обадиа. — Я слышал, как он бормотал что-то про женщину из луст-хауза *.

— Значит, быть грозе, — отозвался Янсен, рослый голландец, старый и опытный моряк, казавшийся еще более громадным от множества теплых шарфов, которыми он был укутан.

— Да, да, имя фрау Вандерслуш всегда вызывает бурю. Пойду-ка я да позавтракаю, а то еще засвежеет до полудня, чего доброго.

А в это время перед лейтенантом Ванслиперкеном поставили большую чашку, до половины наполненную дымящейся кашей из овсяной крупы. Это был казенный паек, отпускаемый на командира и его слугу из общего артельного котла. Пока мистер Ванслиперкен старательно студил свою кашу, Снарлейгоу сидел с ним бок-о-бок, ожидая своей порции, а Костлявый стоял у стенки каюты в ожидании приказаний командира.

— Принеси мне селедку, Костлявый, я закушу.

— Селедку, сэр? — с тревогой в голосе повторил Костлявый. — Селедки нет...

— Нет?! Где же она? Куда она могла деваться?

— Ах, помилуйте, сэр... Я не думал, что вы будете кушать после собаки, и поэтому, сэр, потому я...

— И потому ты — что? — загремел лейтенант.

— Я съел ее сам... Будьте добры, простите, сэр, — лепетал несчастный.

— Ты съел?! Ах ты, жадный воришка, ненасытное твое чрево! Да как ты смел это сделать? Понимаешь ли ты, что это воровство! А за воровство — знаешь, какое следует наказание?

— Ах, сэр! Это было по ошибке, сэр... этого никогда больше не случится, — плаксиво умолял Костлявый.

— Первым долгом я прикажу отодрать тебя кошкой **

---

* Луст-хауз — увеселительное заведение типа харчевни или трактира.

** Кошка — семихвостая плетка.

...ль, чтобы твоя шкура осталась клочьями... воровской кошкой с тремя узлами на каждом хвосте... слышишь, негодяй? А после порки, — продолжал неумолимый Ванслиперкен, — тебя еще вакуплют под килем *...

— Ой, ой! — бормотал Костлявый, падая на колени. — Смилуйтесь, сэр, смилуйтесь!

Но Спарлейгоу, как только увидел, что бедняга упал на колени, с бешенством накинулся на него и стал, рыча, теребить его за спину, поглядывая исподтишка на своего господина.

— Сюда, Спарлейгоу! Сюда, сударь! Лежите смирно! — сказал лейтенант Ванслиперкен.

Но пес не забыл, по-видимому, ржавой селедки: он сперва укусил Костлявого в бедро и только тогда исполнил приказание своего господина.

— Встаньте, сэр! — приказал лейтенант своему слуге.

Костлявый поднялся с колен, но вместе с ним в нем поднялось и гневное чувство против своего господина и его ненавистного пса.

Трясясь от бешенства, с разгоревшимися глазами, он крикнул громко и грозно, несмотря на то, что слезы еще катились у него по лицу:

— Я этого не снесу! Я выброшусь за борт, но сносить этого больше не хочу! Этот проклятый пес пятнадцать раз укусил меня за одну эту неделю. Да я лучше умру сразу, чем буду служить мясом для этого пса.

— Молчи, негодяй! — прикрикнул на него Ванслиперкен. — Не то я прикажу заковать тебя в кандалы и бросить в трюм.

— Я буду очень доволен, кандалы не кусаются. Да, я сбегу отсюда! Пусть меня повесят! Искусанный до смерти, изголодавшийся до смерти, я буду рад, если меня повесят.

— Молчите, сэр! Вы с жиру беситесь!

— С жиру! — возмущенно воскликнул Костлявый. — Да я ни разу еще не получал полностью своего казенного пайка.

— Ах ты, дерзкий негодяй! Ты забыл про кошку, про воровскую кошку, которой я собирался тебя угостить?

— Уж больно обидно, чтобы такая паршивая собака

---

* Килевание — тяжелое морское наказание, состоявшее в том, что приговоренного, привязав к канату, продергивали через воду с одного бока судна на другой, под килем.

...ела всю мою порцию, да еще вдобавок наполовину обглодала и меня самого, — не обращая внимания на угрозу, продолжал Костлявый.

— Ты забываешь купанье под килем, негодяй! — крикнул взбешенный лейтенант.

— Я надеюсь, что там и останусь и не увижу по крайней мере ни вас, ни вашей паршивой собаки!

— Вон отсюда, мерзавец!.. Ты голодна, моя бедная собачка? — ласково обратился к Снарлейгоу лейтенант Ванслиперкен.

Собака положила сперва одну, затем и другую переднюю лапу на колени своего хозяина.

— Подожди, сейчас получишь свой завтрак, — продолжал лейтенант, — хотя сегодня утром ты поступил нехорошо, голубчик мой. Мы всего четыре года знакомы с тобой, а уж сколько раз ты жестоко подводил меня. Стыдно, Снарлейгоу, стыдно, сударь!

Мистер Ванслиперкен поставил чашку с овсяной кашей на пол, а Снарлейгоу не задумываясь принялся уплетать ее так, что вскоре добрался до дна.

— Стоп, собачка, стоп! Нельзя так проворно, надо хоть что-нибудь оставить Костлявому. Довольно! — и лейтенант убрал чашку с остатками каши на стол. — А теперь, Снарлейгоу, отправимся наверх.

Лейтенант вышел из каюты в сопровождении своей собаки, шедшей за ним по пятам. Вдруг с половины лестницы Снарлейгоу, крадучись, отстал от своего господина, стрелой вернулся опять в каюту, в один миг очутился на стуле, а затем на столе и в несколько секунд вылизал до дна весь остаток каши. Затем с тем же проворством он незаметно вернулся к хозяину и пошел за ним той же неслышной походкой, как будто все время безотлучно следовал за ним.

III. ВЗГЛЯД НАЗАД И ЗНАКОМСТВО С ДИКОМ ШОРТОМ

В то время в Англии сидел на троне Вильгельм Нассауский, царствовавший в течение нескольких лет под именем Вильяма III. Мир с Францией только что был заключен *. Англия была переполнена голландскими фа-

* Восьмилетняя война с Францией закончилась в 1697 году. В основе своей она имела дворцовые интриги в борьбе за власть многочисленных претендентов в «короли».

воритами, голландскими придворными и должностными лицами. Голландцы, не находящие себе применения в своем отечестве или непригодные к службе у себя на родине, без рассуждения определялись на службу на английские суда, в английские войска и на различные должности в Англии.

Мистер Ванслиперкен, голландец по происхождению, родился в Англии и приходился родственником няпюшке короля. Без труда он получил командование куттером «Юнгфрау».

В то время командиры судов были одновременно и казначеями. Имея в своем распоряжении все довольствие экипажа, все судовые суммы, которыми располагали безотчетно, по своему усмотрению, они наживали громадные деньги, обделяя и обирая своих подчиненных, находившихся в их полной власти.

Характер лейтенанта Ванслиперкена нетрудно описать в трех словах: трусость, жадность и жестокость. За время своего командования судами он скопил немалую сумму денег, обкрадывая и матросов и правительство. Ему было пятьдесят пять лет. С того времени как он получил команду над «Юнгфрау», на нем лежала обязанность возить государственные депеши в Голландию, благодаря чему ему часто случалось бывать в Гааге, где он познакомился с вдовой Вандерслуш, содержавшей в одном из предместий этого города луст-хауз. Собирались в нем обычно матросы выпить, поесть и повеселиться.

Узнав о том, что вдовушка обладает весьма почтенным капиталом, мистер Ванслиперкен стал проявлять к ней живейший интерес в надежде получить ее руку, а вместе с тем и капиталы. Вдова не думала принимать этого предложения, но была слишком благоразумна, чтобы наотрез отказать лейтенанту, зная, что в таком случае отвергенный поклонник запретит экипажу судна посещать ее кабачок и она может потерять значительное число посетителей и часть своих доходов. Вот почему она каждый раз любезно встречала Ванслиперкена, усыпляла его самыми светлыми надеждами, но дальше обещаний дело не шло.

Где и когда Ванслиперкен подобрал своего любимого Снарлейгоу — оставалось для всех неразъясненной тайной. Говорили, что эта собака появилась на куттере в страшный шторм каким-то совершенно непонятным образом, и суеверные моряки относились к ней с понятным страхом.

Казалось, весь запас нежных чувств и [illegible] в черствой душе лейтенанта, сосредоточился [illegible] этом отвратительном животном. После любви к [illegible] и нажив любовь к Спарлейгом занимала в сердце Ванслиперкена первое место.

Лейтенант Ванслиперкен расхаживал на капитанском мостике. Люди экипажа от нечего делать слонялись по палубе. Они выжидали возвращения двух шлюпок, которые были высланы еще с вечера. Лейтенант за целый час не проронил ни слова. Сначала его мысли вновь были заняты вдовой Вандерслуи, затем перескочили на Костлявого, и он стал размышлять, какое бы придумать для него наказание, как вдруг один из вахтенных матросов крикнул, что впереди виднеются лодки.

— Далеко? На парусах или на веслах?

— На веслах, сэр. Мы идем прямо на них!

Но командир был в скверном настроении духа и потому приказал положить судно в дрейф *.

— Я полагаю, что люди там достаточно устали за ночь. Можно бы и пожалеть их и подойти к ним поближе, — проворчал Янсен, который только что сменился с очереди у руля.

— Я тоже так думаю. Все равно нам шквала не миновать, — проговорил Обадиа Кобль.

Вскоре шлюпки были приняты на судно. С того самого момента как по команде лейтенанта судно легло в дрейф, каждый удар весел на шлюпках сопровождался проклятием гребцов по адресу командира судна. Старший офицер, командовавший шлюпками, поднялся на капитанский мостик и подошел к лейтенанту Ванслиперкену. Это был тучный коренастый человек на коротких толстых ногах, напоминавший чем-то медведя. Звали его Дик Шорт **. Во всех отношениях это имя как нельзя более подходило к нему: ростом он был невелик, в решениях быстр, в речах до крайности краток.

Шорт даже не считал нужным, являясь к командиру, рапортовать ему о том, что он прибыл. «Ведь это же само собой ясно, раз я перед ним», — мысленно рассуждал Шорт и потому, взяв под козырек, молча стоял перед

---

* Дрейф — угол между направлением носа парусного судна и тем действительным направлением, по которому оно движется. Такое положение обусловливает замедленное движение судна.

** Шорт — короткий.

ним начальником. Говоря с Ванслиперкеном, он ни когда не прибавлял слова «сэр», и это, конечно, сильно раздражало лейтенанта. Но он почему-то боялся Шорта. А Шорт, хотя и подчиненный лейтенанту, ничуть его не боялся и не уважал.

— Ну, что вы сделали, Шорт? – спросил лейтенант.

— Ничего.

— Видели вы какие-нибудь шлюпки или суда?

— Никаких.

— Получили какие-нибудь сведения?

— Нет.

— Что же вы делали всю ночь?

— Гребли.

— Приставали к берегу для разведок?

— Да.

— И никаких сведений не добыли?

— Никаких.

Шорт повернулся, чтобы идти вниз, когда Спарлейгоу ползком приблизился к нему и стал обнюхивать сзади его пятки. Шорт дал ему здоровый удар каблуком, отбросивший отвратительного пса на несколько сажен в сторону, что привело Ванслиперкена в сильнейшую ярость. Однако не решаясь сорвать свой гнев на старшем офицере, он вспомнил о Костлявом и тотчас же приказал позвать к себе капрала ван Спиттера.

IV. ОТЧАЯННАЯ СХВАТКА

С трудом просунув свои саженные плечи в узкое отверстие люка, капрал ван Спиттер, предстал перед лейтенантом Ванслиперкеном. Приложив руку к козырьку, он ожидал приказаний.

— Капрал ван Спиттер, приготовьте кошки для наказания, а когда все будет готово, приведите сюда Костлявого.

Повернувшись на каблуках, капрал молча зашагал к люку и вскоре снова появился на палубе со всеми орудиями порки. Разложив их у одного из орудий с подветренной стороны судна, он опять скрылся внизу. Вскоре послышалась возня, и затем наверху еще раз появился капрал, тащивший тощего и тщедушного Костлявого.

Несчастного разложили на орудии и привязали к нему. Матросы, находившиеся наверху, молча смотрели на

все эти приготовления. Порка такого бедняги, как Костлявый, была делом обычным, а выражение неодобрения было бы слишком опасно. Кто-то по приказанию командира торопливо обнажил спину Костлявого. Это было, собственно, не тело, а скелет, обтянутый кожей. Вид этой страшной худобы был положительно ужасен.

Бедняга молча и безропотно вынес положенные ему три дюжины плетей, мерные удары которых сопровождались лишь лаем Снарлейгоу, который не упустил бы случая наброситься на несчастного, если бы его не держал крепко за ошейник один из матросов. Лейтенант Вансли-перкен во все время наказания продолжал спокойно расхаживать по палубе.

Наконец капрал отвязал Костлявого и стал сворачивать свою кошку. Собака, которую не укараулил матрос, вырвалась и, накинувшись на несчастного избитого парня, жестоко укусила его. Тогда Костлявый, не успевший еще подняться с колен, вдруг вскочил на ноги. С неистовым бешенством он накинулся на собаку, обхватил ее обеими руками и стал по-звериному кусать зубами и душить за горло. Все невольно отпрянули при виде такой необычной схватки. Никто не решился вмешаться.

Долго продолжалась эта чудовищная борьба человека с собакой. Доведенный до отчаяния, до остервенения, парень кусал и душил своего противника с силой и упорством настоящего бульдога, впиваясь в губы, в уши, в самое горло собаки зубами. Оба катались по земле в диком бешенстве. Наконец Снарлейгоу схватил Костлявого собаку за шею, но тот впился зубами в переднюю лапу собаки с такой силой, что та громко взвыла. Вансли-перкен, выхватив свой рупор, изо всей силы ударил им по голове Костлявого и так ошеломил его, что он невольно выпустил своего врага.

Поднявшийся в этот момент на палубу Шорт угостил Снарлейгоу таким здоровым пинком сапога в бок, что тот с визгом и воем отлетел на целую сажень и скатился вниз в каюту.

— Как вы смеете, мистер Шорт, бить мою собаку? — воскликнул лейтенант Вансли-перкен.

Но Шорт, не удостоив его ответом, подошел к избитому и искусанному Костлявому и приподнял его голову. Тот пришел в себя. Шорт подозвал матросов и приказал им отнести Костлявого вниз, что те исполнили с особой

готовностью. Винау омыли все раны Костлявого соленой водой и уложили его на койку.

Ванслиперкен и капрал переглянулись, когда Шорт отдавал свои приказания, но ни тот, ни другой не вмешались: один боялся Шорта, другой выжидал приказания. Как только люди унесли Костлявого, капрал взял под козырек и, повернувшись на каблуках, направился вниз, унося кошку и веревки.

Бешенство Ванслиперкена теперь еще более возросло, и, засунув руки в карманы пальто с торчащим из подмышки, сплющенным на конце рупором, он быстро шагал взад и вперед по палубе.

— Уж я проморю его под килем, этого негодяя! Я научу его кусать мою собаку! — бормотал лейтенант.

V. ЗАГОВОР

Вечером на баке королевского куттера «Юнгфрау» происходило совещание. Присутствовал почти весь экипаж судна. Отсутствовали только капрал ван Спиттер и шесть человек его солдат *.

Председателем этого совещания был любимый всем экипажем Дик Шорт. Его усердно поддерживали Кобль, Джек Япсен и еще некий Джеймс Стоусбюри, известный всем и каждому на судне и на берегу под именем Джемми Декса **.

Это был чрезвычайно занятный человек. Его красивое мужественное лицо, оттененное густыми черными баками, его длинная коса (в ту пору матросы носили напудренные косы, которые они называли «свиной хвостик»), широкие плечи и богатырская грудь невольно вызывали восклицание: «Какой красавец!» Но стоило ему только встать на ноги, и вы невольно воскликнули бы: «Какой урод!». Дело в том, что природа не достропла того, что начала так хорошо. Этот красивый торс с красивой головой был посажен на коротенькие кривые ножки — и богатырь превращался в карлика. Впрочем, Джемми Декс был человек женатый, и если его природа обидела ростом, то он с лихвой вознаградил себя в этом отношении женою, вы-

---

* Военные суда того времени имели прикомандированных к команде солдат-пехотинцев для усиления боевого состава экипажа.

** Д е к с — утка *(англ.)*.

брав чуть ли не самую рослую женщину во всей Англии. Супруге своей Джемми также казался верхом совершенства, и она безумно ревновала его.

Джемми Декс был общим любимцем. Сидя теперь в кругу товарищей с неразлучной скрипкой в руках, или, вернее, между ног, так как он играл на ней, как на контрабасе, Джемми время от времени побрякивал струнами, как бы аккомпанируя беседе. Это делалось для того, чтобы лейтенант Ванслиперкен думал, что его команда собралась повеселиться и побалагурить.

Двое или трое из матросов неотступно наблюдали за кормовой частью судна, чтобы успеть заметить вовремя появление капрала ван Спиттера или одного из его людей, так как хотя капрал и не мог проскользнуть незаметно в компанию благодаря своим гигантским размерам, но он был известен своею привычкой подслушивать и доносить обо всем командиру.

— Несомненно одно, что собака — не офицер, — сказал Кобль.

— Нет, не офицер, — подтвердил Дик Шорт.

— Она не числится в судовой книге или записи. Поэтому я не вижу, на каком основании это может быть названо бунтом или заговором.

— Никак не может, — решил Шорт.

— Майн Гот*! Да это не собака, это просто черт! — заметил Янсен. — И никто не знает, как эта пóгань попала на куттер.

— Об этом рассказывают диковинные вещи, — пробормотал себе под нос один из матросов.

— Беднягу Костлявого вгонят в гроб, если так будет продолжаться, — сказал Джемми Декс, побрякивая струнами скрипки. — Командир до тех пор не угомонится, пока не выколотит души из его тощего тела. Бедняга! Стоит только взглянуть на него теперь...

— Если не будет убита собака, то погибнет Костлявый, это уж верно. Значит, приготовили, — решил Кобль. — Что вы на это скажете, ребята?

— Давайте, повесим ее теперь же!

Опять забренчали струны.

— Нет, — проговорил Шорт.

Янсен достал из-за пояса нож.

— Нет, — сказал снова Шорт.

---

* Mein Got — мой Бог *(нем.)*.

— Выбросим ее просто за борт ночью! — предложил кто-то из матросов.

— Да, а как ты ее вытащишь из каюты ночью то? Нет, брат, уж если прикончить эту гадину, так только днем.

Шорт утвердительно кивнул головой.

— Я при первом случае швырну ее за борт, — заметил Джемми Декс. — Но только я желал бы знать, действительно ли это собака или нет?

— Собака! Конечно, собака! — заметил Янсен.

— Конечно, всякий знает, что собака — собака, но я желаю знать, собака ли эта командирская собака.

Все молчали, а Джемми снова начал побрякивать струнами своей скрипки.

Все матросы до одного, без сомнения, желали отделаться от ненавистного для них пса, но ни один из них не решался взять на себя задачу избавить остальных от этого чудовища.

Не страх наказания удерживал их от этого, а обычный предрассудок, что выбросить за борт кошку или собаку значило навлечь на себя несчастье.

— Однако Костлявый не боится ее и изрядно потрепал-таки сегодня. И мне кажется, что укокошить эту гадину было бы хорошим делом, — заметил Джемми.

— Да, это самое настоящее дело и как только бедняга оправится, мы надоумим его на это дело. Ведь эта собака — его заклятый враг. Сколько он терпит от нее! Ему и следует извести ее.

Так и было решено. Не спросили только об этом самого Костлявого, который теперь спал крепким сном.

VI. СТОЛКНОВЕНИЕ ДРУЗЕЙ

Несмотря на все предосторожности, принятые совещавшимися на баке, беседа их была подслушана капралом ван Спиттером, который, заподозрив, что экипаж что-то замышляет, залег плашмя на большой парус, сложенный между двумя орудиями. В это время Ванслиперкен одиноко шагал по палубе, а его неразлучный товарищ Снарлейгоу лежал в каюте, свернувшись клубком на кровати хозяина, и сердито храпел.

Когда все разошлись, капрал сбросил с себя парус и собирался подняться на ноги, но заметил, что кто-то идет

в его сторону. Не дав себе времени разглядеть, кто бы это мог быть, он проворно юркнул под парусину; лейтенант же, полагая, что ему удалось накрыть одного из заговорщиков, схватил аншпуг *, валявшийся поблизости и ударил им изо всей силы по притаившемуся под парусиной капралу.

— Гром и молния! — заревел под парусом капрал, полагая, что это один из матросов, накрыв его при подслушивании, вздумал наказать за это.

— Гром и молния! — орал капрал, стараясь освободиться от паруса, опутавшего его, как тенета. В этот момент лейтенант наградил его новым здоровенным ударом. Тогда ван Спиттер, как разъяренный бык, вскочил на ноги, рванулся вперед и одним мощным ударом отшвырнул командира, так что тот слетел в люк через голову, скатился с лестницы да так и остался лежать без движения, ошеломленный силой удара и падения.

— Вот оказия! — пробормотал капрал. — Да ведь это сам шкипер **. Это виселицей пахнет, братец! — Весь пыл и жар его как рукой сняло. — Вероятно, он не узнал меня, не то никогда не ударил бы.

Капрал осторожно спустился вниз и убедился, что его начальник в бессознательном состоянии.

— Прекрасно, — решил капрал. Он зажег фонарь и, направившись в кормовую часть, со свойственной ему хитростью постучался в дверь капитанской каюты, но в ответ послышалось только сердитое рычание Спарлейгоу. Тогда ван Спиттер поднялся наверх на капитанский мостик, огляделся кругом и осведомился у рулевого, где мистер Ванслиперкен. Узнав, что тот несколько минут тому назад пошел на бак, капрал прошел туда же. Затем он направился к старшему офицеру, который лежал растянувшись на своей койке. Постучавшись в его дверь, капрал окликнул его:

— Мистер Шорт!

— Ну! — отозвался старший офицер.

— Я не могу найти лейтенанта Ванслиперкена.

— Ищите.

— Майн Гот! Я везде искал — и на баке, и в каюте, и на мостике... Нигде его нет!

— За бортом!

---

* Аншпуг — рычаг.
** Шкипер — командир судна.

— Я пришел к вам, сэр, потому что очень обеспокоен.

— Встаю, — сказал Шорт и соскочил со своей койки.

Среди экипажа разнесся слух, что шкипер упал за борт. Об этом шепнули даже Костлявому, который улыбнулся и пробормотал, что теперь и Снарлейгоу вскоре последует за своим господином.

В то время как Шорт искал командира наверху, капрал, которому отлично было известно, где того искать, со своими солдатами к большому огорчению всего экипажа наткнулся на лейтенанта. Командира подняли и отнесли в каюту, где собирались положить на постель, но Снарлейгоу категорически воспротивился этому.

Шорт явился и осмотрел своего начальника.

— Умер? — спросил капрал.

— Нет, — отозвался Шорт.

— Так что же с ним?

— Расшибся, — сказал старший офицер.

— Что же делать?

— В постель его, — и с этими словами Шорт повернулся и вышел.

— Да ведь собака не дает ему лечь на постель, — сказал капрал.

— Попробуем положить его. Не укусит же она своего хозяина, — сказал один из солдат и с помощью двух-трех товарищей поднял лейтенанта и почти бросил его на постель, сторонясь от собаки.

Снарлейгоу сердито заворчал и раза три жестоко укусил Ванслиперкена в щеку, после чего соскочил с кровати и ворча убрался под стол.

— Милое животное! — сказал один из солдат.

Никаких лекарств на куттере не было. Небольшой запас их, который отпускался казной командиру, тотчас же продавался им знакомому аптекарю. Пришлось удовольствоваться одной соленой водой, которою и смочили лицо и голову Ванслиперкена. Затем пощекотали ему в носу жженым перышком. Все это в связи с укусами собаки вскоре привело в чувство лейтенанта.

Капрал слегка вздрогнул, когда командир остановил на нем свой взгляд.

— Майн Гот, мистер! Как это с вами случилось? — участливо осведомился он.

Ванслиперкен приказал всем выйти вон, кроме капрала, затем сообщил ему, что его кто-то сбросил с лестницы. Когда лейтенант упомянул о том, что люди экипажа

нарочно с этой целью спрятался у бака.

— А где же вы могли спрятаться? — недоверчиво спро
сил Ванслиперкен, у которого тотчас же мелькнула мысль,
что такая громадина могла спрятаться не иначе как
только под парусом. Однако ван Сниттер ловко вывер
нулся, сказав, что стоял у люка, притаившись на лест
нице.

После этого между командиром и капралом произош
ло совещание на тему, как спасти от смерти Снарлейгоу
и каким образом втихомолку сжить со света Костлявого.

VII. ВАНСЛИПЕРКЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА БЕРЕГ

Прошло около трех недель. За это время лейтенант Ванслиперкен поправился. Костлявый также.

«Юнгфрау» бросила якорь у берегов Голландии, так как Ванслиперкен имел секретные депеши в Гаагу. Король Вильям III посылал письма и малую толику английских денег своим голландским друзьям, зная, что они могут пригодиться ему.

Добравшись до Амстердама, лейтенант вручил кому следует письма и деньги и ожидал ответных благодарственных писем королю. Вместе с тем мистер Ванслиперкен решил отправиться на берег засвидетельствовать свое почтение вдове Вандерслуш.

Он отправился уже к шлюпке, но в самый последний момент у него возник вопрос, как же быть с собакой? Если ее оставить на судне вместе с Костлявым, то можно сказать с уверенностью, что парень швырнет ее за борт. Взять Снарлейгоу с собой тоже невозможно, так как вдовушка, не терпевшая собак вообще, всеми силами невидела Снарлейгоу и решительно заявила, чтобы эта собака не показывалась не только в ее помещении, а даже близко около дома. Да, но что мешает ему взять с собой Костлявого? Припомнив, что у него сэкономлено два мешка сухарей, которые он может по дешевой цене уступить вдовушке, лейтенант приказал Костлявому взять шапку, захватить сухари и сесть с ним в шлюпку.

Костлявый наряжался недолго: весь его парадный костюм состоял из пары туфель, надеваемых на босые

ноги, и затасканной шапки. Когда лейтенант, Костлявый и сухари были уже в шлюпке, Снарлейгоу выказал желание сопровождать их, но ему было в этом отказано, что он принял с большим негодованием.

После отплытия командира Шорт, оставшись старшим на судне, решил, что тоже может дать себе отпуск и отправиться на берег, оставив за старшего на куттере Кобля. Он приказал приготовить для себя шлюпку, взял с собой Янсена, Джемми Декса, еще четверых или пятерых матросов и Снарлейгоу, решившего во что бы то ни стало прогуляться на берегу. Шорт ничего против этого не имел, зная, что, если этот пес встретится там с Костлявым, тот не упустит случая швырнуть его в первый канал, которых так много в Амстердаме. Таким образом Снарлейгоу получил разрешение прыгнуть в шлюпку и затем высадился с остальными на берег, откуда все отправились по заведенному обычаю в кабачок вдовы Вандерслуш.

VIII. КОЗНИ ВДОВЫ ПРОТИВ ВАНСЛИПЕРКЕНА И КОСТЛЯВОГО — ПРОТИВ СОБАКИ

Мистер Ванслиперкен, поздоровавшись с вдовой, положил шляпу и оружие на столик у окна, а сам сел на маленький диванчик рядом с хозяйкой. Только что он приготовился дать волю своим сердечным излияниям, как вдруг — о, ужас, в комнату точно бомба ворвался Снарлейгоу.

— Как смели вы привести ко мне в дом эту мерзкую собаку?! — воскликнула вдова, вскакивая с дивана. Лицо ее, подобное полной луне, стало багровым от гнева.

— Уверяю вас, сударыня, что я, зная, как вы не любите животных, оставил ее на судне. Вероятно, кто-нибудь привез ее сюда. Я это разузнаю и накажу виновного.

— Я люблю животных, но не таких паршивых, безобразных, неопрятных и злых, как эта собака. Я положительно не понимаю, как вы можете держать у себя такую гадость после всего того, что я вам говорила. Это не доказывает вашего чувства ко мне! — возмущалась вдова Вандерслуш.

— Но уверяю вас...

— Не уверяйте, пожалуйста, мистер Ванслиперкен.

Собака эта ваша, и вы можете сделать с ней что хотите. Во всяком случае я буду очень благодарна вам, если вы уберете ее отсюда. А так как она, быть может, не желает уйти без вас, то лучше уж и вам отправиться вместе с ней!

Никогда вдова Вандерслуш не была так резка и так немилостива по отношению к своему поклоннику. Дело в том, что расчетливая вдова заметила Костлявого, сидевшего у порога на мешках с сухарями, и ее очень мучил вопрос — подарок сухари или продажный товар. Она во что бы то ни стало решила это выяснить. Хитрость ее удалась вполне.

Прежде всего лейтенант Ванслиперкен сделал то, чего никто не мог от него ожидать: он дал такой пинок своей собаке, что та с воем вылетела во двор. Мало того — он последовал за ней еще туда и, несмотря на попытку Снарлейгоу укусить его за ногу, продолжал угощать собаку пинками, пока не загнал ее в какую-то пристройку и не захлопнул за ней дверь, которую запер на ключ.

После этого мистер Ванслиперкен вернулся в гостиную вдовы, где застал хозяйку со всеми признаками гнева и обиды на лице, ожидающей извинений своего поклонника за его умышленную или неумышленную вину. Словом, она ждала, чтобы сухари были принесены в дар ее хозяйству. Когда это было сделано, так как никаких других способов умерить гнев вдовы Ванслиперкен не мог придумать, — буря постепенно улеглась. Сухари были прибраны к месту, и лейтенант снова воссел на диванчике подле почтенной хозяйки.

Костлявый тем временем удалился, унося пустые мешки из-под сухарей. Он сначала постоял несколько минут в нерешимости у порога дома вдовы, затем, приняв какое-то решение, направился в ближайшую мелочную лавочку и купил там иголку, тонкую, но крепкую бечевку и дешевую селедку. Получив все это, он вернулся к дому вдовы через заднюю калитку.

Отыскать, где был запрятан Снарлейгоу, было не так трудно, так как собака ворчала и скреблась, стараясь прорыть себе лапами лазейку под дверкой. Оказалось, что она была заперта в заброшенном курятнике на заднем дворе. Против этого курятника было какое-то другое строеньице, куда и забрался Костлявый и там вдали от посторонних взоров приступил к задуманной им операции.

Он распорол дно одного мешка и пришил этот мешок к другому, чтобы удлинить его. Затем он вдернул в мешок веревку, чтобы его сразу можно было затянуть наглухо. Покончив с этим, он подошел к дверке птичника, которую неутомимо грыз Снарлейгоу, и дал ему понюхать селедку и даже откусить хвост. Затем, расставив свой длинный мешок подпорками и положив его на землю у самой подъемной дверки птичника, Костлявый положил на дно мешка селедку, запах которой доводил до бешенства Снарлейгоу. Подготовив таким образом свою ловушку, парень, держа одной рукой веревку мешка, другой приподнял дверцу, и жадная собака со всех ног кинулась к селедке и очутилась в мешке, который Костлявый тотчас же затянул крепко-накрепко, а потом втащил в то строеньице, где он скрывался сам, рассчитывая, когда стемнеет, бросить своего недруга в канал.

Едва только успел Костлявый управиться со своим делом и для большей правдоподобности разломать еще часть решетчатой дверки курятника, чтобы придать ему такой вид, будто собака сама прогрызла решетку и вырвалась из него, как вдову потребовали к ее посетителям. Ванслиперкен, оставшись один, решил воспользоваться случаем, чтобы навестить своего четвероногого друга. С этой целью он вышел во двор и наткнулся на Костлявого.

— Что вы здесь делаете, сэр? — спросил Ванслиперкен.

— Ожидаю вас, сэр, как вы изволили приказать.

— А собака где? — продолжал лейтенант, увидев обломки дверцы курятника.

— Полагаю, что она прогрызла дверцу и ушла.

— Куда ушла?

— Не знаю, сэр. Думаю, что к шлюпке.

Снарлейгоу, услыхав голос своего господина, взвыл в своем мешке. Костлявый помертвел от страха, но как раз вовремя показалась вдова и громко позвала Ванслиперкена. Лейтенант последовал за своей повелительницей, лишь наполовину убежденный в правдивости слов Костлявого.

Очутившись в уютной гостиной вдовы, Ванслиперкен вскоре забыл про собаку, но так как под вечер в кабачке госпожи Вандерслуш все чаще и чаще требовалось ее личное присутствие, то, зная это, шкипер всегда, как только начинало темнеть, возвращался к себе на судно. Костлявый, наблюдавший за своим господином, увидел в ок-

ке, что Ванслиперкен подвязывает кортик — это был признак близкого ухода. Взвалив себе на плечи мешок с собакой, он выбежал к каналу, протекавшему перед фасадом дома вдовы, оглянулся по сторонам и швырнул мешок в стоячие воды как раз в тот момент, когда Ванслиперкен, простившись с вдовой, вышел на крыльцо.

— Кто тут? Это вы, Костлявый? — раздраженно поинтересовался лейтенант.

— Я, сэр, — отвечал бедняга, дрожа от страха.

— Что за шум я слышал сейчас?

— Шум, сэр? О, я кинул сейчас камень с мостовой в канал.

— А разве вы не знаете, что это строго воспрещается, сэр? — уже совершенно грозно крикнул лейтенант. — А где мешки из-под сухарей?

— Мешки? Их взял мистер Шорт для какой-то поклажи...

— А... мистер Шорт. Прекрасно! Теперь идите за мной, сэр, и не кидайте больше камней в воду. Ведь вы можете убить кого-нибудь. Смотрите, вот и сейчас там плывет лодка.

Мистер Ванслиперкен торопливо направился к своей шлюпке, желая удостовериться, там ли его собака. Но, к великому его огорчению, собаки не было, и он сел угрюмый и озабоченный на корму, размышляя о том, было ли то, что Костлявый швырнул в канал действительно камнем или чем другим. В конце концов мистер Ванслиперкен решил бесповоротно, что если собака не найдется, то он прикажет килевать Костлявого.

Едва ступив на палубу, лейтенант прежде всего осведомился, не вернулся ли на судно Снарлейгоу. Отрицательный ответ капрала сильно опечалил Ванслиперкена. Он уединился в своей каюте в самом скверном расположении духа и потребовал к себе Костлявого. Пока бедняга помогал ему раздеваться, на его долю выпал не один пинок и даже весьма чувствительный удар кортиком по голове.

Прежде чем Костлявый был вызван к командиру, он успел уже шепнуть одному или двум из своих сообщников, что собаки нет, что она пропала. Слух о том, что собака пропала, разнесся с быстротой молнии по всему судну и достиг ушей капрала ван Спиттера. Капрал тотчас же отправился доложить об этом командиру.

— Честь имею доложить, сэр, что собака ваша пропала... — начал он.

— Это мне уже известно, капрал, — ответил с досадой Ванслиперкен.

— И я выследил, что слух об этом исходит от Костлявого.

— В самом деле? Так это ты, негодяй, распустил этот слух? Говори, где моя собака?

— Помилуйте, сэр, — взмолился Костлявый, — я действительно говорил, что она пропала, да так оно и есть, но я ведь не говорил, что знаю, куда она девалась. Убежала и завтра вернется, я уверен, что она вернется.

Лейтенант Ванслиперкен грозно сдвинул брови и обратился к капралу, не взглянув даже на Костлявого:

— Если завтра поутру к восьми часам моя собака не вернется, то вы, капрал, позаботитесь о том, чтобы были сделаны все необходимые приготовления для килевания этого мерзавца.

— Слушаю, сэр, — ответил весьма довольный капрал.

IX. СНАРЛЕЙГОУ СПАСАЕТ КОСТЛЯВОГО ОТ КИЛЕВАНИЯ

Утро было пасмурное. Дул свежий норд-вест *. В воздухе плавали редкие снежинки, предвестники сильного и частого снега. Палуба отсырела. На вахте стоял Шорт и зяб в своей форменной, горохового цвета куртке. Из люка высунулись воловья голова и плечи капрала ван Спиттера, и тотчас появилась наверху и вся его монументальная фигура. Осмотревшись кругом, он, очевидно, остался недоволен погодой.

Капрал ван Спиттер был человек вовсе не изобретательный и даже не сообразительный. Он стоял на палубе, оглядываясь во все стороны, и положительно не мог придумать, как ему справиться с заданной ему командиром задачей. Как протянуть веревки под килем судна для килевания Костлявого? Ну, еще те, что пойдут по бортам, можно будет как-нибудь приладить, а как провести их от носа и от кормы, как тянуть на них человека?

Сколько ни думал, сколько ни потел капрал, для ко-

---

* Норд-вест — северо-западный ветер.

торого малейшее напряжение мысли было мучительной пыткой, ничего не мог придумать.

— Тысяча чертей! — воскликнул он наконец, утирая голубым платком со лба пот. — Сто тысяч чертей! — продолжал капрал после пяти минут размышления. — Двести тысяч чертей! — бормотал он, свирепо сдвинув брови и ударяя себя по лбу. Наконец глубокий вздох вырвался из его богатырской груди. Скрепя сердце, он подошел к Дику Шорту, который все это время молча наблюдал за ним.

— Пожалуйста, мистер Шорт. Мистер Ванслиперкен приказал вчера килевать Костлявого. Объясните мне, что надо делать.

Шорт взглянул на капрала, но ничего не сказал.

— Мистер Шорт, я имел честь повторить вам приказание мистера Ванслиперкена.

Шорт опять-таки ничего ему не ответил, но, перегнувшись через перила люка, крикнул:

— Джемми!

Джемми соскочил со своей койки и появился на нижней палубе.

Капрал подумал, что Шорт собирается удовлетворить его требование, и стал терпеливо ждать.

— Людей! — скомандовал Шорт.

Джемми вызвал свистком команду наверх.

— Шлюпку! — сказал Шорт, указывая глазами на маленькую шлюпку, подвешенную на корме.

Так как все это походило на приготовления к килеванию, то капрал был весьма доволен. Когда шлюпка была спущена, Шорт сказал, указав рукой в сторону берега:

— Мясо.

Кобль отлично понимал его приказания и не требовал никаких дальнейших пояснений. Он без рассуждений оттолкнул лодку от судна и поехал за провиантом, а Дик Шорт продолжал ходить мерным шагом взад и вперед по палубе.

Заметив свою ошибку, капрал снова подошел к нему:

— Мистер Шорт, вы, пожалуйста, все приготовьте.

— Нет! — ответил Шорт грозно и отвернулся от капрала.

— Да ведь это бунт, — пробормотал капрал и тотчас же направился вниз доложить лейтенанту о положении дел наверху.

Никогда еще лейтенант Ванслиперкен не доходил до

такой степени бешенства, как в этот момент. Наскоро накинув на себя платье, он выбежал на палубу и приказал Джемми свистать всех наверх для килевания.

Джемми приложил свой свисток к губам и высвистал нечто похожее на: «Все наверх, всех килевать!» Лейтенант, хотя и заметил это искажение своего приказания, но счел за лучшее сделать вид, что ничего не заметил.

Все выбежали наверх и встали как вкопанные. Никто не шевельнулся, не тронулся с места, только один Костлявый проявил некоторое усердие и расторопность. Услыхав, что свистят всех наверх, он бегом вылетел на палубу, махая руками и выпучив глаза, стараясь угадать, что следует делать и в чем помочь. Но капрал, который, судя по быстроте его движений, полагал, что парень хочет броситься за борт, чтобы избежать страшного наказания, схватил его на бегу за шиворот и, держа левой рукой, взял правой под козырек и объявил лейтенанту:

— Осужденный приведен!

Это вернуло лейтенанта Ванслиперкена к действительности. Он прервал свое хождение по палубе и на секунду глубоко задумался.

— Все там готово на носу? — грозно спросил он.

Никто не ответил.

— Боцман, я спрашиваю — все ли готово?

— Нет, сэр, — ответил Джемми. — Никто не знает, что надо делать, я тоже. Я никогда не видал ничего подобного за все время своей службы. Весь экипаж до последнего человека говорит то же самое.

Поняв из этого ответа, что команда отказывается ему повиноваться, лейтенант подозвал шестерых солдат и, приказав им следовать за собой, заставил их готовить канаты, а другим вывести вперед Костлявого.

— Бога ради, сэр, что вы ходите со мной делать? — взмолился бедняга, только теперь сообразив, что дело, кажется, не на шутку доходит до килевания.

— Раздеть его! — приказал Ванслиперкен.

— Раздеть меня?! — запротестовал Костлявый. — В такой-то холод, когда снег валит хлопьями? Да разве мне и так недостаточно холодно?

— Тебе будет еще холоднее там, под килем, мерзавец! — взревел лейтенант.

— Да что же я сделал?! — воскликнул Костлявый, в то время как солдаты стаскивали с него платье и обнажали его иссохшее, истощенное тело.

Где моя собака? Сознавайся сейчас!

— Да как же я могу это знать? И чем я виноват, что ваша собака сбежала?

— Я покажу тебе, как швырять камни в канал, негодяй! — заскрежетал на него зубами Ванслиперкен.

Под руководством самого лейтенанта солдаты делали приготовления к килеванию, тогда как вся команда куттера в полном сборе стояла неподвижно. Каждый из бо-ковых канатов привязывался к правой и левой руке несчастного, а вокруг пояса был обмотан другой канат о двух концах, причем было приказано не тянуть слишком сильно кормовой канат, чтобы наказанный дольше оставался под водой.

В тот момент, когда капрал ван Спиттер поднял тщедушное, посиневшее от холода тело Костлявого, Ванслиперкен вдруг словно одумался.

— Слушайте, сэр, — обратился он к несчастному, — если вы хотите избежать этого наказания, скажите мне, что сталось с моей собакой. Я знаю, что это вам известно, и даю десять минут на размышление.

Теперь снег падал так густо, что трудно было даже различить длину судна. Нагое тело Костлявого, положенного теперь на доски палубы, сразу запорошило и затем в несколько минут покрыло густой пеленой, точно саваном. Он лежал неподвижно, временами тряся головой, чтобы стряхнуть снег с лица, и молчал. Только злая улыбка на мгновение появлялась вдруг у него на губах.

— Ну, что же, сэр, скажете вы мне, где моя собака, или я вас брошу сейчас за борт? — повторил лейтенант.

— Нет, не скажу, — отозвался Костлявый.

— А ты знаешь, негодяй, где она?

— Знаю.

— И не скажешь?

— Нет! — крикнул Костлявый. — Никогда!

— Капрал... за борт его! — заревел уже совершенно обезумевший от бешенства Ванслиперкен.

Вдруг среди экипажа раздался громкий испуганный крик, и, к неописуемому удивлению Ванслиперкена, капрала, а главным образом цаказуемого, на бак вбежал Снарлейгоу, кинулся к Костлявому, которого уже поднял и держал в воздухе ван Спиттер, укусил его за икру и затем громко и гулко рявкнул по своей всегдашней привычке:

— Гоу! Гоу! Гоу!

Появление собаки в этот момент произвело всеобщее [illegible] Костлявого, услыхав лай собаки, [illegible] вышел на мостовую во всеоружии гитары и вдруг [illegible] в глубоком обмороке. Матросы могли [illegible] шут с другом.

Ванслиперкен никогда не [illegible] Костлявого зимой. Напротив, в летнюю пору [illegible] и встретив по пути [illegible] он [illegible] собаки, [illegible] на привязи со щенком, мчащейся за ним и [illegible] хозяином. Ванслиперкен не стеснял [illegible] в свою каюту, сопровождаемый [illegible] Снарлейгоу с низко опущенной головой и [illegible] хвостом.

X. СНАРЛЕЙГОУ СТАНОВИТСЯ ПОПЕРЕК ДОРОГИ К СЧАСТЬЮ ЛЕЙТЕНАНТА

Каким же образом спаслась от смерти собака лейтенанта?

Как заметил Ванслиперкен, вблизи того места, где упал в воду мнимый камень Костлявого, шла лодка, и находившиеся в ней люди, отец и сын, не могли не заметить всплеска воды.

Очутившись в воде, Снарлейгоу стал барахтаться и не сразу пошел ко дну. Люди в лодке зацепили багром мешок и притянули его к себе как раз в тот момент, когда животное, выбившись из сил, начинало тонуть.

— Что это может быть? — спросил отец.

— Кошка или собака, но мешок может пригодиться.

Втащив мешок к себе в лодку, они положили его на дно и, причалив к берегу, развязали, вытряхнули из него собаку и оставили ее тут же на мостовой. Мешок они забрали с собой и ушли.

Вскоре собака очнулась. Как только к ней вернулись силы, она поплелась к дому вдовы Вандерслуш и приняла выть у нее под окном. Почтенная вдова только что успела раздеться и на сон грядущий читала молитвенник, как подобает каждому, кто в продолжении целого дня надувал и обманывал людей. Она готовилась уже погасить свечу, когда до ее слуха долетели звуки импровизированной серенады. По мере того как к Снарлейгоу возвращались силы, вой его становился положительно нестерпимым.

Раздраженная вдова решилась разбудить свою служанку — толстую Бабетту и приказала ей прогнать воющую под окном собаку. Бабетта послушно направилась к входной двери, но едва она отворила ее, как Снарлейгоу с размаху ворвался в сени и проскользнул у нее между ног, чуть не повалив ее на кирпичный пол сеней. Служанка громко вскрикнула. Хозяйка вышла в сени посмотреть, что случилось, но в этот момент собака, не попав в запертую дверь гостиной, сбежала по лестнице, ворвалась в спальню вдовы и забилась под ее кровать.

— Да ведь это собака лейтенанта! — воскликнула Бабетта. — Что мы теперь будем делать, как выживем ее отсюда? — громко вопрошала она, появляясь в спальне своей госпожи с метлой в руках.

— Пропал бы этот лейтенант вместе со своей противной собакой! — воскликнула вдова. — Ты ее хорошенько метлой, Бабетта!

— Да, мадам, — отозвалась Бабетта, воинственно размахивая метлой.

Но от Снарлейгоу не так-то легко было отделаться. Собака вцепилась зубами в метлу и потащила ее к себе, а Бетси, или Бабетта, — к себе. Наконец собаке надоела эта возня и, оставив метлу, она вцепилась в голую ногу служанки. Та выронила метлу и схватилась обеими руками за укушенное место.

Надо заметить, что в последние годы своей жизни покойный супруг вдовы был страшно толст, и поэтому кровать была заказана необычайной ширины. Вдова сохранила эту кровать, так как не предполагала оставаться одинокой на всю жизнь. Она занимала полкомнаты, и выгнать оттуда собаку было нелегко. Раздраженная укусом, Бабетта опять схватилась за метлу и с бешенством стала гнать собаку из-под кровати.

Дверь в сени была с умыслом оставлена открытой, дверь на улицу — также, но случилось совершенно не то, что они предполагали. Выведенная из себя собака, вместо того, чтобы выбежать в дверь, кинулась к госпоже Вандерслуш, изорвала ее ночную рубашку и укусила вдову в икру. Почтенная вдова громко вскрикнула от боли и попятилась к двери. Снарлейгоу снова бросился под кровать и оттуда возобновил свои атаки на ноги Бабетты.

Наконец того, чего не могли добиться мужеством, эти женщины достигли страхом. В первый момент испуганная собакой вдова Вандерслуш хотела бежать вниз и уже

отворила дверь, но вдруг заметила, что вся рубашка на ней изодрана и что в таком виде никуда бежать нельзя. В порыве отчаяния она бросилась на середину кровати, восклицая: «Ах, мистер Ванслиперкен! Мистер Ванслиперкен!»

Почти в тот же момент зубы Снарлейгоу с новой силой впились в икры Бабетты, которая, громко вскрикнув, также вскочила, ища спасения, на кровать.

Кровать, служившая тридцать лет верой и правдой супругам Вандерслуш, не выдержала двойной тяжести, и тяжелый матрац со всеми перинами и подушками провалился, придавив собаку. Та громко взвизгнула и стала рваться из-под постели.

Между тем Бабетта, пользуясь критическим положением Снарлейгоу, принялась беспощадно колотить его метлой. Собака пробовала кусаться, но прокусить толстый матрац было довольно трудно. Наконец ей удалось высвободиться, и она без оглядки кинулась к двери, а оттуда в сени и на улицу, убедившись, что здесь ей нельзя рассчитывать на гостеприимство.

Бабетта гналась за ней до самых ворот и швырнула вслед собаке метлу. Затем она задвинула все запоры на дверях и только тогда вздохнула с облегчением.

XI. ПОВСЮДУ ПРИНИМАЮТСЯ РЕШЕНИЯ, А ДЖЕММИ ДЕКСА ОБВИНЯЮТ В БУНТЕ

Погода стояла холодная, снег падал не переставая. Весь экипаж собрался внизу, только Джемми стоял с подветренной стороны и под впечатлением, навеваемым на него погодой, затянул песенку, в которой говорилось про такую же непогоду и выражался ропот девушки на командира, пославшего ее возлюбленного в море в такую бурю. При этом по адресу Ванслиперкена было послано в песне несколько нелестных эпитетов.

— Да это настоящий бунт! Называть мистера лейтенанта такими словами! — заявил капрал, незаметно приблизившийся к Джемми и подслушавший его песню.

— Бунт? В самом деле? — огрызнулся Джемми. — Поди же передай еще и это: «Я бы повесил и тебя, ты ожиревший вор, капрал!»

— Все лучше и лучше, то есть я хотел сказать — все хуже и хуже, — сказал капрал.

ходи по-доброму, а то, смотри, я вышвырну тебя за борт, подлый паршивец!

— Это еще того хуже, — заявил ван Спиттер и направился по направлению к корме судна. Здесь он немедленно доложил о случившемся командиру, но тот, сознавая, что малейшего пустяка будет теперь достаточно, чтобы вызвать на куттере открытый бунт, решил оставить это дело без последствий.

Возвращение Снарлейгоу настолько радовало его, что делало на этот раз более снисходительным. Не подозревая, каких бед натворил в предыдущую ночь его любимец, он решил, несмотря на метель и бурю, посетить вдову Вандерслуш и доказать ей тем самым свои нежные чувства, которые не могут устоять даже и против такой непогоды.

Заперев предварительно свою собаку в каюте и поручив ключ от нее капралу, он отправился на берег и явился к дверям дома вдовы. Ему отворила Бабетта и, своей тучной особой загородив вход, не стала дожидаться, когда с ней заговорит лейтенант, а сама заявила ему:

— Мистер Ванслиперкен, вас не примут сегодня. Фрау Вандерслуш больна и лежит в постели. Доктор говорит, что дело опасно. Вы не можете ее видеть сегодня.

— Больна? Ваша прекрасная, очаровательная хозяйка больна? Что же с ней случилось?

— Все из-за вас или из-за вашей мерзкой собаки, что одно и то же.

— Из-за моей собаки? Я и не знал, что она осталась здесь. Прошу вас, Бабетта, впустите меня! В такую метель неприятно стоять на улице, — попросил Ванслиперкен.

— Все это так, но впустить вас я не могу, — и служанка оттолкнула его от двери.

— Да что же это такое? — с досадой воскликнул лейтенант. — Что вы имеете против моей несчастной собаки?

Тогда Бабетта подробно рассказала лейтенанту все события предыдущей ночи, пустив в ход все свое красноречие. В заключение служанка отвернула свой чулок и показала раны от зубов Снарлейгоу на ноге, а после таких очевидных доказательств правдивости своих слов передала порученный ей наказ госпожи, что до тех пор, пока труп Снарлейгоу не будет положен мистером Ванслиперкеном к ее ногам или на порог ее дома, Ванслиперкен не будет к ней допущен.

Закончив так блестяще свою речь, Бабетта, которой наскучило говорить под вой метели, без церемоний захлопнула дверь перед самым носом лейтенанта Ванслиперкена, предоставив переваривать поднесенное угощение где ему будет угодно.

Взбешенный Ванслиперкен зашагал вдоль улицы, мысленно обсуждая вопрос: «Быть или не быть?» Отказаться ли ему от Спарлейгоу — собаки, которую все ненавидели, которая не имела за собой ни одного хорошего качества, поминутно вводила его в неприятности и в силу всего этого была ему вдвое дороже, или же от вдовы, у которой было столько червонцев в банке и такой хороший доход от луст-хауза и обладание которой было мечтой, лелеемой им в воображении.

Наконец после некоторого размышления он пришел к такому решению: «Я уверю вдову, что пожертвовал для нее своей собакой, а потом, когда стану ее мужем, когда она и ее червонцы будут уже в моих руках, моя собака снова появится. Пусть тогда госпожа Вандерслуш попробует поговорить со мной, если посмеет: я живо заставлю ее припомнить все наши теперешние ссоры». Так рассуждал лейтенант Ванслиперкен, подходя к ожидавшей его шлюпке.

На судне он застал посланного от «любящих кузенов и кузин» короля, который привез на куттер ответные благодарственные письма и приказание немедленно отправляться в обратный путь. Это было как нельзя более кстати для лейтенанта. Он написал длинное и трогательное послание вдове, в котором уверял ее, что готов не только повесить свою собаку ей в угоду, но даже и самого себя, если она того пожелает.

XII. ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПОЕТ ХОРОМ, КАПРАЛ ЖЕ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Мистер Ванслиперкен находился в своей каюте вместе со своим возлюбленным псом.

— Да, бедная моя собака, — ласково шептал лейтенант, гладя Спарлейгоу по голове, — они хотят во что бы то ни стало сжить тебя со света, но твой хозяин не даст свою собачку в обиду, будь покойна!

Снарлейгоу, точно понимая смысл его слов, поднялся на задние лапы и, положив передние на колени своего господина, стал ласкаться к нему. При этом Ванслиперкен заметил, что один глаз у его собаки вспух и совершенно закрылся. Присмотревшись поближе, он с ужасом убедился, что глаз этот выбит, вероятно, метлой, которою угощала собаку Бабетта.

Лейтенант позвонил и потребовал теплой воды, чтобы промыть раны своего любимца. На зов явился капрал ван Спиттер, так как после утренних событий бедняга Костлявый не вставал со своей койки.

Вернувшись с теплой водой, капрал не упустил случая доложить еще раз, в каких оскорбительных выражениях пел про командира и адмирала Джемми Декс. Крошечные глазки Ванслиперкена сверкнули злобой.

— Какого же адмирала он ругал? Командира Плимутского или Портсмутского порта? — спросил лейтенант.

На это капрал не мог ничего ответить.

Ванслиперкен питал сильную ненависть к Джемми за то, что его все любили и что он забавлял весь экипаж. Лейтенант не мог допустить, чтобы кого-нибудь любили и чтобы кто-нибудь способствовал счастью и веселью других. На этот раз он чувствовал еще потребность сорвать на ком-нибудь злобу и потому, расспросив капрала, приказал прислать к нему одного из солдат, чтобы примачивать глаз Снарлейгоу. Сам же надел шляпу, захватил рупор и поднялся наверх.

Убедившись, что ветер неблагоприятный и что часа через два совсем стемнеет, Ванслиперкен решил, что выйдет в море завтра утром, а сегодня у него еще будет время наказать Джемми Декса. Но теперь являлся вопрос: что он мог сделать? Был ли Джеймс Салисбюри законным боцманом или нет? Фактически он получал содержание помощника боцмана, но в судовых документах числился боцманом, следовательно, офицерским чином, а получал содержание помощника ради личных выгод командира. Положение было затруднительное, тем не менее Ванслиперкен решил подвергнуть Джемми порке, если это удастся.

Остановившись на этом решении, Ванслиперкен стал рассуждать, когда удобнее подвергнуть Джемми наказанию — теперь ли, когда судно стояло еще в порту, или после, когда оно выйдет в море. Рассудив, что в случае серьезного возмущения весь экипаж может покинуть кут-

тер, лейтенант решил выполнить свое намерение лишь тогда, когда они будут в открытом море.

Покончив с вопросом о наказании Джемми, Вансли-перкен вернулся в каюту и сообщил о своих намерениях капралу ван Спиттеру.

Но, при всех своих достоинствах, тот не обладал даром хранить доверенные ему тайны и не замедлил поделиться секретом своего начальника с одним или двумя из своих доверенных солдат; те передали другим, а другие — третьим, и в конце концов весть о том, что Ванслиперкен намеревается подвергнуть порке Джемми Декса, облетела весь куттер. На баке собрался весь экипаж.

— Выпороть Джемми! — воскликнул Билль Спюрей.— Да ведь он офицер!

— Конечно, он офицер, — заметил другой матрос, — и ничем не хуже самого Ванслиперкена, хотя у него и нет галунов на шляпе.

— Я того мнения, — проговорил Кобль, — что в следующий раз он вздумает выпороть мистера Шорта.

— Да, — сказал Шорт.

— Неужели мы допустим, чтобы Джемми был выпорот?

— Нет, — решил Шорт.

— Не будь этих бродяг солдат и проходимца капрала... — заметил один из матросов.

— Уж не объявит ли он, что это бунт? — заметил Спюрей.

— Выпороть офицера — это тоже бунт, — сказал Янсен.

— Да, правда, правда, — закричали матросы. — Если кто-либо из солдат посмеет наложить руку на офицера, то это будет бунт, и Джемми может призвать весь экипаж к себе на помощь.

— Конечно, — сказал Джемми, — а до этого я еще сыграю шутку с капралом.

— Что даром языки чесать, ребята, лучше решим сейчас же, что делать. Обадиа, подайте-ка умный совет.

В ответ на это Кобль сплюнул табачную слюну и, откашлявшись, сказал:

— Я того мнения, что лучший способ спасти от беды одного — это впутаться в нее всем.

— Это очень умно, Оби, но только ты не сказал нам, как это сделать.

— Да... Главного я и не сказал. Так вот, я того

мнения, что мы должны хором, все до единого, спеть не раз, эту самую песню. И теперь же, сейчас. Что вы на это скажете, Джек Шорт? Ведь вы у нас старший офицер?

— Так, — сказал Шорт и одобрительно кивнул головой.

— Ура, братишки! — воскликнул Билли Спорей. — Так валяй, Джемми, затягивай! А вы, братцы, тяните за ним, да погромче!

И экипаж в полном составе запел «преступную» песню. Когда были пропеты два первых стиха, капрал ван Спиттер в сильном волнении вбежал в каюту Ванслиперкена, с озабоченным видом подводившего счета, и заявил, что на «Юнгфрау» «настоящий бунт».

— Бунт? — воскликнул лейтенант и схватился за свой палаш, висевший на крюке у него под рукой.

— Да, сэр. Слышите, что поет весь экипаж?

Ванслиперкен прислушался. До слуха его ясно доносились слова:

«Будь ты проклят, старый скряга, порта адмирал...»

— Гоу! Гоу! Гоу! — завыл Спарлейгоу.

— Да ведь поет весь экипаж! — воскликнул лейтенант, бледнея.

— Об этом я и явился вам доложить. Все поют, кроме капрала ван Спиттера и его солдат. — Капрал приложил руку к козырьку.

— Заприте дверь, капрал, заприте плотнее! Это в самом деле бунт.

— Чертова песня! — заметил капрал.

— Я должен узнать зачинщиков, капрал. Как вы думаете, сэр?

— Как вам известно, лейтенант, мне не так-то легко спрятаться и остаться незаметным, — огорченно сказал капрал, оглядывая свою громоздкую фигуру.

— Все они на носу?

— Да, мистер, все до единого.

— На корме есть маленькая шлюпка. Постарайтесь забраться в нее и затем подтянуться с нею к носовой части палубы. Тогда вы услышите все, что они будут говорить, не будучи замечены ими.

— Постараюсь, мистер, — козырнул капрал и вышел из каюты.

Но подслушивал не всегда только капрал. На этот раз Костлявый, выбравшись на часок из своего гамака, под-

слушал весь разговор лейтенанта Ванслиперкена с капралом.

Между тем капрал вышел на заднюю палубу и нашел ее совершенно пустой. Подтянув шлюпку и затем постепенно погрузив туда свое огромное тело, он выждал некоторое время и затем с трудом заставил шлюпку идти против сильного течения. Добравшись до носовой части судна, он привязал лодку и прижик к борту, не будучи никем замеченным.

Костлявый, однако, не зевал. Он следил за каждым движением своего врага, и в то время, когда капрал сидел на средней банке * лицом к корме и прислушивался к тому, что говорилось на баке куттера, Костлявый перерезал ножом канат, удерживающий шлюпку, и, спустив за борт ногу, оттолкнул ее изо всех сил. Шлюпку тотчас же подхватило течением. Не успел капрал сообразить, что случилось, как его уже отнесло от корабля. Вскоре он совершенно скрылся в темноте.

Мистер Ванслиперкен часа два поджидал возвращения капрала и не дождался. Утром Обадиа Кобль рапортовал по начальству, что утеряна шлюпка.

XIII. У ЛЕЙТЕНАНТА ПОЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖДА НА ОБОГАЩЕНИЕ

В продолжение целого дня лейтенант Ванслиперкен плавал по Зюдерзее ** и наконец, скрепя сердце, взял курс на Англию, весьма огорченный и обескураженный тем, что остался без своего верного союзника и наперсника, через которого он узнавал обо всем, что делалось среди экипажа.

Теперь приходилось отложить наказание Джемми, так как без капрала солдаты боялись шевельнуться, опасаясь экипажа, более многочисленного и смелого. Прибыв в Портсмут, Ванслиперкен вручил командиру порта привезенные им письма и получил приказание заменить новой унесенную шлюпку и без промедления выйти в море — преследовать контрабандистов.

---

* Банка — скамейка.
** Зюдерзее — залив у берегов Голландии.

У лейтенанта Ванслиперкена не было ни родных ни друзей на английском берегу. Однако после вокарения Вильяма III он переселил в одно из предместий Портсмута свою мать, живущую небольшой пенсией от голландского правительства. Когда-то эта женщина занимала какую-то маленькую должность среди дворцовой прислуги и, как говорили, была в свое время очень красива, теперь же она превратилась в безобразную скрюченную старуху. Корнелиус Ванслиперкен был ее единственным ребенком, хотя она дважды была замужем. Сына своего она не любила и держала его в повиновении. Переезд ее в Англию совершился с их общего согласия. Дело в том, что у старухи были скоплены деньги, и сын желал обеспечить их за собой.

Озаботившись заменой утерянной шлюпки новою, лейтенант Ванслиперкен направился к матери. Он застал ее в большом глубоком кресле у очага, в котором дотлевали две обгорелых головни.

— Как поживаешь, матушка? — осведомился лейтенант.

— Жива еще, как видишь, — хмыкнула старуха.

— Желаю вам, матушка, много лет здравствовать.

— Так ли? — усомнилась мадам Ванслиперкен.

— Я к вам на короткое время.

— Тем лучше, дитя мое, тем лучше. Когда ты в море, ты наживаешь деньги, а на берегу только проживаешь. Привез ты с собой червончиков?

— Привез, матушка, и хочу поручить их вашему попечению.

— Давай сюда.

Ванслиперкен высыпал на колени матери содержимое довольно большого кожаного мешка, и старуха дрожащими руками стала пересчитывать червонцы.

— Все золото! Золото! Золото! — шептала она. — Пока ты жив, дитя, никогда не расставайся с золотом. Я еще не умру... Вот ключ, — продолжала старуха. — Возьми и запри это золото, а ключ отдай мне. Ну, вот так. Теперь, если хочешь, можешь говорить, я тебя слушаю, — добавила она, располагаясь поудобнее в своем кресле.

Ванслиперкен пересказал матери все события последнего плавания, сообщил о своих намерениях по отношению к вдове, а также о своих чувствах к Костлявому и к Джемми Дексу. Старуха слушала его не прерывая и наконец сказала:

— Да, да... Я испытала то же самое, только мне никто не смел встать поперек дороги. А у тебя не мой характер, ты трус... Парня этого ты лучше оставь в покое, ничего ты этим не выиграешь. А вот с женщиной можно дело сделать: тут есть чем поживиться.

— Да, матушка, но ведь она не соглашается.

— Не соглашается? А ты не можешь переломить ее характер? А собака пусть живет, пусть она со временем обглодает кости этой Иезавели. Впрочем, ты трус: ты не посмеешь ничего сделать.

— Трус? Чего же мне бояться?

— Ты боишься виселицы. А я ничего не боялась раньше. Ну, а твой капрал потерялся в Зюдерзее? Ну что же, мертвые не болтливы. А он мог бы порассказать про тебя кое что, дитя мое. Ха-ха-ха!.. Ну, пусть от него рыба жиреет.

— Но я не могу обойтись без него, матушка.

— Сотни тысяч чертей! — воскликнула старуха. — И я родила такого труса! Нет, Корнелиус Ванслиперкен, ты не похож на свою мать. Правда, твой отец...

— А кто был мой отец?

— Молчи, дитя! Ну, теперь уходи. Я хочу быть одна с моими воспоминаниями. Иди!

Лейтенант знал, что никакие возражения не помогут, а вызовут только град ругательств. Он послушно взял свою шляпу и, выйдя на улицу, не оборачиваясь, зашагал по направлению к порту, где его ждала шлюпка. Вскоре он вернулся на куттер «Юнгфрау», стоявший на якоре в нескольких саженях от берега.

— А, вот и он явился! — раздался на борту громкий резкий голос необычайно рослой женщины, голова которой была украшена чепцом с зелеными лентами. — Вот этот негодяй, который хотел угостить фухтелями * моего Джемми.

Это была супруга Джемми Декса, которая, узнав о том, что случилось, явилась на судно, сгорая жаждой мщения.

— Молчи, Могги! — сказал Джемми, стоявший подле нее.

— Погоди, я помолчу до поры до времени, а там пусть помолчит этот негодяй, мошенник!

---

* Фухтель — шпага, палаш. При наказании фухтелями удары наносятся приговоренному палашом или шпагой плашмя.

— Да молчи же, Могги! Видишь, стоит тебе за тобой стоит солдат.

— Пусть он зарубит это у себя на носу, а потом редаст своему капралу! — крикнула рассерженная женщина и, размахнувшись, ударила солдата в ухо.

Солдат, которому такое угощение не пришлось по вкусу, посторонился и поспешил убраться вниз.

— Перестань, Могги, — уговаривал ее Джемми. — не мне придется насильно запихнуть тебя внутрь!

— Ну да, голубчик, как бы не так. Тебе еще придется еще бежать за лестницей... Ага! Он ушел, эта старая крыса, ушел целовать своего капитана. Погоди, ему еще достанется от меня, не спеша я доберусь до его господина... Фухтелями моего Джемми! Моего дорогого, любимого, ненаглядного Джемми! Мерзкая тварь, да как он смел об этом подумать?

— Пойдем вниз, Могги, — уговаривал ее муж, тихонько подталкивая к люку.

— Ну, чего ты меня толкаешь, Джемми? А впрочем, пойдем ужинать, — и Могги, схватив своего мужа, как ребенка, в объятья, на руках снесла его с лестницы к немалому удовольствию товарищей Декса, дивившихся необычайной силе этой женщины.

Когда стемнело, к куттеру пристала лодка, из которой появился на «Юнгфрау» какой-то странного вида человек. Он был встречен Обадиа Коблем, осведомившимся у него, что ему угодно.

— Я желаю говорить с командиром этого судна, немедленно, — сказал незнакомец.

— Попрошу обождать, я сейчас доложу командиру.

— Что это за человек? — спросил Ванслипернен.

— Бог его знает, какой-то странный человек!

— Ну, проводи его сюда.

Войдя в каюту, незнакомец, прежде чем поздороваться, запер за собой дверь и, повернув в ней ключ, в виде пояснения заметил:

— Прежде всего осторожность. Осторожность во всем.

— Да что вам здесь надо? — воскликнул Ванслипернен, несколько струсивший, между тем как Снарлейгоу подозрительно обнюхивал ноги гостя с видимым желанием испробовать свои зубы на его голубых нитяных чулках.

— Уберите вашего пса, и приступим к делу, дорого, — заявил посетитель, придвигая себе стул. — Полагаю, что никто нас не подслушивает; для меня это

вопрос жизни... Дело вот в чем... Вы командуете этим судном?

— Я.

— Вам поручено задержать контрабанду в этих водах?

— Да.

— Желаете вы получить пять тысяч фунтов стерлингов наличными? Я могу вам доставить сведения, где пройдет этот товар на сумму свыше десяти тысяч фунтов. Понимаете?

— Понимаю, как же, — сказал Ванслиперкен, придвигая стул и садясь рядом с посетителем. — Я буду вам крайне благодарен за такую услугу. Не желаете ли чего-нибудь выпить? У меня есть настойка, — сказал лейтенант и вынул из своего запертого шкафчика кувшин и две маленькие рюмочки.

— Да, это прекрасная вещь, — заметил гость, выпив настойки. — Попрошу у вас вторую рюмочку.

Это уже было сверх того, что мог добровольно предложить Ванслиперкен, и такая нескромность со стороны гостя покоробила его. Но, приняв в соображение, что, быть может, настойка развяжет ему язык, лейтенант налил вторую рюмку.

— Превосходная настойка! — похвалил посетитель, опоражнивая и эту рюмку и снова придвигая ее к лейтенанту, намекнув тем самым, что желательна и третья. Но Ванслиперкен постарался не понять этого намека.

— Потрудитесь сказать, где и когда мне можно будет задержать эту контрабанду?

— Это надо вам сказать?

— Но я полагаю, что вы именно затем и явились сюда.

— Это будет зависеть...

— От чего?

— От уговора. Сколько вы мне дадите? Какая будет моя доля барыша?

— Ваша доля? Да ведь вы не офицер на королевской службе. Вознаграждение, хотите вы сказать...

— Нет, доля. Я — доносчик. Дело в моих руках.

— Положитесь на меня, я буду очень щедр.

— Но сколько? Я хочу знать цифру.

— Это мы увидим впоследствии. Во всяком случае, нечто вполне приличное... можете быть спокойны.

— Нет, это мне не подходит. Добрый вечер, сэр. Весьма благодарен вам за угощение. Превосходная настойка!

Но мистер Ванслиперкен просто не мог отпустить

своего гостя ни с чем, после того как тот выпил у него столько настойки. Весьма естественно, что он сперва пытался усыпить доносчика одними обещаниями, которые отнюдь не собирался осуществлять, затем опять прибег к своей настойке.

— Куда же вы, сэр? Выпейте еще рюмочку.

— С удовольствием, — согласился гость, снова садясь на прежнее место. — Ваша наливка восхитительна. Чем больше ее пьешь, тем больше хочется... Что же, поговорим еще о деле. Я скажу на этот раз прямо свои условия. Половина моя!

— Половина! — воскликнул Ванслиперкен. — Половина десяти тысяч фунтов — пять тысяч фунтов!

— Да, половина десяти тысяч будет пять тысяч, как вы изволили сосчитать.

— И вы хотите, чтобы я дал вам пять тысяч фунтов?

— Мне кажется, что я предлагаю вам эту сумму, так как без меня вы не получите ни гроша. И свои пять тысяч я намерен получить и получу во всяком случае, а вы или подпишите это условие, или я ухожу. Ваша «Юнгфрау» — не единственное судно в порту.

Ванслиперкен попытался еще некоторое время уговаривать доносчика сбавить цену, но в конце концов, хотя и неохотно, подписал условие. На этом дело и было решено.

— С отливом мы должны сняться с якоря. Я останусь здесь, на судне. Ночь будет лунная, да если бы даже и было темно, как у черта в пекле, и тогда я нашел бы дорогу. Но вас я попрошу держать наготове шлюпки и вооружить людей, так как надо ожидать схватки.

— А где же и когда они пройдут?

— Завтра ночью позади острова Уайт... Да вот, постойте, — продолжал доносчик, взглянув на часы, — часа через два надо сняться. А я пойду посмотрю, откуда теперь ветер. Но прежде, лейтенант, выпьем за успех нашего предприятия, — добавил он и разом осушил рюмку, снова похвалив настойку.

XIV. СНАРЛЕЙГОУ СРЫВАЕТ ХОРОШУЮ ПРЕМИЮ

На другой день куттер «Юнгфрау» уже огибал восточную оконечность острова Уайт. Погода была ясная. При спешном отплытии мистер Ванслиперкен не заметил, что жена Джемми осталась на судне, и, выйдя на палубу, увидел ее на баке, где она весело болтала с матросами.

— Что это за женщина? — спросил Ванслиперкен Янсена.

— Это жена... жена Джемми Декса.

— Как она смела явиться на судно? Пошлите ее сейчас ко мне.

Солдат подошел к жене Джемми и передал ей приказание командира, а муж попросил ее пойти и вести себя кротко и прилично.

— Как вы попали сюда, женщина? — грозно крикнул Ванслиперкен, оглядывая ее с головы до ног.

— Как попала? Да на лодке приехала, само собою.

— А почему вы не съехали на берег, когда судно отплывало?

— По той причине, что лодки не было.

— Прекрасно! Вот что я вам скажу: если я вас еще раз увижу здесь, на судне, то за последствия будете отвечать вы сами.

— И я вам скажу, сударь, что если вы мне попадетесь на берегу, то за последствия также ответите сами. Только попадитесь мне там!.. Подумать только: угостить фухтелями моего дорогого, возлюбленного Джемми! Да я за это... — и Могги, согнув в локте одну руку, ладонью другой со всего размаха ударила немного пониже локтя. — Вот что! — закончила она и, повернувшись, пошла обратно на бак, не желая далее продолжать разговор.

Ванслиперкен вскипел от бешенства.

— Послать сюда солдат! — крикнул он. — Схватить эту женщину и отвести вниз! Ответит за все это ее муж, я ему пропишу надлежащую порцию...

— И ты, сударь, тоже можешь быть уверен, я вымещу все на твоей паршивой собаке... Помни это! Я отправлю ее в плавание, как твоего капрала. Если ты осмелишься хоть пальцем тронуть моего Джемми, я задушу этого пса своими руками, изготовлю из него сосиски и тебе пришлю — полакомиться. Прочь, ребята, если хотите, чтобы ваши носы были целы!

Вы хорошо знаете эту сварливую женщину? — спросил Ванслиперкена его новый знакомый.

— Нет, — ответил лейтенант, не особенно довольный вмешательством этого господина.

— Ну, так предупреждаю вас — берегитесь! Она свое слово сдержит.

Когда начало смеркаться, куттер отошел миль на восемь от берега и, проследовав вдоль линии острова Уайт до тех пор, пока по расчетам доносчика, они не поравнялись с известным ему пунктом, лег в дрейф, спустив все три свои шлюпки. На одной команда была поручена Шорту, на другой — Коблю, а на третьей были сам командир и доносчик. Джемми Декс принял начальство на судне и получил приказание оставаться на месте. Когда шлюпки готовы были отойти, Ванслиперкен вдруг вспомнил про свою собаку: оставить ее на судне после угроз Могги и на попечение поклявшегося уничтожить ее Костлявого — было все равно, что обречь на верную смерть, и потому, несмотря ни на какие возражения и протесты доносчика, он приказал подать себе собаку в шлюпку и тогда только отошел от судна.

Четверть часа спустя доносчик заявил, что они подошли к тому месту, где контрабандисты должны выгрузить свой товар, и потребовал полной тишины и осторожности, так как малейший звук мог выдать их присутствие и испортить все дело. Шлюпки вошли в крошечную бухту в скалах прибрежья, о которые с шумом и плеском ударялся прибой, и очутились в маленьком защищенном бассейне, где вода была глубокая, но совершенно спокойная.

Около часа шлюпки оставались в этом бассейне, поджидая контрабандистов. Ночь была лунная, но скоро на море спустился густой туман.

— Только этого они и ждали. Теперь все пойдет как нельзя лучше, — сказал доносчик. — Погодите, я уже слышу плеск весел. Будьте наготове: чтоб ни слова, ни звука...

Действительно, большая длинная лодка быстро приближалась к бассейну и теперь находилась уже на расстоянии не более десяти сажен от входа в него.

Все с напряжением ожидали решительного момента, как вдруг Снарлейгоу, заслышав звук весел, кинулся вперед и, вскочив на нос шлюпки, громко завыл:

— Гоу! Гоу! Гоу!

Заслышав лай, контрабандисты, знавшие, что с людь-

ми, которым они должны сдать свой товар, не должно быть собак, тотчас же стали уходить, а Снарлейгоу продолжал лаять. Контрабандисты, конечно, поспешили удрать, тем более, что на вершинах скал показались огни, означавшие присутствие врага, и в несколько секунд лодка с контрабандистами бесследно скрылась в густом тумане.

— Проклятая собака! Она вырвала из моего кармана пять тысяч фунтов стерлингов! — воскликнул доносчик. — Я же говорил вам: вышвырните ее за борт!

Ванслиперкен тоже был вне себя от досады.

— Вперед, ребята! — крикнул он. — Работай дружно! Мы их догоним!

— Как бы не так, — насмешливо произнес его новый знакомый. — Посылайте корову догонять зайца! Я этих людей знаю. Можете не трудиться. Пусть бы черт вас побрал и вашу проклятую собаку вместе с вами! Я, конечно, потерял пять тысяч фунтов, но могу утешиться, что и вы потеряли ровно столько же. Дорого же вам стоит этот паршивый пес.

Ванслиперкен был так раздражен потерей почти целого состояния, что готов был побить Снарлейгоу и даже смолчал, когда увидел, что матросы награждают его пинками, досадуя на неудачу.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил он.

— Вернемся назад, поджавши хвосты, как побитые собаки, — сердито отозвался доносчик.

Все вернулись в дурном настроении. Когда рассказали обо всем оставшимся на судне, Костлявый заметил:

— Как видно, эта собака не так уж полезна шкиперу.

— Да, — сказал Янсен, — эта собака — просто собака!

XV. ЖЕНСКОЕ ГНЕЗДО

Над маленьким бассейном острова Уайт, защищенном скалами, где шлюпки куттера «Юнгфрау» поджидали контрабандистов, нависли скалы Блэк-Ганг-Чайна, Черного хребта, считавшегося совершенно неприступным. Но доступ туда был, и контрабандисты избрали это место для выгрузки своего товара и тут же среди грозных скал и обрывов, над самой отвесной стеной, нависшей над морем, устроили свои склады. Здесь на высоте шестиде-

сяти футов была площадка, служившая как бы двором громадной глубокой пещеры.

В сторону бассейна скалы спускались круто, но здесь человеческая рука прорубила извилистую, незаметную для непривычного глаза тропку до того места, где скала обрывалась с высоты пятнадцати футов совершенно отвесно. Отсюда спускалась лесенка, которую при ненадобности убирали.

Самая пещера имела множество разветвлений и ниш, служивших частью складами для товаров, частью жилыми помещениями. В одной из ниш журчал родник со свежей студеной водой, для которой заботливые человеческие руки устроили сток наружу.

Жилые помещения в этом «женском гнезде» — так как здесь жили только одни женщины — были устроены с некоторой претензией на комфорт: стены были завешаны чистой парусиной, постели постланы на широких нарах, а вдоль стен расставлены столы, шкафы и скамьи. В передней части пещеры помещалась общая кухня, причем дымоход был устроен так, что дым вырывался наружу через множество сравнительно мелких отверстий и щелей, и со стороны моря его всегда можно было принять за туман или облачко.

В этих пещерах жило до тридцати женщин, девочек, подростков и детей. Мужья этих женщин были контрабандистами. Сдав товар на руки женам, они немедленно отправлялись обратно на берег, так как здесь негде было укрыться их лодкам. Кроме того, отсутствие мужчин устраняло подозрения властей. Сбыт контрабанды был обязанностью женщин. Они свободно отправлялись в Портсмут, устраивали там свои дела, забирали необходимые припасы и возвращались в свое «орлиное гнездо».

Для отвода глаз были выстроены на острове в нескольких милях от Черного хребта одиноко разбросанные хижины, считавшиеся их местопребыванием. Но никто никогда не навещал их там, а если кому и случалось зайти в эту глушь и постучаться в запертую на замок дверь одной из избушек, то, не дождавшись ответа, он уходил, полагая, что хозяйка в поле.

На рассвете следующего дня после неудачной попытки захватить контрабандистов на выступе скалистой площадки стояла стройная девочка лет двенадцати, всматриваясь в постепенно очищавшееся от тумана море.

— Смотри хорошенько, Лили! Нам необходимо узнать, откуда на нас вчера нагрянула беда.

— Я ничего не вижу, мама. Но подожди, туман скоро рассеется.

— Это была скверная ночь для твоего отца.

— А... вот, мне кажется, я уж вижу что-то на востоке, — проговорила девочка. — Да это судно, мама! Кажется, шлюп или корвет.

— Это судно береговой охраны? — спросила мать.

— Нет, это королевский куттер. Да, да, это «Юнгфрау».

— Так это их шлюпки были здесь ночью! Вероятно, им кто-нибудь донес. Но мы его выведем на чистую воду.

— Да, мама. Кроме того, я вижу большое судно и два брига, они идут вниз.

Девочка, перепрыгивая, как козочка, с уступа на уступ, спустилась вниз к очагу, у которого хлопотала ее мать.

— Надо будет, чтобы Нанси отправилась в Портсмут и разузнала про все это, — заметила мать. — Я положительно не знаю, кого подозревать в измене. Тот, кто указал на место выгрузки, наверное, знает о существовании нашего гнезда.

Мать Лили была высокая стройная женщина. Судя по всему, она не была привычна к той жизни, какую сейчас вела, хотя наряд ее был обычный, крестьянский.

К женщинам подошел священник.

— Мир вам, милые леди.

— Вы все забываете, отец, что меня зовут просто Алиса и больше ничего.

— Прошу извинить мою забывчивость. Итак — Алиса. Это имя как-то странно звучит в моих ушах, и, мне кажется, — пробудь я здесь у вас неделю вместо двух дней, я все же не привык бы называть вас так. Я хотел вам сказать, что вчерашняя история была очень некстати. Мне необходимо быть в Сен-Жермене *. Кроме того, это печально еще и потому, что доказывает, — между нами есть изменник. Скажите, когда может прибыть сюда ваш муж?

— Не думаю, что в эту ночь. Скорее завтра или послезавтра, если мы дадим благоприятный сигнал и погода будет тихая.

---

* Резиденция французских королей в девятнадцати километрах от Парижа.

Мне бы пора уже быть там, я мог бы многое сделать.

Я бы сама очень желала быть там, — произнесла Алиса со вздохом.

Разговор был прерван появлением нескольких женщин. Одни из них были очень просто и бедно одеты, другие, напротив, щеголяли богатыми нарядами. Особенно бросалась в глаза женщина лет двадцати пяти поразительной красоты.

Это была та самая Нанси, о которой упоминала Алиса. Нанси Довсон, ставшая недавно женой одного из контрабандистов, Корблитта, была до своего замужества настоящей знаменитостью. Она была даже воспета в песенке, которую знал каждый мужчина в Портсмуте. Но замужество совершенно переродило Нанси. Она охотно удалилась в эту женскую общину, время от времени отправляясь в Портсмут, где поддерживала кое-какие прежние знакомства, чтобы через них выведывать все, что важно было знать контрабандистам.

— Нанси, — сказала Алиса, — можете вы сейчас отправиться в город и войти туда никем не замеченной?

— Да, миссис Алиса, если никто не увидит меня.

— Девочка, дело так серьезно, что нам придется рискнуть.

И Алиса объяснила ей, в чем дело и что требуется узнать: во-первых — была ли «Юнгфрау» уведомлена о контрабанде, и, во-вторых, кто уведомил ее.

XVI. МОГГИ РЕШАЕТ, ЧТО КОНТРАБАНДА — ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТИЕ

Взобравшись на вершину скалы, Нанси внимательно окинула взглядом берег, чтобы убедиться, что никто не видит ее, затем быстро пустилась по направлению к маленькому рыбачьему поселку. Часа полтора спустя она добралась до него и наняла лодку, которая благополучно доставила ее в Портсмут. Рыбак, перевозивший ее, был давний знакомый и знал, что ему придется ожидать, чтобы отвезти ее обратно на остров, но знал также и то, что Нанси щедро заплатит и что для нее стоит постараться.

Нанси направилась прямо к домику, занимаемому Могги Салисбюри, которую давно знала, рассчитывая получить от нее необходимые сведения. Оказалось, что Могги

как уехала вчера вечером на куттер «Юнгфрау», так и не возвращалась оттуда, а куттер ночью неожиданно унесло в море.

Все эти сведения только подтвердили предположения Нанси, и, чтобы не попадаться никому на глаза в Порт-смуте, она решила остаться в квартире Могги и дождаться возвращения хозяйки.

Когда «Юнгфрау» вновь бросил якорь в гавани, первым же распоряжением Ванслиперкена Могги Салисбюри была отправлена на берег. Доносчик тоже поспешил съехать с судна, не особенно дружелюбно простившись с командиром.

Дома Могги застала у себя Нанси, чему была очень рада, так как тотчас же излила перед ней все свое негодование по поводу востроносого лейтенанта, намеревавшегося угостить фухтелями «ее дорогого, бесценного Джемми».

Нанси дала ей вволю высказаться, а затем приступила исподволь, за чашкой кофе, к интересовавшим ее расспросам. Таким образом Нанси получила самые подробные приметы доносчика, которого она сейчас же узнала.

— Ах, негодяй! — воскликнула она. — И этому человеку все мы так доверяли!

— Нанси, — сказала Могги, — я знаю, что вы знакомы с контрабандистами и муж ваш, как ходят слухи, не лоцман, а контрабандист. Так вот, я подумала, что этот куттер совсем не подходящее место для моего дорогого Джемми и что, пока там будет эта ржавая селедка вместо командира, ему житья не будет. Как вы думаете, Нанси, примут ли моего мужа к себе в дело контрабандисты?

— Этого я не могу вам сказать, Могги, но вы лично можете быть нам очень полезны через вашего мужа.

— Да и не только через него, а через любого из матросов его экипажа. Я телом и душой буду ваша, Нанси, вы увидите! Вы мне только скажите, что хотите знать, — и я все разузнаю вам. А когда вы там все обсудите и решите насчет нас, скажите мне, — я приведу вам мою маленькую уточку, моего дорогого Джемми, и все вы тогда увидите, что его следует ценить на вес золота!

— Хорошо, Могги, но за оказанную нам услугу возьмите себе вот это, — и Нанси положила на стол червонец. — Теперь прощайте, Могги, мы, вероятно, вскоре увидимся. До тех пор не болтайте ни о чем.

«Как видно, эта контрабанда — дело выгодное, и я

непременно сделаю своего Джемми контрабандистом», — решила Моггн, вертя после ухода Нанси в руках чер. конец.

Между тем Нанси быстро направилась к набережной южного предместья, где в то время стояло несколько раз. бросанных домишек. Уже совершенно стемнело, но дорога была ей знакома. По берегу расхаживал взад и вперед с недовольным видом какой-то человек. Нанси сразу его узнала. Именно его-то она и хотела видеть.

Человек этот достал из кармана какую-то бумагу, изорвал ее в клочья и бросил на землю. Нанси с минуту наблюдала за ним, а когда он направился к одной из избушек, подошла незаметно и спросила:

— Который час?

— Вам нужно знать точное время? — удивленно спросил человек.

— Минута в минуту, — ответила Нанси и, убедившись, что не ошиблась, продолжила: — Это вы, Корнберн? Я искала вас. Был донос, и наши чуть не попались. Алиса желает, чтобы вы разузнали, какие лодки заходили в нашу гавань, кому они принадлежали и, если возможно, от кого ищейки получили сведения.

— Вы говорите, что к нам заходили шлюпки? Полноте, неужели это так? — стараясь казаться удивленным, воскликнул Корнберн. — Вы никого не подозреваете?

— Нет. Поутру не было видно никакого судна, стоял туман. Не видали вы Вахопа?

— Я полагаю, что он на острове.

— Он должен был быть там, но не показывался. Я три ночи подряд ходила к дубу. Это очень странно, не правда ли? Как вы думаете, мог он нам изменить?

— Никогда этот человек мне не нравился!

— И мне тоже, — поддакнула Нанси. — Однако мне пора идти. Постарайтесь же разузнать все, что можно, затем сообщите нам немедленно. Всего лучше приходите завтра в ночь!..

— Хорошо, приду, — сказал Корнберн.

Они разошлись.

— Предатель! — прошептала Нанси, когда Корнберн отошел на некоторое расстояние. Нагнувшись, она проворно подобрала брошенные изменником клочки бумаги, затем быстрее прежнего зашагала к пристани, где ее ждала лодка старого рыбака. Ночью она вернулась в поселок, а к рассвету была уже в пещере.

Погода стояла прекрасная. Море было спокойно, а потому почью можно было ожидать лодок. Когда совершенно стемнело, на вершине скал зажгли два маленьких огонька — это был сигнал, что берег свободен. Но, несмотря на то, что никакой опасности не предвиделось, Алиса из предосторожности выставила на берегу караул. На этот раз сторожить вызвалась Лили, хотевшая раньше других обнять своего отца. Когда чуткое ухо девочки уловило мерный плеск весел, она вскочила и насторожилась. Недруги или свои? Минута напряженного ожидания, минута тревоги и она узнала люгер *. Еще минута — и девочка уже повисла на шее отца...

— Живо, ребята, выгружайте все на берег! Присмотри же за всем, Рамзай, а я должен сейчас же подняться наверх в пещеру — разузнать, что известно об измене. — сказал главарь контрабандистов и стал карабкаться по скале в пещеру.

Наверху его встретила жена и после первых сердечных приветствий передала ему все, что рассказала ей Нанси. Между тем женщины спустили лестницы и помогали своим мужьям переносить в пещеру тюки и пачки, составлявшие груз лодки.

— Рамзай, — сказал главарь контрабандистов, — возьмите людей и постарайтесь втянуть лодку на скалы, но осторожно, чтобы не повредить ее. Мы сегодня ночью не вернемся в порт.

Прошло более часа, прежде чем все это было исполнено. После этого и предводитель и остальные контрабандисты удалились в пещеру. Как всегда, одна из женщин осталась стоять на страже в ночное время. На этот раз обязанности часового исполняла Нанси Корблитт.

Лестница была убрана наверх, и Нанси расхаживала взад и вперед по площадке. Вдруг снизу послышался тихий свист.

— Эге! — прошептала Нанси. — Провела же я тебя, подлый предатель!

Подойдя к тому месту, где спускали лестницу, она посмотрела вниз и спросила тихим шепотом:

— Который час?

— Вы хотите знать точное время? Минута в минуту? — послышалось снизу.

Нанси спустила лестницу, и Корибери поднялся на площадку.

* Люгер — большая парусная или весельная лодка.

— Я очень довольна, что вы пришли, Корибори, — произнесла молодая женщина. — Не слыхали ли вы чего-нибудь о Вахопе?

— Никто его не видал и не слыхал о нем, но мне удалось доискаться, какие это были шлюпки. Люгер приходил сегодня?

— Да. Но погодите, я уведомлю миссис Алису о вашем приходе, — и она бегом побежала в пещеру.

В следующий момент оттуда вышел предводитель в сопровождении человек десяти контрабандистов, которые мигом окружили и схватили Корнберна.

— Вяжите его, ребята, да сторожите в оба! Мы его дело скоро рассудим!

— Нанси Корблитт! — воскликнул Корнберн. — За что со мной так поступают?

— За что? — гневно вскричала Нанси. — Спросите самих себя об этом! Неужели, думаете, я не знала, что вы были на куттере, что вы указали сюда дорогу шлюпкам и, если бы не собака лейтенанта, предали бы нас всех, подлый человек?!

— Так я тебе обязан тем, что попался в ловушку?

— Именно мне! — гневно подтвердила Нанси. — И можете быть уверены, что вам поднесут надлежащий десерт за ваши дела.

— Вы хотели предать нас из корыстных целей? — спросил предводитель Корнберна, глядя на него в упор.

— Это ложь! — зло выкрикнул Корнберн. Лицо его стало нервно подергиваться. — Девчонка хочет оговорить меня!

— Нанси, повторите при нем и при всех все ваши показания, — приказал главарь контрабандистов.

Нанси повторила все, что ей удалось узнать.

— Это ложь! Где доказательства? — воскликнул изменник.

— Вы хотите доказательств? — отвечала спокойно Нанси. — Так вот они! Узнаете эту бумагу, сударь? — и Нанси сунула ему под нос собранное ею и подклеенное условие, заключенное между лейтенантом Ванслиперкеном и Филиппом Корнберном. — Узнаете эту бумагу? Вот, сэр, прочтите ее! Прочтите ее все! — и она передала документ продводителю.

Бумага была прочтена, и после того всеми единогласно был утвержден приговор над Корнберном.

— Теперь уйдите, Нанси, и скажите там, чтобы никто

ил женщин сюда не показывался, — произнес предводитель. — Завяжите ему глаза и отведите на край обрыва, а там поставьте на колени. А ты, Фитцпатрик, сделай свое дело, — продолжал он, обращаясь к одному из контрабандистов.

Фитцпатрик подошел к приговоренному, приложил дуло пистолета к его виску и спустил курок. Грузное тело на мгновение подбросило вверх, затем оно мешком, подпрыгивая на уступах, скатилось в море.

XVII. БОРЬБА ЗА УТЕРЯННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

Некогда правил Англией король Яков II. Его зять, Вильгельм Оранский, или король Вильям III, как его стали называть англичане, отнял у него престол. Изгнанный король нашел себе приют во Франции у Людовика XIV, который наделил его дворцами, деньгами, а главное — предоставил в его распоряжение армию и флот, с которыми тот и отправился в Ирландию в надежде вернуть себе английский престол.

Разбитый на голову при Байоне, Яков вернулся опять в Сен-Жермен, где и провел остаток своих дней в заговорах против короля Вильяма.

Среди бывших придворных Якова, мечтавших снова возвести его на трон и тем самым вернуть и себе утраченное положение, был один родовитый шотландец, по имени Роберт Барклай.

Этот сэр Роберт, не раз пробиравшийся в Англию с целью поднять там восстание в пользу изгнанного короля, находил себе приют на острове Уайт, где и скрывался у контрабандистов в знакомой нам пещере. Таким образом у него завязались дружеские отношения с этими людьми. Шотландец сразу сообразил, какие выгоды может для него представлять дружба с ними. Некоторое время он пользовался контрабандистами только для передачи секретных депеш приверженцам Якова в Англии и Шотландии, но с течением времени, когда явилась надобность в личных переговорах со сторонниками Якова, сэр Роберт стал частенько заглядывать на остров, переправляясь туда под прикрытием тех же контрабандистов и назначая местом тайных свиданий их пещеру.

Вскоре сэр Роберт понял, как важно для него держать всех этих людей в полной своей власти, и не без

устроил так, что они избрали его своим предводителем.

Благодаря средствам, получаемым им от французского двора, он имел возможность поставить жизнь и деятельность контрабандистов на широкую ногу, так что контрабанда приносила теперь громадные барыши, и ему стала необходима какая-нибудь личность, которой можно было бы поручить постоянный надзор и охрану пещеры и складов контрабанды. На эту роль вызвалась его жена, леди Барклай, так же горячо мечтавшая о власти и богатстве, как и ее муж. В конце 1696 года с единственным своим ребенком она окончательно переселилась на остров, после чего сэр Роберт сделал новое распоряжение, чтобы все женщины постоянно пребывали в пещере на острове, а мужчины оставались на противоположном берегу и на острове бывали только наездами.

Вскоре после трагического происшествия на скалистой площадке из пещеры вышел монах-иезуит и подошел к сэру Барклаю.

— Покончили с предателем? — спросил он.

— Да, — отозвался сэр Роберт.

— Мы отправимся сегодня ночью?

— Да, непременно. Какие вести везете вы в Сен-Жермен?

— Важные вести, — сказал иезуит. — Повсюду царит недовольство. Все как будто складывается благоприятным для нас образом.

— Ну, а в Шотландии что слышно?

— Об этом мы поговорим после. А теперь я хотел вам сказать, что офицер, командующий куттером «Юнгфрау», по всей видимости человек продажный и его легко купить за деньги. Такого же мнения ваша супруга, и она желала бы попытаться подкупить его.

— Да, я слышал, и Нанси Корблитт того же мнения... Попытаться можно, он может нам быть очень полезен, и никто не заподозрит его. Все это, мне кажется, следует предоставить Нанси. Мы можем пользоваться им, платить ему, но не доверять.

XVIII. ВАНСЛИПЕРКЕН ПОСЫЛАЕТ КОСТЛЯВОГО ЗА БАНКОЙ С КРАСКОЙ

Куттер «Юнгфрау» все еще стоял на якоре в гавани Портсмута. День был пасмурный, туманный и дождливый. Мистер Ванслиперкен был сегодня особенно не в духе, так как по требованию своего начальства должен был покрасить «Юнгфрау» свежей черной краской. Эту операцию он никогда не производил без особого требования со стороны начальства, так как краску тотчас же по получении продавал, и потому покрасить судно было для него все равно, что выложить деньги из собственного кармана.

На этот раз на свою беду он приступил к окраске «Юнгфрау» накануне дождя, который за ночь смыл почти всю краску. Теперь приходилось не только начинать заново всю работу, — это бы еще ничего, ведь рабочие даровые, — но и принимать на себя двойной расход.

Туман был такой густой, что на набережной трудно было различать дома. Ветер утих. Ванслиперкен посмотрел вниз, чтобы оценить насколько дождь смыл краску. Смыло почти всю дочиста. Он перегнулся через корму и заметил, что там еще висела лесенка, на которой стоя или сидя работал матрос, и — о, ужас! — на лесенке еще стояла банка с краской, наполовину наполненная дождевой водой, и в ней торчала кисть.

Мистер Ванслиперкен собирался уже крикнуть кого-нибудь, чтобы убрали краску, но наверху никого не было. Вдруг блестящая мысль осенила его. Ему представлялся удобный случай, которым он непременно должен воспользоваться! Лейтенант поспешно направился в свою каюту, где застал Костлявого, глодавшего сухари.

— Костлявый, — сказал он, — один из матросов забыл банку с краской и с кистью под кормой. Поди принеси ее сюда немедленно.

— Есть, сэр, — ответил Костлявый.

Проворно взбежал он наверх, добежал до кормы и в следующий момент спустился вниз. Ванслиперкен схватил свой охотничий нож и осторожно прокрался на палубу. Оглянувшись кругом и убедившись, что наверху никого не было, он добрался до кормы, заглянул вниз и заметил, что накат, на котором держалась доска, заменявшая лесенку, задрожал. Костлявый собирался уже

забраться снова на палубу, но в этот момент Ванслиперкен перерезал канат ножом.

Раздался тяжелый всплеск воды...

Лейтенант опрометью сбежал вниз и заперся в своей каюте. Дрожа как осиновый лист, присел он к своему столу. Совершив в жизни своей немало преступлений, он теперь впервые решился на убийство. Лицо его было бледно, он едва держался на ногах. Шатаясь, подошел он к своему шкафу, налил стаканчик настойки и залпом выпил ее.

Затем Ванслиперкен снова вышел на палубу и приказал подать себе шлюпку. Спустя минуту он сидел уже в ней и вскоре высадился на берег. Ощутив твердую почву под ногами, лейтенант почувствовал некоторое облегчение и быстро зашагал к жилищу своей матери.

Добравшись до ее каморки, он взялся за ручку двери. Дверь была заперта изнутри. Лейтенант стал стучаться так нетерпеливо, что старуха начала громко ругаться. Едва успела она отворить, как он точно бомба влетел в комнату, снова вернулся к двери, запер ее на ключ и в изнеможении опустился на ближайший стул.

— Тысяча чертей! Что там стряслось? Глядя на тебя можно подумать, что тебя обокрали или чуть не убили.

— Убили... — прошептал Ванслиперкен. — Да, это было убийство.

— Что было? Чье убийство, сын мой? — переспросила старуха.

— Разве я произнес это слово, матушка?

— Да, Корнелиус Ванслиперкен, ты это сказал, хотя я никогда не поверю, чтобы такой трус, как ты, решился на такое дело.

— Но я же совершил его... только что совершил!

— Неужели это правда? — вскричала старуха, и потухшие глаза ее загорелись. — Ну, наконец-то ты что-то совершил, и я могу уважать тебя хоть сколько-нибудь! Что же, ты забрал много золота?

— Золота? Я ничего не приобрел этим, а даже потерял банку с черной краской. Но зато его больше нет на свете.

— Кого?

— Этого парня... Костлявого!

— Пфи! — презрительно проговорила старуха. — Ну что же, и то не беда. Это из чувства мести? Месть тоже

отрадна. Я не буду называть тебя больше трусом, как раньше.

— А теперь мне пора на судно, — сказал Ванслиперкен.

— Иди, иди, дитя мое! — старуха подошла к сыну и добродушно похлопала его по плечу.

Ванслиперкен шел быстро, оглядываясь по сторонам, точно опасаясь быть узнанным, пока наконец не добрался до пристани. Здесь ему пришлось нанять перевозчика, так как он не приказал шлюпке выехать за ним...

Лейтенант поспешно взбежал на палубу и не останавливаясь прошел в свою каюту, потребовав на ходу, чтобы Костлявый принес ему свечу. Затем стал ожидать впотьмах, когда же ему наконец доложат, что Костлявого нельзя нигде найти.

В ожидании огня Ванслиперкен перечислял в своем уме неудачи, постигшие его за последнее время. Наконец вдали показался огонек. Сейчас ему доложат, что Костлявый исчез... но вдруг — о, ужас! — в дверях каюты появилась тощая фигура, и при свете огня Ванслиперкен узнал мертвенно бледное лицо ненавистного матроса.

Ванслиперкен взглянул на слугу обезумевшими, выпученными глазами. Нет, он не ошибается — это Костлявый! Нервы его не выдержали, и лейтенант упал без чувств.

— А-а, на этот раз я тебе отплатил, — прошептал, склоняясь над ним, Костлявый.

...Если бы у Ванслиперкена хватило мужества после падения Костлявого в воду взглянуть за корму, он увидел бы, что тот вовсе не пошел ко дну, а уцепился за якорную цепь и повис на ней. Взбираясь по канату, чтобы выйти на палубу, Костлявый заметил блеснувшее у него над головой лезвие ножа и сразу сообразил, что это лейтенант покушался на его жизнь. Поэтому-то Костлявый и повис на цепи. В первый момент он хотел было звать на помощь, а затем раздумал. Услыхав, что Ванслиперкен приказал готовить себе шлюпку, он решил выждать еще немного, чтобы лейтенант подумал, что он утонул. Так оно и вышло. Когда шлюпка скрылась из виду, Костлявый стал громко звать на помощь, и его крик был услышан матросами, которые поспешили вытащить его наверх. Сначала он не мог отвечать на расспросы, пока не согрелся, а затем осторожно созвал Шорта, Кобля и Джемми Декса на совет и рассказал им подробно обс

...ем случившемся. После долгого обсуждения было ре...шено, что Костлявый явится к лейтенанту как ни в чем не бывало, а дальше будет уже видно, как действовать.

Условившись, что лейтенант лишился чувств, Костлявый тотчас же отправился доложить об этом Дику Шорту, который вместе с Коблем тут же спустился в каюту.

— Что же нам делать, Шорт? — спросил Кобль.

— Ничего, — отвечал тот.

— И я того же мнения. Пусть он оправится, если ему охота, или пусть околеет. Кому до этого дело?

— Никому, — решил Шорт.

— Как видно, он не на шутку струсил, даже оставил свой шкаф открытым, — заметил Костлявый. — Дай-ка я хоть раз погляжу, что в нем есть.

Прежде всего ему попался на глаза кувшин с настойкой. Он достал ее и понюхал.

Спарлейгоу с рычаньем выполз из-под стола и попытался схватить за ноги «утопленника», но Шорт угостил его таким пинком в бок, что собака с воем вылетела из каюты.

Убедившись, что запах недурен, Костлявый решил попробовать содержимое кувшина.

— Мы выпьем за его выздоровление, — предложил он, кивнув в сторону лейтенанта.

— Да, — согласился Шорт.

— Пью, чтобы не было счастья ни ему, ни его псу, — сказал Костлявый, проглатывая свою рюмку и снова наполняя ее.

— Кто здесь? — спросил в это время слабым голосом Ванслиперкен.

— Костлявый, ваша милость, да ваши помощники, которые пришли помочь вам, сэр.

— Костлявый? — повторил Ванслиперкен, еще не вполне придя в себя. — Костлявый утонул... и банка с черной краской вместе с ним.

— И ваша совесть, — сказал Шорт.

— И охотничий нож, — добавил Кобль.

— Охотничий нож? — повторил Ванслиперкен, приподнявшись. — Я никогда не говорил об охотничьем ноже... Кого я вижу! Шорт, Кобль, помогите мне подняться. Я очень неудачно упал. Где Костлявый? Разве он жив?

— Я полагаю, что так, — отозвался сам Костлявый.

Теперь Ванслиперкен уже совершенно пришел в себя. Его подняли и посадили на стул, и теперь он желал толь-

ко одного: как можно скорее избавиться от присутствия посторонних, и потому поспешил заявить Шорту и Коблю, что он чувствует себя прекрасно, и что они могут уйти.

Он желал знать, каким образом спасся Костлявый, но не решался затронуть прямо этот вопрос.

— Что такое с тобой случилось, Костлявый? Я ничего не помню, я еще очень слаб, — издалека начал он.

— Выпейте-ка стаканчик вот этого, сэр, — сказал Костлявый, открывая шкаф и доставая из него настойку.

Ванслиперкен выпил налитый ему стаканчик и поинтересовался:

— Как вы могли знать, что находится в этом шкафу, сэр?

— Вы все время требовали этого во время вашего припадка и сами указали на шкаф, который был не заперт, — нашелся Костлявый.

— Я просил настойки?

— Да, сэр, и еще говорили, что потеряли свой охотничий нож.

— Неужели я это говорил? — спросил Ванслиперкен, начиная опасаться, что он себя выдал. — Мне было худо, очень худо, Костлявый, — продолжал он, ощупывая свой лоб руками. — Кстати, принес ты тогда этот горшок с краской?

— Нет, сэр, не принес. Я сам вместе с этой банкой кувырнулся за борт.

— Кувырнулся за борт? Почему же я не слыхал ничего об этом? Ведь я покинул судно не тотчас. Мне должны были доложить.

— Как же вы могли слышать, сэр, — возразил Костлявый, который заранее успел подготовить все это объяснение, — если течением меня отнесло за салютную батарею?

— За салютную батарею? — удивленно воскликнул Ванслиперкен. — Но как же вы могли спастись?

— Благодаря кое-кому я так легок, что не могу утонуть, и меня несло, как щепку, к Набову буйку, а затем оттуда, когда настал прилив, отнесло обратно в гавань как раз за полчаса до вашего возвращения на судно.

Мистер Ванслиперкен смотрел недоумевая.

— Все это чистая правда, как то, что я стою перед вами, сэр, — продолжал Костлявый. — Никогда еще в

жизни и так не зяб — нырял, как выводок утят, вниз и вверх по волнам и качался...

— Так это ты здесь стоишь? — повторил Ванслиперкен. — А действительно ли это ты здесь стоишь? — и он схватил матроса крепко за плечо.

— Угодно вам еще что-нибудь, сэр? — спросил Костлявый. — Если же нет, то я хотел бы поскорее лечь в постель. Я весь как льдина еще и сейчас.

— Вы можете идти, Костлявый, — отпустил его лейтенант, мысли которого снова начинали путаться.

XIX. НАНСИ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

На следующее утро лейтенант Ванслиперкен, закончив свой туалет, потребовал завтрак, вышел на палубу и, убедившись, что погода стоит хорошая, приказал продолжать окраску судна, а сам отправился на берег — узнать в адмиралтействе, не будет ли ему каких-нибудь новых распоряжений.

Идя по улице, он заметил, что какая-то очень хорошенькая женщина то обгоняет его, то отстает, то снова нагоняет. Хотя Ванслиперкен всегда избегал подобного рода приключений, так как они неизбежно вовлекали в расходы, но, глядя на эту незнакомку, он от души пожалел, что почтенная вдова Вандерслуш не похожа на нее.

— Право, кажется, я заблудилась, — произнесла хорошенькая женщина, поравнявшись с лейтенантом. — Не можете ли вы указать мне, где находится Кэстель-стрит? Я положительно не найду дороги домой.

Кэстель-стрит являлась одной из лучших улиц города, как это было известно лейтенанту, и у молодой особы был такой приличный вид, она была так нарядна, что все это несколько обнадежило его. Он любезно подал ей руку, предложил проводить до дому. После некоторого колебания и жеманства красавица согласилась, а когда они остановились у дверей, ей не оставалось ничего более как пригласить его войти.

Лейтенант Ванслиперкен был поражен богатым убранством квартиры. Прекрасная незнакомка рассказала ему, что она вдова, пожаловалась на судьбу одиноких женщин, которых все обманывают, дала ему понять, что она очень богата, и, когда он, просидев у нее с четверть часа, стал уходить, просила его навещать ее, наградив

на прощанье таким взглядом, что Ванслиперкен, если бы и захотел, не смог забыть его.

Нанси Корблитт настолько удачно сыграла свою роль, что лейтенант, выйдя от нее, мысленно решил послать вдову Вандерслуш ко всем чертям. Вернувшись на судно, он заперся в своей каюте и, лаская собаку, приговаривал:

— Подождите, моя бедная собачка, ваш хозяин заберет себе теперь такую вдовушку, что всякий ему позавидует. И она не потребует, чтобы я принес ваш труп к ее порогу!

При следующем посещении «вдовушка» была еще очаровательнее: доверчиво советовалась с ним о денежных делах, говорила о своей семье, о том, что ожидает к себе брата, который, однако, должен приехать тайно, так как состоит при дворе бывшего короля Якова II, и явно сама выказывала свою приверженность дому Стюартов. Ее политические убеждения мало тревожили лейтенанта — очаровательная «вдовушка» с каждым разом была все милее, добрее и любезнее, вследствие чего Ванслиперкен наконец не выдержал и признался в своих чувствах.

«Вдовушка» краснела, опускала глазки, говорила, что все это так неожиданно для нее, что она не может решиться дать ему немедленно ответ, но при этом была еще милее, еще ласковее...

Однажды, вернувшись на судно совершенно опьяненным чарами прекрасной «вдовушки», лейтенант узнал, что начальство немедленно требует его к себе, и, явившись поутру в адмиралтейство, получил приказ немедленно идти в Гаагу с депешами от короля Вильяма Генеральным штатам *. Прямо из адмиралтейства Ванслиперкен направился к «вдовушке» и сообщил ей о полученном приказе. Та как будто опечалилась, призадумалась и в конце концов осведомилась:

— А долго вы пробудете в отсутствии?

— Да неделю или дней десять. Я как на крыльях примчусь к вам, лишь только будет возможно!

— Но сознайтесь, есть у вас там знакомые? Я спрашиваю не о мужчинах, конечно, — сказала Нанси с притворной тревогой.

---

* Генеральными штатами назывался сословный сейм Соединенных нидерландских провинций.

Клянусь честью, я не знаю там ни одной женщи-
ны! — воскликнул Ванслиперкен, восхищенный этими
признаками ревности. — Но увы! Я должен с вами про-
ститься: мое начальство крайне строго и не допускает ни
малейшего промедления.

— Проститься? Я хотела вас просить об одной услуге:
мне надо непременно переслать письмо брату. Милый
лейтенант, не откажите передать ему этот пакет. Если
вы меня любите, вы это сделаете, не так ли? — и она
положила свою ручку ему на плечо, заглядывая в лицо.

О, конечно! Все, что вы только пожелаете, я сде-
лаю для вас с величайшей радостью, — отвечал Ванслипер-
кен, принимая письмо из ее рук.

— Вы передадите его французскому агенту, а тот до-
ставит его моему брату: агент знает его адрес. Кроме
того, у меня будет к вам еще просьба, только я боюсь
что вы сочтете меня очень неразумной, — краснея и как
бы стесняясь, продолжала Нанси. — Я хотела вас просить
написать мне оттуда всего несколько строк... Напишите
мне, что вы передали письмо и... и... что вы сами благо-
получно прибыли... что вы здоровы... и...

Восхищенный Ванслиперкен обхватил «вдовушку» за
талию и прошептал ей над самым ухом:

— Я напишу, напишу непременно, моя дорогая! —
после чего, пожеманившись и поломавшись немного, Нан-
си дала ему поцеловать себя в щеку. Затем «влюбленная»
парочка рассталась.

Менее как через час «Юнгфрау» снялась с якоря.

Бросив якорь в Амстердаме, лейтенант приказал по-
дать шлюпку. Он распорядился, чтобы никто из экипажа
не смел отлучаться с судна, решив, что раз вдова Ван-
дерслуш не желала его общества, то он со своей стороны
лишит ее столь приятного и прибыльного для нее об-
щества экипажа «Юнгфрау», расходовавшего в ее луст-
хаузе почти все свои деньги.

— Вот как! — воскликнул Кобль, когда шлюпка ко-
мандира отчалила. — Теперь он вздумал нас лишить не
только песен, но и свободы. Что же будет дальше? Нет,
воля ваша, ребята, а я не намерен этого терпеть.

— Я тоже, — сказал Шорт.

Между тем лейтенант, отдав в адмиралтействе сроч-
ные депеши, которые он должен был доставить, вынул
письмо, врученное ему прекрасной «вдовушкой», и, к ве-
ликому своему удивлению, увидел, что оно адресовано

на ту же улицу, где жила вдова Вандерслуш. Ему не хотелось, чтобы та видела его, но делать было нечего. Мало того — указанный на адресе дом находился как раз напротив дома вдовы.

Когда лейтенант подошел к этому дому и постучал, ему не сразу отворили, а вдова, в это время стоявшая в дверях своего флигеля, удивленно смотрела прямо на лейтенанта. Бабетта выглядывала из-за ее плеча. А так как улица была узкая, то Ванслиперкен не мог притвориться, что не заметил ее, и принужден был раскланяться. Но миссис Вандерслуш не сочла нужным ответить на его поклон.

Наконец лейтенанта впустили, проводив в комнату, окна которой были выкрашены зеленой краской, так что никто не мог заглянуть в нее с улицы. К нему вышел высокий худощавый господин в подряснике и любезно предложил ему кресло у стола.

Ванслиперкен вручил ему письмо, и тот, попросив разрешения прочесть, взломал печать и пробежал глазами содержимое.

— Очень вам признателен за то, что вы доставили мне это письмо, — произнес высокий господин. — Вы, если не ошибаюсь, командуете здесь шлюпом?

— Королевским куттером, сэр, — с некоторой важностью заявил Ванслиперкен. — Я — лейтенант Ванслиперкен.

— Я запишу ваше имя, если позволите, — сказал высокий господин. — Но вы, вероятно, рассчитываете на некоторое вознаграждение, как я полагаю? Конечно, лейтенантское содержание — довольно скромно. Мы же можем лучше оплачивать оказываемые нам услуги.

С этими словами он отсчитал пятьдесят золотых червонцев и с улыбкой придвинул их к Ванслиперкену. Заметив, что тот смотрит на него с недоумением, он поспешил вложить золото в руку лейтенанта и при этом добавил:

— Вы крайне обяжете меня, если заглянете сюда перед тем как будете уходить обратно в Англию. Я позволю себе поручить вам одно письмо к той особе, по поручению которой вы теперь здесь.

В первый момент Ванслиперкен был до того удивлен, что не сразу сообразил, что это значит, затем он понял, в чем дело, но золото было у него в руках, и не хватало духу положить его обратно на стол. После минутного ко-

зобания он опустил червонцы в карман, обещав наведать-ся перед отъездом, и откланялся.

Когда он вышел на улицу, вдова Ванделелуп и Ба-бетта все еще стояли и подкарауливали его, но он был так взволнован, что не обратил на них внимания.

Вернувшись на судно, Ванслиперкен запорся в своей каюте, высыпал груду золота на стол перед собой и долго наслаждался его видом.

Он собирался уже убрать золото в надежное место, как вдруг кто-то постучался в дверь каюты. Поспешно спрятав свое богатство, лейтенант отворил дверь и, к не-малому удивлению, увидел перед собой капрала ван Спит-тера, который, приложив руку к козырьку, отрапортовал:

— Честь имею явиться. Благополучно прибыл на суд-но, мистер Ванслиперкен!

XX. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПРАЛА ВАН СПИТТЕРА

Шлюпку с капралом прилив занес под утро в сети прибрежных рыбаков.

Придя посмотреть, что судьба послала на их долю, рыбаки с немалым удивлением увидели шлюпку и в ней грузное тело капрала без всяких признаков жизни. Но, убедившись при более тщательном осмотре, что капрал жив, они отнесли его к себе, влили ему в рот водки и ук-рыли всеми имевшимися в запасе одеялами. Капрал ско-ро пришел в себя, а после горячего супа и сытного обеда даже повеселел.

На вопрос рыбаков, вознаградит ли их командир судна за его спасение и за то, что они возвратят шлюпку, капрал отвечал отрицательно и предложил рыбакам ос-тавить ее себе, дав обещание ничего не говорить об этом.

Надо сказать, что за то время, пока капрал мерз и дрог, тонул и умирал каждую минуту в течение всей страшной ночи, проведенной в шлюпке, в душе ван Спит-тера произошел полный переворот. Насколько он до этого времени был предан Ванслиперкену, настолько вознена-видел его теперь.

На другой день рыбаки доставили капрала в Амстер-дам. Узнав о том, что «Юнгфрау» ушла в море, капрал еще более вознегодовал и озлобился на Ванслиперкена за то, что тот, не позаботившись о нем, предоставил его воле судьбы. Бродя по улицам Амстердама, ван Спиттер вспом-

ни о кабачке вдовы Вандерслуш и решил, прикрываясь именем своего командира, который, как ему было известно, был там в чести, пойти туда, нимало не подозревая того, что произошло в последнее время между Ванслиперкеном и предметом его вожделений.

У дома вдовы капрал прежде всего натолкнулся на Бабетту, которая, убедившись, что он — чистокровный голландец и принадлежит к экипажу, или, вернее, к персоналу куттера «Юнгфрау», и думая, что он, как и все остальные люди экипажа, презирает и ненавидит Ванслиперкена и его противную собаку, тотчас же разговорилась с капралом, рассказав ему, по свойственной ей словоохотливости, все происшествие с собакой и про гнев госпожи.

Таким образом капрал оказался вовремя предупрежденным о том, в каком положении находились дела, и поспешил поддакнуть Бабетте, дав ей понять, что он не только враждебно относится к Ванслиперкену теперь, но что будто бы и всегда так к нему относился. Бабетта, имевшая привычку передавать все новости своей госпоже, тотчас побежала рассказать вдове о приходе рослого и видного капрала и о том, что ему пришлось выстрадать из-за негодного Ванслиперкена.

Слушая ее рассказ, вдова Вандерслуш сразу почувствовала симпатию к капралу, а когда увидела его атлетическую фигуру, то сердце ее совсем растаяло. В глазах вдовы Вандерслуш капрал ван Спиттер был воплощением мужской красоты, и при виде его она мысленно воскликнула: «Вот мужчина, для которого я не пожалею всех своих денег!»

Она тут же предложила ему пообедать с нею, а под конец вечера, после долгой дружественной беседы просила его не заботиться ни о чем и остаться у нее в доме до возвращения куттера, который вскоре ожидали обратно.

На другой день капрал сидел уже на том самом диване, на котором еще так недавно сидел лейтенант Ванслиперкен. А день спустя он уже был признан официальным женихом богатой вдовушки, хотя все это еще решено было хранить в тайне от всех посторонних лиц. Делалось это не только потому, что капрал был подчиненным Ванслиперкена, который не простил бы ему того, что он стал на его дороге, но еще и по тем соображениям, что лейтенант мог запретить своему экипажу посещать кабачок вдовы. Поэтому пока капрал не отбудет своего срока

службы и не станет вольным гражданином, не стоило ни-
чего говорить и предпринимать решительных шагов.

Однако пребывание рослого молодца-капрала в доме вдовы не осталось незамеченным высоким худощавым иезуитом, бывшим тогда французским агентом в Амстердаме и живущем как раз напротив дома вдовы Вандерслуп. По наведенным справкам иезуит решил, что содействие капрала могло бы быть полезно их делу. Капрала пригласили для переговоров. Вернувшись оттуда, ван Синттер со всех сторон обсудил с вдовой вопрос, нужно ли ему принять выгодное предложение отца-иезуита, и на общем совете было решено — принять, так как риска было мало, а выгоды и прибыли могло быть много.

И вот случилось так, что капрал зашел к иезуиту объявить о своем согласии и находился уже у него в доме, как явился Ванслиперкен. Увидав в крошечную щель в зеленом стекле вновь прибывшего посетителя, капрал попросил иезуита спрятать его куда-нибудь, и его провели в смежную комнату. В нее вела дверь, скрытая за ширмой. Оказалось, что отец-иезуит неплотно прикрыл эту дверь, и капрал, удивлявшийся, зачем мог прийти сюда лейтенант, приотворил ее настолько, что мог все слышать и даже видеть. Когда Ванслиперкен уходил и затворил за собой дверь, капрал отошел в дальний конец комнаты и расположился там в кресле как ни в чем не бывало.

Повидавшись с лейтенантом, иезуит решил, что лучше иметь дело с начальником, чем с подчиненным, и заявил капралу, что из-за изменившихся обстоятельств он в настоящее время не нуждается в его услугах. Капрал удовольствовался этим объяснением и, придя к вдове, рассказал ей подробно обо всем.

— Негодяй! Изменник! — воскликнула вдова.

— Ах, да... — вздыхая, вторил капрал.

— Он продает за деньги свое отечество! Вы сами видели, что он получил пятьдесят гиней?

— Тысяча чертей! — крикнул капрал громовым голосом и с такой силой ударил кулаком по столу, что половина доски отломилась и упала на пол.

Вдове, конечно, было жаль стола, но зато понравилось такое проявление его силы, да кроме того этот порыв гнева был вызван негодованием на Ванслиперкена, почему она всей душой сочувствовала.

— Да, да, Ванслиперкен, я предсказывала вам, что недалеко время, когда и вы и ваша паршивая собака вме-

сте будете качаться на виселице, — довольно провор
вала она.

— Да, будет, — поддакнул капрал и, присев на диван
рядом с вдовушкой, стал с ней о чем-то советоваться
после чего пристегнул оружие, взял шляпу и отправил
на куттер «Юнгфрау».

XXI. МАТРОСЫ ПРИХОДЯТ К ВЫВОДУ, ЧТО СНАРЛЕЙГОУ — ВОДЯНОЙ ЧЕРТ

Что капрал налгал своему командиру, в том нет никакого сомнения, а Ванслиперкен, по привычке доверять ему во всем, поверил и на этот раз. Затем капрал отыскал Джемми Декса и сказал ему спокойным деловым тоном, что, как только стемнеет, им надо будет поговорить так, чтобы их не видели.

Ванслиперкен приказал капралу приступить к исполнению своих обязанностей и распределить провизию на день. Каково же было удивление экипажа, когда все получили свой паек не только полностью, чего раньше никогда не бывало, а даже с лихвой. Костлявый же, когда явился за порцией командира и за своей, получил еще сверх того, что полагалось, целый стакан грога, который капрал собственноручно поднес ему.

Костлявый, беря стакан из рук капрала, не верил своим глазам и, даже выпив грог, все еще продолжал недоверять своим вкусовым ощущениям. Он до того был поражен, что, оставив всю свою порцию на месте, побежал на бак сообщить об этом удивительном событии экипажу.

— Да, странные дела творятся на этом свете, — заметил Кобль. — Не знаешь даже, чему верить, чему не верить.

— Видно, его совесть загрызла, — заметил Спюрей.

— Мы узнаем об этом сегодня, так как вечером у меня с капралом должен быть разговор, — заявил Декс.

— Смотри, Джемми, как бы он тебя не обошел.

— Нет, — сказал Костлявый, — на этот раз он, вероятно, искренен, а то не дал бы мне целого стакана грога.

— Правда! — заявил Шорт.

— Как хотите, а тут творится что-то неладное, — решил Спюрей. — Ну, да вечером увидим!

Так как куттеру было предписано возвратиться немед-

сию секунду и даже явился посланный из адмиралтейства, повторивший это приказание, то Ванслиперкен послал на берег к французскому агенту, чтобы успеть захватить письма.

Едва только лейтенант покинул судно, как капрал, не теряя времени, отыскал Джемми и, не сказав ему ни слова о том, что он делал на берегу, сообщил о своем убеждении, что Ванслиперкен умышленно хотел отделаться от него по той причине, что ему, ван Спиттеру, известны такие секреты лейтенанта, за которые тот в любую минуту может попасть на виселицу. И теперь он, капрал, решил отомстить лейтенанту за это покушение. Телом и душой он переходит на сторону экипажа, но для того, чтобы им успешнее действовать, по-прежнему будет прикидываться всецело преданным Ванслиперкену.

Хотя Джемми отлично знал, что капрал ошибается в своих предположениях относительно злого умысла лейтенанта, но счел за лучшее не разуверять капрала и не сообщил ему о том, что своим невольным плаванием он обязан Костлявому. Однако, не вполне доверяя ван Спиттеру, Джемми попросил дать ему какое-нибудь доказательство правдивости его слов.

— Какое же я могу вам предоставить доказательство?

— А вот согласны ли вы вышвырнуть проклятую собаку за борт?

— Собаку?! Сию же минуту. А следом за ней ее господина, если бы было можно!

И ван Спиттер отправился в каюту, которую Ванслиперкен, доверяя ему, оставил на этот раз незапертой, и, схватив собаку за шиворот, вытащил ее из-под стола, вынес на палубу и со всего размаха швырнул за борт.

— Майн Гот! — воскликнул Янсен. — Вот это хорошо сделано!

Между тем собака поплыла не к судну, а к берегу, благополучно добралась до пристани, где приставали шлюпки и, признав шлюпку со своего куттера, забралась в нее. Гребцы, в ожидании командира, чтобы не терять времени даром, сидели в ближайшей портерной за стаканом пива, и потому никто не видел, как Спарлейгоу забрался в шлюпку, как, отыскав брошенные под одну из скамеек теплые куртки гребцов, зарылся в них с головой и, прекрасно согревшись, крепко заснул.

Когда вернулся лейтенант, шлюпка отчалила и вернулась на судно, Ванслиперкен вышел, за ним — гребцы,

Снарлейгоу продолжал спать крепким сном, так что никто не заметил его присутствия в шлюпке. Проснувшись, собака, никем не замеченная, выпрыгнула на палубу и сбежала вниз, в каюту своего господина, пробралась там под стол, улеглась на свое обычное место и, повернувшись раз-другой, снова захрапела.

Между тем экипаж, собравшись на баке, оживленно совещался по поводу последних событий.

— Не странно ли, что он до сих пор не хватился своей собаки? — заметил Спюрей.

— Да, — сказал Шорт.

— И я знаю почему, — заявил капрал. — Потому, что Ванслиперкен считает теперь свои гинеи, — повторил жадный голландец, приходя в бешенство при мысли, что эти гинеи могли бы достаться ему, если бы не вмешался в это дело лейтенант.

— Но не до утра же он будет считать свои деньги? — вмешался Кобль.

— Это будет зависеть от того, сколько раз он их будет пересчитывать, — засмеялся Джемми. — А вот и его звонок! Капрал, вас требует лейтенант.

Капрал пошел к лейтенанту, а вся команда оставалась в напряженном состоянии, ожидая, что будет, когда обнаружится исчезновение собаки.

Войдя к командиру, ван Спиттер по обыкновению поднял руку к козырьку и вдруг понял, что Ванслиперкен, сидя на сундуке, гладит... Снарлейгоу. Капрал неожиданно для себя громко вскрикнул: «Майн Гот! — и как безумный выбежал вон из каюты. Не останавливаясь, он помчался на палубу, восклицая: «Собака! Собака!»

— Что там случилось? Что с вами, капрал? — спрашивали его со всех сторон.

Но прежде чем ван Спиттер успел ответить, Костлявый, которого также потребовал к себе командир, тоже выбежал на палубу растрепанный, с выпученными глазами, и, два переведя дух, проговорил:

— Она опять здесь!

— Кто она? — послышалось отовсюду.

— Собака! Снарлейгоу!

— Фюить!.. — засвистел Джемми.

Кроме него ни один человек не сказал ни слова, только все многозначительно переглядывались и качали головами.

— Она даже не мокрая, — заметил Костлявый.

В этот момент Ванслиперкен снова потребовал к себе капрала.

— Я не пойду, — отвечал тот.

— Идите, идите, — стал уговаривать его Костлявый.

— Опять звонок! Костлявого зовут!

— Сейчас иду, — отозвался Костлявый.

— Молодчина этот Костлявый, первый сорт парень, — заявил Билли Спюрей.

Спустя минуту Костлявый вернулся.

— Идите, капрал, — проговорил он. — Шкипер вне себя, спрашивает, почему вы не идете. Я сказал ему, что вы видели у него черта за спиной.

— Да, да, скажите, что это правда, — уговаривали другие.

Наконец ван Спиттер, собравшись с духом, решился пойти к Ванслиперкену. При виде собаки он побледнел, тогда как лейтенант при виде его побагровел от гнева.

— Что все это значит, капрал? — грозно крикнул он.

— Ах, мистер Ванслиперкен, я явился к вам за приказаниями, а не для того, чтобы находиться в обществе черта.

— Что такое? Что вы хотите этим сказать?

Капрал, заметив, что лейтенант перетрусил, стал подробно рассказывать, как перед этим черт сидел у него за спиной и одной рукой гладил его, Ванслиперкена, по щеке, а другой ласкал его собаку.

— Капрал ван Спиттер, скажите, вы это говорите серьезно? В своем ли вы уме? Вы в самом деле видели его? — спросил дрожащим голосом Ванслиперкен, который и сам был не чужд всяких суеверий.

— Так же, как сейчас вы видите меня перед собой.

— Это — ложь, капрал! Наглая ложь! — и Ванслиперкен схватил капрала за шиворот, тряся его с такою силой, какой от него трудно было ожидать. — Подлая ложь! Сознайтесь, что это — ложь! — кричал лейтенант, не отпуская капрала.

Но в этот момент Снарлейгоу счел себя вправе вмешаться и впервые накинулся на капрала, который, не помня себя от ужаса, вырвался из рук Ванслиперкена и кинулся наверх, преследуемый собакой.

Придя в себя и отдышавшись немного, капрал рассказал экипажу о том, что ему довелось испытать.

Все слушали его, качая головами. Никто не знал, как теперь быть. Только один Костлявый был неустрашим и

мог ясно изложить свои мысли. Все слушали его со вниманием и одобрением.

— Что касается меня, то я не боюсь ни его, ни его собаки! — воскликнул Костлявый. — С этой собакой я так или иначе расквитаюсь. Если я раз принялся за дело, так уже не отступлюсь. Вот послушайте, что мне пришло в голову. Допустим, что эта собака — не собака, а черт. Все же я не вижу причины бояться ее. Если она — черт, то она только водяной черт, а не береговой. Это я вам сейчас докажу. Разве не явилась она на судно среди моря в темную бурную ночь? А когда я завязал ее в мешок из-под сухарей и бросил в воду, разве она не вернулась как ни в чем не бывало? И разве, когда капрал швырнул ее за борт, она опять не явилась тут как тут? Из этого ясно, что она имеет власть на воде и что в воде ее не потопить, а потому и пытаться больше не стоит, так как это — водяной черт. Теперь я напомню вам другое: отправилась она на берег и ей выбили глаз. Из этого я заключаю, что на суше она никакой силы не имеет. Но если ей можно вышибить глаз, то можно и дух из нее вышибить, стоит только ударить посильнее. И как только я залучу эту скотину на берег — посмотрим, как она выкрутится.

Такова была убедительная речь Костлявого, и так как в ней вопрос был исчерпан до дна, то, немного погодя, все разошлись по своим койкам.

XXII. ОБИДЫ, ОГОРЧЕНИЯ И УТЕШЕНИЯ МИСТЕРА ВАНСЛИПЕРКЕНА

На следующий день, едва рассвело, капрал явился к лейтенанту, призывавшему его для того, чтобы передать Шорту приказание быть готовым к поднятию якоря.

Выслушав почтительно приказание, капрал сказал:

— Я полагаю, мистер, что вы приняли меня вчера за сумасшедшего, когда я сказал вам, что видел черта у вас за спиной. Но поверите ли, сэр, я сегодня ночью два раза видел его там, на палубе.

— Два раза видели его?

— Да, мистер, два раза. Я вижу его теперь довольно часто, после того, как чуть было не утонул тогда на шлюпке.

— Я так и думал, — сказал Ванслиперкен. «Потрясение той ночи в шлюпке не прошло для тебя даром, ста-

рый слуга!» — мысленно добавил он. — Ну, хорошо, я был очень раздражен вчера, думал, что вы позволили себе большую вольность, но теперь вижу, что дело обстоит иначе. Постарайтесь теперь не волноваться, и когда мы придем в Портсмут, советую вам выпустить немного крови.

— Сколько прикажете, мистер?

— Ну, восемь, девять унций... Думаю, что это вам будет полезно.

— Слушаюсь, мистер, — ответил капрал и, повернувшись на каблуках, вышел из каюты.

Такое решение вопроса было чрезвычайно приятно обоим. Ванслиперкен был успокоен объяснением капрала, а капрал — необыкновенно доволен тем, что так легко обманул своего начальника.

Когда куттер пришел в Портсмут, Ванслиперкен тотчас же поспешил съехать на берег и посетить прелестную вдовушку, но прежде он явился в адмиралтейство представить отчет о своем плавании. В адмиралтействе ему сообщили весьма неутешительную весть, что он опять должен немедленно готовиться к отплытию, так как на утро ожидались новые депеши английского короля Генеральным штатам.

Ванслиперкен, видя, что он имеет в своем распоряжении очень мало времени, поспешил к «вдове». Та приняла его с распростертыми объятиями. Когда же он вручил ей привезенный им из Амстердама пакет, то еще больше обрадовалась и вскрыла его тут же. В нем оказались два письма — одно лично ей, а другое на чье-то имя.

— Письмо это очень смешное, — сказала она, — но доверить его никому нельзя. Не возьметесь ли вы, друг мой, отнести его по адресу и собственноручно передать тому лицу, кому оно адресовано? Я бы сделала это сама, но тогда бы явно запоздала с обедом. Ведь вы сегодня отобедаете со мной, мой дорогой друг? Кроме того, я желала бы, чтобы вы познакомились с этим человеком, — добавила Нанси. — Он нам может быть очень полезен.

«Нам, полезен нам»! Эти слова привели Ванслиперкена в восторг. Он вскочил, схватил шляпу и готов был бежать в ту же минуту. «Вдова» стала его уговаривать вернуться скорее и ласково проводила до дверей.

Ванслиперкен разыскал дом, указанный на конверте, постучался, и ему отворил старый еврей, который ввел его в небольшую комнату и притворил за собой дверь.

— Вы господин Лазарус? Я имею к вам письмо из Амстердама!

— Шш! Тише!.. — сказал еврей, беря из рук лейтенанта письмо и кладя его в ящик стола. — Это от моего приятеля. Ну, как он поживает? Здоров? Когда же вы отправитесь обратно, мистер..?

— Ванслиперкен. Завтра утром!

— Прекрасно! Мои письма уже готовы, вы их сейчас возьмете?

— Да, — сказал Ванслиперкен, предвидя новое вознаграждение по прибытии в Амстердам.

— Да уже, кстати, я дам вам и немного денег.

«Еще денег!» — охнул про себя Ванслиперкен, совсем не ожидавший этого.

Еврей вышел и через минуту вернулся со свертком червонцев и тщательно завернутым пакетом.

— Этот пакет чрезвычайной важности, мистер, — заявил старик. — А вот и ваши деньги. Будьте добры, подпишите здесь ваше имя, я должен отдавать отчет в каждой копейке, — и он положил перед ним расписку в получении пятидесяти гиней без упоминания, за что именно они выплачены.

Ванслиперкен неохотно подписывался вообще, но как было отказаться? Тем не менее он попытался возражать.

— Почему однако вы не хотите подписаться? Ведь мои деньги пропадут, если у меня не будет этой расписки, — говорил еврей. — Вы не бойтесь, мы вас не выдадим. А если нас повесят, то всех вместе.

Это казалось плохим утешением для Ванслиперкена, который был согласен получать деньги, но вовсе не желал быть повешенным.

— Ведь вы получили приличное вознаграждение и здесь и там, — продолжал еврей. — Теперь вы — один из наших и не можете уйти от нас, так как это будет стоить вам жизни. Подпишите же, сделайте милость. Все равно вы не выйдете из этого дома, пока не подпишете расписки. Не так же мы глупы, чтобы давать вам наши деньги и затем предоставить возможность донести на нас и подвести всех под виселицу.

Старый тощий еврей сам по себе, конечно, не мог бы ничего поделать с лейтенантом и помешать ему уйти из комнаты, но он позвонил, и в коридоре послышались тяжелые шаги нескольких человек. Ванслиперкен, видя, что в случае его дальнейшего сопротивления старик не

остановится перед наспиом, поспешил подписаться и уйти, обещав зайти по возвращении из Амстердама.

Все это было крайне неприятно Ванслиперкену. Он чувствовал себя словно в тенетах, но, нащупав в кармане тяжелый сверток червонцев, утешился, а оказавшись снова в присутствии прелестной «вдовушки» — окончательно повеселел. Во время дружественной послеобеденной беседы он вскользь упомянул о том, как ему было неприятно давать свою подпись, на что Нанси отвечала:

— Но ведь это необходимо во всяком деле. Да и почему же не подписать? Ведь вы — наш.

За обедом, обласканный «вдовою», лейтенант много ел и пил, а улучив удобную минуту, страстно признался ей в любви и попросил руки.

«Вдова» конфузилась, подносила платок к глазам. Наконец было решено не откладывать свадьбы и сыграть ее во время его ближайшего приезда.

Опьяненный вином и надеждами, Ванслиперкен вернулся на куттер, нимало не подозревая того, что в его отсутствие там творилось. Не смотря на запрещение лейтенанта, Могги Салисбюри явилась на судно, как только командир съехал на берег, и кинулась в объятия своего дорогого Джемми.

Едва ступив на палубу судна, Ванслиперкен заметил на баке женскую юбку и сердито спросил, что там за женщина. Гнев его усилился, когда он узнал, что это жена Салисбюри. Он потребовал к себе капрала и приказал немедленно высадить женщину на берег. На вопрос Ванслиперкена, каким образом Могги очутилась на судне, ван Спиттер отвечал, что ей разрешил мистер Шорт и что вообще настроение умов очень беспокойное, и ему удалось подслушать, как некоторые грозили большой бедой командиру.

Разговор Ванслиперкена с капралом был прерван прибытием посланного от адмирала, командира порта, с приказанием немедленно сняться с якоря, идти в Амстердам и потом, не дожидаясь ответных депеш, снова вернуться в Портсмут.

Могги была отправлена на берег, но она уже успела переговорить с мужем об интересовавшем ее деле. Нанси нашла в Могги прекрасную помощницу себе и отчасти заместительницу, но Могги не соглашалась вступить в общину контрабандистов, если и ее муж не будет принят туда же.

Сэр Джордж Барклай дал Нанси благоприятный ответ, сказав, что ему очень может пригодиться хороший рулевой и он готов принять Джеймса Салисбюри в общину контрабандистов. Могги поспешила обо всем сообщить своему мужу и стала уговаривать его дезертировать, но Джемми весьма основательно возразил ей, что если он поступит так, как она того желает, то ему никуда нельзя будет показаться, его всякий узнает, и тогда ему грозит виселица. Джемми в принципе ничего не имел против вольной профессии контрабандиста, но хотел дослужить свой срок или получить через друзей Могги указ об откреплении его от экипажа куттера. На этом супруги и порешили, а на следующее утро на рассвете куттер «Юнгфрау» снялся с якоря.

XXIII. ДЛЯ МИСТЕРА ВАНСЛИПЕРКЕНА НАСТУПАЮТ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Едва только «Юнгфрау» ушла из гавани, как Могги поспешила к Нанси и передала ей ответ своего супруга. Нанси нашла его доводы вполне разумными и обещала исхлопотать ему отставку.

Действительно, спустя несколько дней приказ об отчислении Джеймса Салисбюри с куттера «Юнгфрау» был уже в руках Нанси, которая и передала его Могги.

Мистер Ванслиперкен прибыл в Зюдерзее и бросил якорь в гавани Амстердама, а час спустя отправился на берег. Но в тот момент, когда он садился в шлюпку, весь экипаж, с Джемми во главе, обступил его, и матросы заявили, что желают знать, могут ли они воспользоваться отпуском на берег, на что Ванслиперкен ответил, что отправит их ко всем чертям, а не в отпуск. Затем он сел в шлюпку и отплыл. Прямо с пристани лейтенант отправился к иезуиту.

На этот раз он не видел ни вдовы Вандерслуш, ни Бабетты и полагал, что и они его не видели. Вручив иезуиту пакет и получив определенное вознаграждение, Ванслиперкен спросил, нельзя ли будет доставлять письма прямо на судно, так как ему лично заходить каждый раз за ними не совсем удобно. Иезуит согласился, и Ванслиперкен откланялся. Выходя от французского агента, он все-таки опять увидел громоздкую фигуру вдовы и Бабетту, но сделал вид, что не узнал их, и поспешил обратно на судно.

— Ах, вот как, господин Ванслиперкен! Посмотрим, посмотрим, что из этого выйдет... Вы уже три раза приходите сюда и каждый раз уходите с пятьюдесятью гинеями в кармане. Хорошо! Измена оплачивается высокой ценой, но изменника вешают еще выше. Ха-ха-ха! Я положительно не понимаю, как может мой бедный капрал служить под начальством такого изменника и негодяя, — негодуя, проговорила вдова.

Вернувшись на судно, лейтенант поспешно прошел в свою каюту и, закрыв дверь на ключ, начал считать только что полученные деньги. Капрал ван Спиттер, подслушивавший по привычке у дверей, слышал звон монет, и в душе его закипали злоба и зависть. Подождав немного, он постучался и, получив разрешение войти, попросился на берег.

— На берег? Как? Вы раньше, капрал, никогда не просились на берег!

— Я хочу расплатиться с людьми, у которых я ел и пил и жил, когда был в последний раз на берегу.

— Ах, да, я и забыл об этом. В таком случае поезжайте. Только поторопитесь обратно: весь экипаж очень беспокойно настроен. Я не могу обойтись без вас.

Капрал поспешил на берег, где был принят в распростертые объятия вдовы Вандерслуш.

Возвратившись обратно на судно, капрал ван Спиттер в восторженных выражениях рассказал Ванслиперкену, что познакомился с Бабеттой и что она будто бы сказала ему, что ее госпожа очень тронута его последним письмом и удивляется, почему мистер Ванслиперкен не заходит к ней. Капрал добавил, что будто бы он, ван Спиттер, сказал, что лейтенант убил свою собаку.

— Напрасно вы, капрал, это сказали! — воскликнул сердито Ванслиперкен. — И если вы еще раз будете на берегу, скажите, что лейтенант Ванслиперкен плевать хочет на такую старую бабу, что пусть она прельщает своей противной рожей кого другого, а мне не хочется дотрагиваться до нее даже щипцами. Запомнили это, капрал?

— Да, запомнил! — сгорая от ярости, ответил капрал. — Да, мистер, я хорошо запомнил, — добавил он многозначительно, оскорбленный в лице своей невесты.

Когда стемнело, на куттер явился какой-то человек, пожелавший видеть командира и, войдя в каюту, молча положил на стол письма, вышел и, не сказав ни слова, отплыл в шлюпке на берег.

С рассветом куттер «Юнгфрау» снялся с якоря и с попутным ветром пошел в Портсмут.

С сильно бьющимся сердцем сел Ванслиперкен в шлюпку, одетый с иголочки, помня обещание прекрасной вдовушки и сгорая от нетерпения поскорее обнять ее.

Заглянув в адмиралтейство к своему начальству, он почти бегом направился на Кэстль-стрит, но здесь ему отворила дверь старая незнакомая дама и на его вопрос о вдове отвечала, что молодая дама, жившая в этом доме, выехала вчера с каким-то господином. Осведомившись затем, не он ли командир королевского куттера, женщина достала из кармана под фартуком письмо и вручила его лейтенанту.

Ванслиперкен выхватил из рук старухи письмо, вбежал в первую комнату и, присев к столу, принялся читать. В скорбных, душу раздирающих выражениях, пересыпая каждую фразу словами «мой ненаглядный», «мой незабвенный», «мой вечно любимый и дорогой», «вдовушка» сообщала, что она в отчаянии и решила покончить счеты с жизнью, так как муж ее, которого она считала умершим, вдруг возвратился и хочет увезти ее с собой, поэтому она прощается с ним, то есть с лейтенантом, навеки.

Прочтя это письмо, Ванслиперкен почти без чувств упал на спинку стула. Несколько придя в себя, он схватился обеими руками за голову и долго сидел неподвижно, как окаменелый, затем встал и молча вышел.

Вернувшись на судно, он нашел у себя предписание начальства немедленно отчислить с корабля Джеймса Салисбюри. Это еще более усилило в нем ненависть к этому человеку, и он решил, не объявляя об этом распоряжении, прежде подвергнуть Джемми Декса строжайшему наказанию за прежние и будущие его дерзкие выходки. Но его предупредила Могги, уже успевшая побывать на куттере и вручить мужу копию бумаги, полученной ею из адмиралтейства. Ванслиперкен призвал на совет капрала, который сказал ему, что Джемми уже известно об отчислении. Гнев Ванслиперкена не знал пределов: он выбежал на палубу и приказал свистать всех наверх. Капрал успел вовремя предупредить Джемми, и тот не стал вызывать команду, когда ему было приказано.

— Где этот негодяй, Джеймс Салисбюри? — нетерпеливо закричал Ванслиперкен.

— Здесь Джеймс Салисбюри.

— Нанять людей наверх для наказания!

— Я не числюсь на этом судне, — заявил Джемми, поравнявшись спиной к Ванслиперкену.

— Капрал ван Спиттер! Где ван Спиттер?

— Здесь, сэр, — отозвался капрал с напускным усердием.

— Привести сюда этого Салисбюри! Как он смеет уйти?

— Слушаю, сэр, — и капрал направился на бак.

Но команда решила не допустить наказания. Салисбюри уже не числился на куттере, и, хотя все знали, что капрал теперь стоит на их стороне, все-таки обступили Джемми, решив не выдавать его. Капрал вернулся доложить, что его не допустили к Салисбюри. Вдруг из-за борта послышался громкий женский крик:

— Что? Пороть моего Джемми? Вот что я говорю вам, лейтенант: не попадайтесь вы мне на берегу!

В этот момент лодка ее причалила к судну, и Могги в одну минуту очутилась на палубе, нос к носу с Ванслиперкеном.

— Я у вас требую своего мужа, лейтенант! Слышите?

— Капрал ван Спиттер, выгоните эту женщину отсюда! — рявкнул Ванслиперкен.

— Выгнать меня? Жену, которая именем королевского указа требует своего мужа! Ах, вы...

— Позовите солдат, капрал!

— Я звал их, мистер Ванслиперкен, но они все заодно с экипажем, — отвечал капрал, стоя навытяжку и держа руку под козырек. — Вы да я — нас осталось только двое.

Ванслиперкен пришел в настоящее бешенство — все в нем клокотало, в глазах вертелись красные и зеленые круги. А в это время Снарлейгоу, взобравшись на край мостика, с любопытством смотрел туда, где находилась лодка, в которой приехала жена Джемми.

В одно мгновение Могги подбежала к собаке и сбросила ее через борт в лодку, сама сбежала туда же и приказала гребцу отчалить. Держа животное за шиворот, Могги крикнула:

— Ну, теперь собака в моих руках, и если я захочу — приготовлю из нее сосиски! Если вы сейчас не отпустите моего Джемми и не выдадите ему все его документы и квитанции на получение жалованья, то поминайте, как звали вашу собаку!

— Спустите шлюпку, людей не щадя! — закричал Ванслиперкен.

Но никто не пошевелился.

Могги между тем выхватила у гроба висевший на поясе нож и, потрясая им в воздухе, закричала:

— Смотрите! Видите это, лейтенант? Одна минута, — и я прирежу этого паршивого пса! Говорите вам, — отпускайте сейчас же моего Джемми!

— Отпусти! Отпусти! Не убивай, добрая женщина, моей собаки! Не тронь ее, и я сейчас отпущу твоего мужа! — завопил лейтенант, видя, что Могги не шутит.

— Со всеми документами и квитанциями?

— Да, да! Сейчас! Только не троньте моей собаки!

— Ну так живее, я долго ждать не буду, у меня руки так и чешутся.

— Сейчас! Сейчас... — и Ванслиперкен приказал спустить шлюпку, чтобы отправить Салисбюри со всем его имуществом, а сам спустился вниз — подписать бумаги и квитанции. Он страшно спешил, опасаясь, как бы Могги не исполнила своей угрозы, пока он находился в каюте.

Сойдя на берег, Могги и Джемми направились к Нанси Корблитт, которая переменила квартиру и старалась не попадаться на глаза Ванслиперкену. Нанси была дома и поджидала их. Все трое разом приступили к делу. Они отправились к еврею Лазарусу, и там Могги и ее муж подписали присягу королю Якову II и дому Стюартов, после чего оба были занесены в списки контрабандистов: муж приписан к экипажу шлюпки, а жена зачислена в число обитательниц пещеры на острове.

Вслед за тем Нанси и ее новые друзья отправились к пристани, чтобы на лодке старого рыбака переправиться на остров.

XXIV. ЛЕЙТЕНАНТ ВАНСЛИПЕРКЕН ДОКАЗЫВАЕТ СВОЕ НЕПРЕОДОЛИМОЕ ОТВРАЩЕНИЕ К СТАЛИ

Все события этого дня до того расстроили Ванслиперкена, что он забыл даже о письмах к Лазарусу. В порыве бессильного бешенства и горькой обиды он кинулся на постель одетым и почти сразу заснул тяжелым, томительным сном.

Проснувшись поутру и поразмыслив о почти открытом бунте экипажа и солдат, Ванслиперкен почему-то при-

писал все это козням Костлявого и почувствовал к нему такую ненависть, что был способен задушить его собственными руками.

Призвав капрала, он стал советоваться, что бы сделать с Костлявым.

— Я его в куски изрублю! Если вода не может повредить ему, так я посмотрю, что может сделать пистолет. Можете идти, капрал, вы мне больше не нужны.

Ванслиперкен положительно был вне себя от бешенства, но не знал, что предпринять. Вдруг он вспомнил, что не доставил еще писем, порученных ему французским агентом. Поспешно одевшись, он приказал подать шлюпку и поспешил к дому Лазаруса.

Здесь он застал молодого человека в форме кавалерийского офицера. Этот молодой человек сидел в небрежной, свободной позе и при входе лейтенанта даже не привстал. Лазарус при нем тоже не садился, и Ванслиперкену не предложили стула.

— Вы офицер, командующий куттером «Юнгфрау»? — спросил молодой человек тоном высокомерного презрения.

— Да, — ответил Ванслиперкен не особенно вежливым тоном.

— Вы пришли в Портсмут вчера утром. Почему же, сэр, эти письма не были доставлены нам немедленно?

— Потому что у меня не было времени.

— Не было времени? Что вы хотите этим сказать, сэр? Все ваше время должно принадлежать нам. Вам за это платят. За каждый шиллинг, который вы получаете от правительства, мы вам платим фунты. Пусть этого больше не случается, сэр!

Ванслиперкен был на этот раз не в добродушном настроении и потому ответил резко и гневно:

— Можете искать другого человека для ваших поручений, а я в последний раз исполняю их. Уплатите мне, что следует, и затем прощайте!

— Вот как?! Нет, сэр, ошибаетесь! Вы будете исполнять их до тех пор, пока мы этого потребуем. Ведь вы — в нашей власти. Вы обманываете правительство, которому служите, и мы во всякое время можем погубить вас. Вы должны или служить нам, или умереть. Другого выбора у вас нет. А чтобы наказать вас за небрежное отношение к нашему делу, я на этот раз не заплачу вам за доставку этих писем. Вы можете их оставить и отправ-

литься, но не забудьте вовремя уведомить нас, когда будете уходить в Амстердам.

Такая бесцеремонность уже совершенно возмутила Ванслиперкена.

— Нет денег, нет и писем, — заявил он и, схватив письма со стола, направился к двери.

— Безумец! — с усмешкой крикнул ему вслед молодой человек, не трогаясь с места. Ванслиперкен распахнул дверь, но ему преградили путь три направленных на него шпаги. Он невольно отпрянул назад.

— Ну, что? Оставите вы теперь эти письма? — спросил кавалерист.

Ванслиперкен швырнул письма на стол и стоял, скрестив руки, бледный как полотно.

— Теперь я должен вам сказать, сэр, что мы делаем громадное различие между людьми, которые преданы нашему делу, и людьми продажными, которых нам приходится покупать за деньги. Первых мы уважаем, а последних презираем, хотя и пользуемся их услугами. Мы можем передать вас во всякое время в руки вашего же правительства, нимало не рискуя при этом сами, так как имеем много приверженцев, занимающих высшие государственные должности. Примите это к сведению, сэр.

Ванслиперкен выслушал это заявление с ужасом и удивлением. Его трусливый характер подсказывал ему, что он безвозвратно погиб и другого выхода нет, как обещать полное и беспрекословное повиновение.

— А теперь потрудитесь подписать присягу на верность королю Якову Второму и его законным наследникам. Без этого вы не выйдете отсюда! — приказал кавалерист.

Ванслиперкен, не произнеся ни слова, дрожащей рукой подписал требуемую присягу.

— Теперь можете идти, сэр! Делайте ваше дело добросовестно, и вы будете добросовестно же вознаграждены за свои труды.

XXV. ПЕРЕД УБИЙЦЕЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ УБИТЫЙ

Партия якобитов * была в большой силе и употребляла все свои связи, чтобы подготовить вторжение в Англию.

---

* Якобитами назывались сторонники короля Якова.

Она насчитывала очень много сторонников среди высших чинов государства и в правительственных сферах, но проделывала свои махинации тайно. Теперь же якобиты считали, что настало время действовать смело и открыто. Было решено послать кого-нибудь из доверенных лиц в Амстердам. Это лицо должно было войти в сношения с Генеральными штатами, и так как там государственные тайны были тайною многих, то при умении можно было добиться того, чтобы эти тайны перестали быть тайной. Выбор якобитской партии пал на молодого Рамзая, зятя сэра Роберта Барклая, брата леди Алисы.

Ловкий, хладнокровный, наблюдательный, Рамзай был снабжен надлежащими рекомендательными письмами к представителям Генеральных штатов, в которых о нем говорилось, как о самом яром приверженце короля Вильяма, и потому он мог рассчитывать на успех своей миссии.

Рамзай решил отправиться в Амстердам на судне лейтенанта Ванслиперкена. Для него было особенно выгодно прибыть в Амстердам на королевском судне.

Между тем Ванслиперкен, запершись в своей каюте, чувствовал непреодолимую потребность выместить на ком-нибудь душившую его злобу. Наиболее подходящей для этой цели личностью после отъезда Джемми Салисбюри был, конечно, Костлявый. На него и обрушились теперь вся ненависть и злоба Ванслиперкена.

Лейтенант призвал к себе капрала и приказал принести пистолет и заряды. Затем он отпустил капрала, не дав никаких разъяснений относительно того, на что ему понадобились эти предметы. Но у капрала мелькнуло соображение, что Ванслиперкен припасает все это для Костлявого, и он на всякий случай сообщил свою догадку юноше, дав ему при этом добрый совет: если лейтенант будет стрелять в него, притвориться убитым, а затем напугать убийцу, явившись к нему после того живым и невредимым.

Между тем Ванслиперкен, оставшись один, зарядил пистолет и спрятал его под свое одеяло. Затем он потребовал к себе Костлявого, которому приказал собрать в узел кое-что из теплого платья, подушку, запасное одеяло и быть готовым, когда стемнеет, отправиться с ним на берег, чтобы провести несколько часов на прогулке где-нибудь в окрестностях города.

— Слушаю, сэр, — сказал Костлявый. — А к ночи я вернусь на судно?

— Ну, конечно, — отозвался Ванслиперкен.

Когда стемнело, он приказал подать шлюпку и, захватив заряженный пистолет, прыгнул в нее вслед за Костлявым, тащившим узел.

Высадившись на берег, Ванслиперкен зашагал крупными шагами вперед и шел так быстро, что Костлявый, нагруженный узлом, с трудом поспевал за ним. Малопомалу бедняга стал отставать.

— Потарапливайся и не отставай от меня! — прикрикнул на него Ванслиперкен, еще более ускоряя шаг.

Вскоре они уже миновали и укрепления, и крепостной вал, и даже жилые строения предместья и шли по безлюдной сельской местности, где только изредка попадались небольшие фермы или одинокие хижины. Наконец они подошли к довольно высокой каменной стене большого загона — месту, которое показалось подходящим для замысла Ванслиперкена. Костлявый далеко отстал от него, и под покровом тумана и наступившей темноты его на этом расстоянии вовсе не было видно. Рассудив, что и Костлявый не может его видеть, лейтенант спрятался за углом стены и, когда Костлявый поравнялся с ним, дал ему пройти мимо себя и отойти шагов на десять, а затем, выхватив свой пистолет, навел его прямо на голову ненавистного слуги и спустил курок.

Раздался выстрел. Костлявый громко вскрикнул и, упав лицом вниз, остался недвижим.

Ванслиперкен бросился бежать. Он бежал до тех пор, пока совершенно не запыхался и не упал от изнеможения. Пистолет был еще у него в руке. При падении он нанес себе курком рану в висок и потерял сознание.

Очнувшись, слабый и окровавленный, он поплелся к пристани, где его ожидала шлюпка. Тут лейтенант вспомнил, что ему надо объяснить отсутствие Костлявого. Прибыв на судно, он, не дожидаясь расспросов, объяснил, что на него напали бандиты, и он, отбиваясь, кажется, убил одного из них и не знает, что сталось с Костлявым, но слышал, как тот кричал, попав в их руки, так как, видимо, не успел убежать. Капрал, который по требованию лейтенанта явился перевязать его рану и выслушал все это, положительно недоумевал, что же на самом деле могло случиться. Не мог же Ванслиперкен ради правдоподобности своего вымысла умышленно так сильно себя ранить?! С другой стороны, что же сталось в самом деле с Костлявым?

Какое счастье, что я вздумал сделать свою шестолет на эту прогулку, — заметил Ванслиперкен .А то бы и я, наверное, был убит.

— Да, мистер, — поддакнул капрал, а сам при этом подумал: «Необходимо срочно разузнать, что там было его. Проснувшись перед рассветом, он увидел, что свеча догорела. Лейтенант не выносил мрака и позвонил, чтобы принесли огня. Вот вдали замигал огонек, — кто-то нес ему зажженную свечку. Он открыл глаза, ожидая увидеть капрала, и вдруг... обнаружил перед собой со свечкой в руках тощую фигуру Костлявого, бледного как смерть, который укоризненно смотрел на него, не говоря ни слова.

— Ой! — вскрикнул Ванслиперкен и закрыл лицо простыней...

XXVI. МИСТЕР ВАНСЛИПЕРКЕН УЧИТСЯ НОВОМУ ИСКУССТВУ

Заподозрив Ванслиперкена в намерении сделать что-то недоброе, капрал, пользуясь случаем, когда лейтенант был наверху, вынул пулю из его пистолета. Костлявый в свою очередь в точности последовал совету капрала, и обман вполне удался.

Поутру капрал явился наведаться о здоровье своего начальника и доложил, что Костлявый вернулся цел и невредим. Это очень порадовало лейтенанта, так как теперь он знал, что к нему приходил почью не «дух» Костлявого, а сам Костлявый, но вместе с тем при известии о том, что ненавистный слуга жив, в нем с новой силой проснулось желание покончить с ним.

Вследствие сильного возбуждения, а отчасти благодаря своей ране Ванслиперкен прохворал четыре дня и не мог встать с постели. По прошествии этого времени он получил приказание сняться с якоря и идти возможно скорее в Амстердам с секретными депешами короля Вильяма. Вспомнив прежде всего о своих новых обязанностях по отношению к якобитам, Ванслиперкен, хотя и чувствовал себя чрезвычайно слабым, но зашел к старику еврею, где опять застал Рамзая.

Лейтенант сдержанно сообщил ему о приказании адмиралтейства.

— Готовьтесь выйти в море сегодня около полуночи, я

приеду на судно за четверть часа до этого времени. А теперь можете идти, сэр! — приказал Рамзай.

Ванслиперкен сказал, что все будет сделано, но с этой минуты стал думать только о том, как бы отомстить этому человеку, которому он принужден был повиноваться.

— У нас какие-то новые порядки пошли, Шорт, — говорил между тем Кобль. — Вы слышали, что мы снимаемся с якоря в полночь?

— Да, — отозвался Шорт.

— Тут кроется что-то неладное. Совершенно не принято на военных судах уходить из порта ночью: вряд ли это по приказу командира порта. А о Костлявом слышал, Шорт?

Шорт, облокотившись на перила мостика, тихонько посвистывал. Видя, что не добьется от него ничего, Кобль повернулся и пошел спать.

За несколько минут до полуночи к куттеру подошла лодка, и на судно взошел Рамзай; за ним человек нес легкий багаж. Ванслиперкен встретил его наверху и тотчас же проводил в свою каюту. Несмотря на конец марта, погода стояла холодная, и в каюте топилась печь. Сняв плащ, Рамзай положил на стол два заряженных пистолета и стал греться.

Час спустя куттер благополучно вышел в открытое море, Ванслиперкен вернулся в свою каюту.

— Теперь, сэр, я прошу вас дать мне ваши секретные депеши, — сказал Рамзай.

— Секретные депеши, сэр? Да разве это возможно?

— Прошу не рассуждать! Давайте их сейчас же! Не бойтесь — ни вам, ни мне не грозит от этого ни малейшей опасности, никто об этом не узнает, а вы...

— А я? — угрюмо переспросил Ванслиперкен.

— А вы получите за мой переезд и за эти депеши сто гиней!

Ванслиперкен достал королевские секретные депеши из ящика своего стола и передал их Рамзаю.

Тот внимательно рассмотрел печати, затем искусно снял их и принялся читать содержимое депеш, делая заметки в своей записной книжке. Покончив с этим делом, он вынул из своей дорожной сумки точно такие же поддельные печати и снова запечатал ими депеши. Во все это время Ванслиперкен молча сидел в стороне, наблюдая за своим собеседником.

— Вот ваши депеши, они мне больше не нужны. Как видите, вы ничуть не скомпрометированы.

— Да, действительно, — сказал несколько повеселевший Ванслиперкен. — Вы даже навели меня на одну мысль.

— Я вам скажу на какую: вы подумали, что если бы я вам оставил эти печати, то вы могли бы каждый раз проделывать эту штуку при условии, конечно, что вам за это будут хорошо платить. Не так ли?

— Да, действительно, я об этом думал!

— Перед тем как покинуть судно, я устрою все это, а теперь желаю лечь спать. Можете вы мне указать свободную постель?

— Здесь, сэр, только моя постель, — сказал лейтенант. — Но я готов предложить вам ее.

— Прекрасно, — сказал Рамзай, кладя свой пистолет под подушку и ложась спать. — А теперь попрошу вас выгнать отсюда этого пса — от него такой неприятный запах!

Такое бесцеремонное обращение не понравилось лейтенанту, но, сознавая, что ему сейчас ничего не изменить, он покорился, успокоив себя тем, что хотя все это очень неприятно, но зато прекрасно оплачивается.

На следующий день поутру явился с докладом капрал. Ванслиперкен к этому времени пришел к заключению, что раз портсмутская вдовушка для него безвозвратно потеряна, то недурно бы продолжить свои ухаживания за вдовой Вандерслуш, поэтому он начал объяснять капралу, что в прошлый раз был ужасно расстроен и наговорил того, чего вовсе не думал и что теперь он просит его не передавать вдове его резких слов, так как намерен посетить ее. Капрал стал распространяться о прелестях Бабетты. Ванслиперкен, поняв его намек, объявил, что он вместе с капралом хочет отправиться на берег.

На третьи сутки куттер прибыл к месту своего назначения.

Едва только «Юнгфрау» бросила якорь, как Рамзай приказал собрать свои вещи и приготовить шлюпку. Ванслиперкен проводил его на берег, и здесь они расстались, причем Рамзай заявил, что желает видеть лейтенанта завтра у себя, и сообщил ему свой адрес.

Ванслиперкен сдал в адмиралтейство свои депеши, а сам поспешил к вдове Вандерслуш, которая приняла его сдержанно, но любезно.

XXVII. В ДОМЕ СИНДИКА ВАН КРАУЗЕ

Расставшись с Ванслипоркеном, Рамзай направился прямо на Золотую улицу, где находился дом синдика* города, и постучал в красивую резную дверь, окрашенную в тусклый голубой цвет.

Мистер ван Краузе был низенький толстенький человек с круглым румяным лицом и круглыми же очками на носу.

— Вы желали видеть меня, мингер**? С кем имею удовольствие говорить? — начал он.

Рамзай, назвав себя, вручил ему свои рекомендательные письма.

Ван Краузе прочел одно, аккуратно сложил его, сделал на нем пометку, когда и от кого получено, затем отвесил своему гостю низкий поклон. Потом проделал по очереди ту же процедуру со всеми письмами и каждый раз отвешивал поклоны. Закончив чтение, он повернулся к гостю. Лицо его выражало глубокое почтение.

— Из этих писем я узнал, что вы — ярый противник якобитов и верный слуга короля Вильяма, а потому я буду счастлив, если вы то время, какое думаете пробыть в Амстердаме, будете моим гостем. А могу ли я узнать, как вы прибыли сюда?

— На королевском куттере, мингер.

Эта подробность еще более убедила синдика, что его гость доверенное лицо короля Вильяма, как ему о том писали.

Затем, извинившись перед гостем, он попросил его развлечься книгами, посетить картинную галерею и устраиваться удобно в тех комнатах, которые отведены для него и куда его проводит слуга.

Старик-слуга, указавший Рамзаю его аппартаменты, был болтлив, как многие старики. Он сообщил молодому человеку, что ван Краузе вдов и имеет всего одну только дочь, совсем уже взрослую барышню. Уходя, слуга предупредил, что скоро будет подан обед.

Переодевшись, Рамзай вышел в залу, которая оказалась совершенно пуста и стал рассматривать картины и ценную бронзу, украшавшие ее. На подзеркальнике стоя-

---

* Синдиками назывались должностные лица, ведающие судебными делами.

** Мингéр — мой господин. Форма обращения ирландцев.

ке старинной работы очень интересные часы, и Рамзай, разглядывая их, увидел в зеркале отражение привлекательного молодого лица. Девушка отворила дверь и, увидя постороннего незнакомого человека, с минуту оставалась неподвижной, затем отступила назад и тихонько притворила за собой дверь. Рамзай никак не ожидал, что у ван Краузе может быть такая высокая, стройная и симпатичная дочь. Между тем дверь снова отворилась, и в комнату вошел сам синдик.

— Я крайне сожалею, что принужден был столько времени оставить вас одного, мингер Рамзай, — сказал он, — но мое личное время всегда ограничено, и я не могу вносить в свой распорядок никаких изменений. Обещаю только позаботиться о том, чтобы вы не особенно скучали у нас. Соберу своих друзей и сослуживцев. Среди них вы найдете людей более молодых, чем я, и потому вам более интересных. А теперь позвольте вас еще порасспросить... Вы говорите, что прибыли на королевском куттере. Не знаете ли, не привез ли этот куттер депеш от короля к Генеральным штатам?

— Да, привез, и немаловажные... Но так как мы оба, надеюсь, люди всей душой стоящие за правое дело, то полагаю, что я не вправе скрывать от вас то, что мне известно, но неизвестно еще другим. Думаю, что вы сохраните все в тайне.

— Вы правы, молодой человек, — сияя улыбкой, скромно отвечал синдик.

Однако в этом отношении Рамзай, также как и почтенный синдик, несколько ошибался: всем, наоборот, было известно, насколько последний нескромен, и потому от него старались скрывать все, что было тайного или секретного, так как ван Краузе никогда не забывал сообщить все это по секрету всем своим многочисленным друзьям.

Рамзай, прочитавший все тайные королевские депеши, конечно, мог о многом сообщить ван Краузе.

— Однако, — спохватился он вовремя, — в такого рода делах необходима большая осторожность, и потому, быть может, будет лучше, если мы отложим этот разговор до более удобного времени.

— Да, да, мы побеседуем с вами после ужина, а пока сообщите мне вкратце, что у вас там творится.

Рамзай подошел к нему и сказал несколько слов на ухо.

— Неужели?! — воскликнул восхищенный ван Кра-

узе. — Ай-ай-ай... Но нас ожидает обед. Пойдемте, я вас познакомлю с моей дочерью.

— Вильгельмина, — сказал синдик, входя в столовую, где девушка уже стояла у стола, — вот наш молодой друг. Постарайся, чтобы он не скучал. Ты знаешь, как я занят и как мало времени могу уделить нашему гостю.

Девушка молча кивнула головой. За обедом она говорила немного и больше приглядывалась к молодому человеку, но когда все прошли в маленькую гостиную, куда был подан кофе, и сам синдик, выпив свою чашку, извинился перед гостем и поспешил к своим делам, Вильгельмина, считая своим долгом занять друга отца, стала более разговорчива.

Время прошло для молодых людей так незаметно, что они были сами крайне удивлены, когда их позвали ужинать. За эти несколько часов сдержанный Рамзай не только успел совершенно очаровать Вильгельмину ван Краузе, но и приобрести над ее мыслями большое влияние.

После ужина Вильгельмина ушла к себе, оставив Рамзая в обществе старого синдика. Рамзай частично сообщил ему содержание королевских депеш, из чего синдик заключил, что его гость должен быть, несомненно, очень доверенным лицом при английском дворе. Когда же разговор коснулся замыслов якобитов, то Рамзай из осторожности не преминул сообщить самые ложные сведения и ввести ван Краузе в полное заблуждение относительно их намерений и планов.

На другой день синдик лично посетил многих из своих друзей, сообщив им под секретом содержание депеш. Одновременно с этими новостями он сообщил и о том, что слышал о намерениях якобитов, и таким образом способствовал распространению совершенно ложных слухов о замыслах Сен-Жерменского двора, а затем слухи эти, как добытые «из самых достоверных источников», были сообщены в Англию.

На второй день после прихода куттера в Амстердам Ванслиперкен явился в дом синдика, чтобы повидаться с Рамзаем. Тот уплатил ему сто гиней за свой переезд и за вскрытие депеш и поручил проделывать со всеми доверяемыми лейтенанту депешами то же самое, заявив, что тот каждый раз будет получать за это по пятьдесят гиней.

XXVIII. СНАРЛЕЙГОУ ВНОВЬ ТОРЖЕСТВУЕТ НАД ВРАГАМИ

Куттер «Юнгфрау» простоял около двух недель в Амстердаме и затем вернулся с депешами от Генеральных штатов, а также и с письмами от Рамзая в Портсмут. Тотчас по прибытии лейтенант Ванслиперкен явился в адмиралтейство, сдал казенные депеши, а затем понес якобитскую корреспонденцию в дом Лазаруса, где получил свое обычное вознаграждение в пятьдесят гиней.

Во время отсутствия лейтенанта на баке состоялся заговор против Снарлейгоу.

— Если вода не принимает ее, — сказал Костлявый, — самая естественная для собаки смерть — это быть повешенной.

— Да, — сказал Шорт.

— Я полагаю, что если закопать это животное в землю, так оно далеко, пожалуй, не уйдет.

— Пожалуй — и нет, а пожалуй — и да, — недоверчиво проворчал Кобль.

— Так вы хотите зарыть ее живой? — спросил Спюри.

— Живой! Нет, сперва прошибить ей голову, а затем зарыть, — сказал капрал.

— Пусть так, но кто возьмет на себя это дело?

— Капрал и я, — отозвался Костлявый.

— Да, да, — подтвердил капрал.

— И я стою за то, чтобы сейчас же попробовать это сделать. Что пользы языки чесать? Я поклялся извести собаку: нам двоим с нею тесно на белом свете, — сказал Костлявый.

— Молодчина — этот Костлявый! — сказал ему вслед один из матросов.

Ванслиперкен поручил ван Спиттеру отвезти прачке его грязное белье, но так как капралу было неприлично при его чине таскать узлы с бельем, то он решил взять с собой Костлявого. При таких обстоятельствах капрал мог захватить с собой и собаку. Задумано — сделано.

Высадившись на берег, Костлявый стал звать собаку, но та не шла к нему. Пришлось ее позвать капралу, и Снарлейгоу, не предчувствуя грозившей ему беды, подбежал к ван Спиттеру, который с отчаянным лицом ловко ухватил ее за хвост и размахнувшись что было силы ударил о ствол дерева. Собака без признаков жизни упала на землю.

— Ну-ка, еще разок, капрал, чтобы нам быть уверенными, что дело сделано, — сказал Костлявый.

Ван Спиттер, теперь совсем расхрабрившись, схватил собаку опять за хвост и еще раза два-три ударил головой о дерево.

— Ну, теперь, я полагаю, ее песня спета, — довольно сказал Костлявый.

— Не подлежит сомнению, — подтвердил капрал.

— Надо ее зарыть. Где бы раздобыть заступ?

— Если мы спросим у кого-нибудь заступ, то нас спросят, на что он, — заметил капрал. — Вот канава, зароем ее чем попало, все равно она больше не встанет.

Костлявый, не долго думая, стащил Снарлейгоу в канаву и, собрав громадное количество опавшей листвы, засыпал ею собаку на два фута глубины.

Проделав эту работу, они отправились к прачке, сдали узел и с чувством исполненного долга вернулись обратно на судно, где красочно рассказали обо всем экипажу.

Все были очень довольны, что избавились наконец от этой ненавистной собаки, но Кобль по-прежнему недоверчиво качал головой:

— Я буду не я, если эта проклятая собака завтра не вернется, — сказал он.

Было уже поздно, когда Ванслиперкен вышел к набережной. Корабельная шлюпка, напрасно прождав его, вернулась на судно, и лейтенант, стоя на пристани, размышлял, как ему быть дальше. Вдруг что-то холодное, влажное коснулось его руки. Он вздрогнул и увидел перед собою... Снарлейгоу.

...Собака была ошеломлена ударами о дерево, но отнюдь не подохла: ее крепкий череп не так-то легко было проломить. Очнувшись часа два спустя, она выбралась из-под листьев и добралась до пристани.

— Как вы сюда попали, мой бедный Снарлейгоу? — спросил удивленно лейтенант, чувствуя что-то недоброе, но, конечно, не получил ответа.

В это время из будки сторожа высунулась голова перевозчика, который предложил Ванслиперкену свои услуги, и обрадованный лейтенант вскоре был со своей собакой на палубе «Юнгфрау». Здесь никто не встретил их — все спали.

XXIX. КТО ПОДСЛУШИВАЕТ, ТОТ РЕДКО СЛЫШИТ ЧТО-НИБУДЬ О СЕБЕ ХОРОШЕЕ

Когда матросы стали мыть палубу, Ванслиперкен проснулся, и, так как ему было известно, что никто не знал о его возвращении, то он встал с постели и осторожно приотворил люк, чтобы слышать, что будут говорить между собой матросы.

— Эй, Кобль! — окликнул приятеля Спюри. — Что-то скажет шкипер, как увидит, что его собака исчезла.

— А я не думаю, что она так и пропала, — отозвался Кобль.

— Но Костлявый клянется, что на этот раз с ней покончил и схоронил ее на два фута глубины.

— Он и тогда клялся. Что ж из этого? А я вам говорю, что это чертово отродье сродни своему хозяину, и пока он жив — будет жива и его собака. А когда он подохнет, подохнет и она вместе с ним.

— А-а, так ты хотел бы отправить и меня на тот свет, старый негодяй! Погодите, я всем вам покажу! — пробормотал про себя Ванслиперкен.

Лейтенант услышал, как люди перешли в другую часть палубы, и теперь уже слова говоривших не доносились до него, но разговор продолжался.

— Эй, ребята, да ведь шкипер на судне! — крикнул кто-то из матросов.

— Да когда же он, черт возьми, вернулся? — отозвался другой.

— Во всяком случае не в мою вахту, — сказал Кобль.

— Не в вашу ли, Шорт? — поинтересовался Спюри.

— Верно, в вахту капрала. Только он меня не звал и даже, вероятно, наверху не был. Он никогда не стоит своей вахты, — ответил Шорт.

На звонок командира должен был отозваться или капрал или Костлявый. Первым явился капрал.

— Капрал, где моя собака? Я вчера вернулся поздно и не нашел ее в каюте. Куда вы ее увезли? — грозно спросил Ванслиперкен.

— Это моя вина, мистер, сознаюсь... Я взял ее с собой на берег, чтобы не оставлять без себя на судне, и отправился к прачке, как вы приказали. Я пробыл там недолго, а когда вышел, то собака пропала, и я нигде не мог ее отыскать.

— Хм... Вы брали с собой Костлявого?

— Да, мистер, брал, чтобы нести узел.

— Где же он был, когда вы были у прачки?

— Ходил где-то поблизости.

— Ну, так я вам скажу, что это он убил и зарыл мою собаку. Он воспользовался вашим отсутствием, — твердо произнес лейтенант.

— О, мистер... Так собака подохла?

— Да! — воскликнул Ванслиперкен, отлично знавший, что собака жива и спит за занавеской на его кровати. Он сделал это умышленно, чтобы напугать Костлявого. — Я же теперь и задам этому негодяю! Не забудет он меня, клянусь честью! Можете идти, капрал, больше вы мне не нужны.

Выйдя от командира, ван Спиттер пошел сообщить обо всем Костлявому.

— Ага... так собака издохла! Теперь пусть хоть повесят меня, а этого черта все-таки нет на свете! — радовался бедняга.

Минуту спустя Ванслиперкен позвал Костлявого. Тот явился, но на все вопросы отвечать отказался, а в ответ на угрозу лишить его жизни, произнес:

— Это не так легко, как вы думаете!

Эти слова сильно смутили лейтенанта, и он решил вначале хорошо припугнуть Костлявого. Согнав собаку с кровати, — Снарлейгоу тут же нырнул под нее, — Ванслиперкен вышел на палубу и, подозвав к себе капрала, долго советовался с ним, как бы разыскать Снарлейгоу, а затем попросил его сойти вниз и посмотреть, накрыт ли его завтрак.

Капрал вошел в каюту вместе с Костлявым, шедшим позади него, и вдруг с криком: «О, майн Гот!» — круто повернул назад, смяв Костлявого, и побежал без оглядки, пока не ударился лбом о перегородку судна и не упал без чувств, ошеломленный ударом.

Между тем Костлявый поднялся на ноги, ощупывая свои ребра и потирая живот, на который наступил капрал.

— Что там такое случилось? Уж верно, он опять увидел черта или его отродье — Снарлейгоу. Надо посмотреть, — рассуждал Костлявый.

При входе в каюту он тут же увидел собаку, сидевшую на сундуке и преспокойно почесывавшую лапой за ухом.

— Фу... у... — прошептал Костлявый, с тоской глядя на ненавистное животное. — Что за притча! Опять вос-

...ника? Ну, право, я начинаю думать, что мы ее вовсе не ...или, а когда командир вернулся, так и она вернулась вместе с ним. Ведь никто не видел, как они вернулись... Я ни за что не поверю, что эту собаку нельзя сжить со свету. Ведь вышибли же ей глаз. Моя святая обязанность докончать этого пса, и я-таки докончу его!..

Успокоившись на этом, Костлявый пошел доложить лейтенанту, что все готово к завтраку, причем добавил:

— Вот вы говорили, сэр, что я убил и зарыл вашу собаку, а она сидит в каюте жива и здорова, и ничего с ней плохого не случилось!

— Собака в каюте? — с притворным удивлением воскликнул Ванслиперкен. — Как же она туда попала?

— Да так же, как и вы сами, сэр, — через дверь, — сказал Костлявый и пошел вниз, оставив лейтенанта в недоумении.

Шкипер ожидал увидеть его растерянным, перепуганным до полусмерти, а вместо того Костлявый преспокойно доложил, что собака вернулась вместе с ним, и, казалось, не видел в этом ничего удивительного.

Между тем матросы подняли капрала и привели его в чувство, а когда Костлявый пришел и разъяснил, в чем дело, на экипаж весть о возвращении Снарлейгоу опять-таки произвела сильное впечатление.

Однако, хотя Снарлейгоу был цел и невредим, при мысли, что Костлявый опять покушался на его жизнь, в сердце Ванслиперкена закипели к этому юноше ненависть и неудержимая жажда мести.

XXX. УЗЕЛ ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ

Рамзай был в наилучших отношениях с синдиком и его дочерью Вильгельминой. Более благоприятных условий добиться расположения и руки этой богатой наследницы трудно было придумать. Она находилась теперь как раз в том возрасте, когда отец ее желал найти ей подходящую партию, но все те молодые голландцы, которых он представлял своей дочери в качестве женихов, не нравились ей. Рамзай же с первого взгляда показался ей необыкновенно симпатичным, и спустя десять дней молодые люди, проводившие большую часть дня вместе, уже чувствовали друг к другу непреодолимое влечение.

Синдик или не замечал этого или же одобрял в душе

такое положение дел, считая Рамзая вполне подходящим супругом для своей дочери.

Рамзай же, взвесив свои чувства к молодой девушке, пришел к убеждению, что ему следует избегать ее общества. Однако сделать это он, пока оставался в доме синдика, не мог; покинуть же дом ему не позволял его долг по отношению к той партии, которой он служил. Играть чувствами девушки он тоже не хотел. Очаровавшись в первый момент не только ее красотой, но и богатством, он теперь готов был отказаться от ее состояния, лишь бы она могла принадлежать ему.

Как-то девушка пела в большом концертном зале, а Рамзай наслаждался звуками ее голоса. В это время ему доложили о приходе лейтенанта с королевского куттера. Действительно, в кабинете ожидал его Ванслиперкен, сообщивший содержание депеш, которые он только что привез из Англии и, по примеру Рамзая, вскрыл и переписал. Получив условленное вознаграждение, лейтенант откланялся, обещав зайти перед отходом «Юнгфрау» обратно в Портсмут.

Едва только Ванслиперкен ушел, явился синдик ван Краузе, спешивший разузнать все новости. Рамзай сообщил ему содержание некоторых депеш, и обогатившийся свежей информацией ван Краузе поспешил к своим приятелям поделиться ею с ними.

— Но откуда вам все это известно, мингер Краузе? — спрашивали те удивленно. — Ведь эти депеши еще не вскрыты. Вам и в тот раз все было известно раньше, чем нам, и теперь тоже. Вероятно, у вас есть влиятельные друзья при английском дворе?..

Мингер ван Краузе многозначительно кивал головой, но ничего не прояснял.

Между тем друзья ван Краузе рассуждали так: мингер Краузе сообщает всем такие государственные тайны, которые он мог узнать не иначе как путем предательства в Англии. И почему бы ван Краузе, которому ничего нельзя доверить здесь, вдруг доверили такие важные тайны там. Решено было при первом удобном случае сообщить об этих подозрениях в Англию.

Тем временем, Ванслиперкен, вручив Рамзаю письма и копии с депеш, направился к вдове Вандерслуш. Бабетта не упустила случая осведомиться о капрале, и Ванслиперкен обещал отпустить его к вечеру на берег.

Женщины ликовали, что так ловко провели лейтенанта, и, когда вечером капрал занял его место, все трое от души смеялись над командиром «Юнгфрау».

XXXI. СЕЛЕДКА ЕЩЕ РАЗ ИГРАЕТ РОЛЬ

Сидя на диванчике рядом с капралом, вдова Вандерслуш сообщала капралу о своих планах и наблюдениях.

— Оба последних приезда Ванслиперкен не заходил в этот дом против нас, — говорила она, — но я готова поклясться, что он носит письма и получает деньги где-нибудь в другом месте, и я выслежу его непременно.

— Да, майн Гот, да! — вздыхал капрал, попивая пиво.

— А в последний раз он привез какого-то пассажира, королевского посла. Ну как вы думаете, капрал, разве король избрал бы своим послом англичанина, когда голландцев сколько угодно? Если этот англичанин и посол, то, верно, посол Якова, не иначе.

— Да, майн Гот, да, — вторил ван Спиттер.

— Затем вы говорили, что он так глуп, что мог вам поверить, будто никто не может причинить вреда этому Костлявому... Ха-ха-ха! Парень — как парень, и больше ничего! Да и вы, капрал, и весь экипаж «Юнгфрау» тоже хороши: боитесь какой-то собаки. Ну, что за глупости, что за чушь! Собака как собака, видела я ее.

Капрал вздохнул и промолчал.

— Так вот, — продолжала вдова, — что мне пришло на ум. Я сделаю вид, что вхожу во все интересы лейтенанта, и, когда он выложит мне все свои тайны и признается, что желал бы избавиться от этого парнишки, пообещаю ему свое содействие. Я сама приготовлю селедку, начиненную мышьяком, и посоветую лейтенанту изжарить ее к завтраку, а затем, как бы не одобрив, оставить селедку нетронутой на тарелке и отдать ее Костлявому. Костлявого же мы предупредим, чтобы он приберег эту селедку для собаки. Поняли?

— О, майн Гот, да! Но если Костлявый не умрет, что Ванслиперкен подумает?

— Он подумает, что этот парень может глотать яд, как кофе со сливками. Он еще более уверится, что ему повредить нельзя, и еще более будет его бояться.

— Майн Гот, да! — подтвердил капрал.

Таков был план вдовы Вандерслуш, и, прежде чем куттер ушел из Амстердама, хитрая женщина привела его

и исполнение. Она почти дала согласие Ванслиперкену стать его женой и добилась того, что тот открыл ей свою душу. Вдова продолжила помочь ему избавиться от Костлявого раз и навсегда и в свою очередь рассказала ему придуманный план.

— Превосходно! — воскликнул восхищенный Ванслиперкен.

Когда он уходил, его снабдили обещанной селедкой, и на следующее утро он в точности исполнил предписание госпожи Вандерслуп. Но и Костлявый со своей стороны последовал наставлению капрала и приберег отравленную селедку для собаки.

Спустя час после завтрака Ванслиперкен съехал на берег и по совету предусмотрительной вдовы взял с собой Костлявого с мешком сухарей для невесты и свою собаку, которую на этот раз пригласила сама вдова.

— Черт побери, как от тебя несет селедкой! — воскликнул Ванслиперкен, обращаясь к Костлявому, — тот, завернув рыбу в бумажку, спрятал ее в карман своих брюк...

— Немудрено, сэр, ведь я сегодня съел вашу селедку с вашего разрешения.

Лейтенант самодовольно улыбнулся. «Ну и прекрасно!» — подумал он.

Лейтенант и его собака, Костлявый и мешок сухарей были весьма радушно приняты вдовой.

— Что, съел он селедку? — осведомилась у Ванслиперкена вдова.

— Да, да, — закивал утвердительно лейтенант. — Опорожните мешок, и я отошлю этого парня обратно на судно.

— Не надо так спешить, пусть лучше заболеет здесь. Можно будет сказать, что он съел что-нибудь на берегу, а то на судне будет только лишнее подозрение. А ваша бедная собака рвется на двор. Пусть погуляет, — добавила коварная женщина и громко крикнула: — Бабетта, смотри, не отворяй калитки, чтобы собака лейтенанта не ушла со двора.

Эти слова были условным знаком для Костлявого. Выждав минуту, он отворил калитку, прокрался во двор и кинул селедку собаке, которая, захватив ее в свои лапы, улеглась на солнышке, готовясь приступить к вкусному завтраку. Тогда Костлявый осторожно выбежал за калитку. Бабетта проходила мимо, и он многозначительно подмигнул ей. Та, в свою очередь, войдя в калитку, многозначи-

[illegible] поднимутся своей госпоже. Вдова попросила ее принести мешок из-под сухарей и отдать его Костлявому с приказанием вернуться на судно.

Костлявый, поднявшись на палубу, тотчас же сообщил экипажу радостную весть: Снарлейгоу съел отравленную селедку! Но старый Кобль по-прежнему недоверчиво покачал головой.

Между тем Ванслиперкен, возвращаясь на судно, ожидал, что гребцы сообщат ему о болезни Костлявого, но они ничего не говорили. Тогда он небрежно спросил, все ли благополучно на судне, и получил утвердительный ответ.

Когда лейтенант в сопровождении своей собаки взошел на палубу, глаза всех обратились на собаку.

Но в ней не замечалось ни малейшей перемены.

Ванслиперкен приказал позвать к себе Костлявого и, отдавая ему какое-то пустячное приказание, внимательно вглядывался в его лицо.

— Ты как будто бледен сегодня? Нездоров, что ли? — спросил он матроса почти с участием.

— Нет, сэр, здоров. Поутру у меня, правда, схватило живот, но теперь отошло, — бодро отрапортовал слуга.

Весь день Ванслиперкен ждал, не умрет ли Костлявый, но тот и не думал умирать. В то же время экипаж ждал, не подохнет ли собака, но и собака не подыхала. Откроем тайну: не подохла она потому, что не съела селедки. Вбежавшая во двор другая собака отняла ее у Снарлейгоу и на другой день была найдена неподалеку от дома вдовы мертвой. А экипаж, капрал и даже сама разумная вдова и Бабетта удивлялись:

— Нет, что это за собака! Съела четверть фунта мышьяку — и как ни в чем не бывало!

XXXII. МЕСТЬ МОГГИ САЛИСБЮРИ

Получив от Генеральных штатов секретные депеши и приказание немедленно отправиться в Англию, Ванслиперкен зашел в дом ван Краузе и, захватив письма Рамзая, направился прямо на куттер, который час спустя снялся с якоря.

Была вторая половина мая. Погода стояла жаркая, матросы сбросили свои верхние куртки и высокие сапоги и ходили в белых голландках и башмаках. Ванслиперкен

почти не показывался на палубе, так как был занят вин-
зу. Из предосторожности он даже задернул тафтой иллю-
минатор, чтобы сверху никто не мог подглядеть, что он
делает. Дверь каюты была почти постоянно на запоре, и
только Снарлейгоу видел, чем занимался его господин.

В обычное время куттер пришел в Портсмут и бросил якорь на своем прежнем месте. Ванслиперкен отправился на берег с секретными депешами и копиями с них. Первые он сдал, как и следовало, в адмиралтейство, затем прошел на главную улицу города и зашел в магазин ювелира, где пробыл очень долго. Это не скрылось от внимательного взора следившей за ним Могги Салисбюри.

На следующий день Ванслиперкен отправился сдать своей матушке деньги, полученные от Рамзая, и сообщил ей, что не может найти никаких средств извести Костлявого. Старуха только рассмеялась в ответ:

— Глупости, сын мой, глупости! Попадись он мне в руки, я бы живо отправила его на тот свет.

Возвращаясь на судно, Ванслиперкен встретил лодку, где сидела Могги — очевидно, только что отплывшая с куттера.

...Действительно, Могги провела около двух часов на «Юнгфрау», беседуя с прежними товарищами мужа, а главным образом с капралом и Костлявым. Капрал, заведывавший продовольствием, рубил и распределял мясо. Снарлейгоу по обыкновению сидел подле, подбирая куски, падавшие из-под резака.

— Я поклялся, что отрублю хвост этой гадине! — сказал Костлявый. — Дай-ка мне резак, капрал, я живо ее обкарнаю!

— Нет, — возразила Могги, — лучше я это за тебя сделаю. Тебя он еще килевать вздумает, а с меня взятки гладки!

И без дальнейших рассуждений Могги, выхватив резак из рук капрала, в один момент привела в исполнение свои слова. Снарлейгоу убежал, жалобно визжа и оставляя за собою кровавый след.

— Швабры, — сказал Дик Шорт.

Не успели матросы замыть эти следы и убрать швабры, как прибыл Ванслиперкен.

— Была здесь эта женщина? — спросил он Шорта.

— Да.

— Разве я не отдавал приказа никогда не пускать ее на судно?

— Нет, — ответил Шорт.

— В таком случае я отдаю его сейчас.

— Поздно, — отозвался Шорт.

Ванслиперкен обернулся, отыскивая глазами капрала ван Спиттера, который стоял навытяжку позади него с вытянутой, печальной физиономией, держа одну руку под козырек и зажав в другой отрубленный хвост Снарлейгоу.

— Это что такое? — спросил Ванслиперкен.

— Хвост, мистер, — почтительно произнес капрал.

— Хвост? Какой хвост? — удивленно воскликнул лейтенант.

— Собачий хвост, мистер, — сказал капрал, — который эта злая ведьма, эта собачья дочь Могги...

Ванслиперкен не верил своим глазам, от ужаса не понимая, что ему говорят. Но вдруг им овладело такое бешенство, что с минуту он не мог произнести ни слова, а затем со страшным проклятием бросился в свою каюту.

— Моя собака! О, моя бедная собака! — воскликнул лейтенант, закрыв лицо при виде обезображенного Снарлейгоу и небольшой лужицы крови подле того места, где он лежал. — Что они еще сделают с тобой, эти изверги? Какие новые козни будут строить? Но я отомщу им всем! Я отомщу! — и град проклятий посыпался из уст Ванслиперкена. — Этот проклятый Костлявый, наверное, главный виновник этого зверства, и я отомщу ему, страшно отомщу!

Ванслиперкен позвонил и потребовал к себе капрала, который тут же явился с хвостом в руке.

— Положите это на стол, капрал, и расскажите, как все случилось.

Капрал, честно глядя в глаза командиру, поведал, как Могги, когда он отвернулся, схватила резак и, поймав собаку за хвост, отрубила его, прежде чем он, капрал, успел очнуться.

— А Костлявый стоял тут же?

— Да, стоял.

— Пойдите, капрал, за тряпкой или шваброй и пришлите сюда Костлявого.

Слуга появился так же быстро, как перед тем ван Спиттер.

— Я так понял из слов капрала, что вы, сэр, держали мою собаку, когда эта проклятая женщина отрубала ей хвост.

— Это ложь, я не трогал вашей собаки, сэр, но, уж

видно, всякий раз, как с нею что-нибудь приключится, я должен быть в ответе. И на что мне было рубить ей хвост? Уж не так же я голоден, чтобы на него зариться?

— Выйдите вон, сэр! — вскричал взбешенный Ванслиперкен.

— Прикажете это выкинуть за борт? — осведомился слуга, взяв со стола хвост.

— Оставьте это, сэр! — заорал не своим голосом лейтенант.

Костлявый вышел за дверь, сияя от радости.

Оставшись один, Ванслиперкен уронил голову на руки и долго сидел неподвижно в этой позе, устремив глаза на отрубленный хвост.

Затем он встал, положил хвост в карман и, выйдя наверх, приказал подать себе шлюпку, чтобы ехать на берег.

XXXIII. СТРАННЫЙ ТОРГ

Ванслиперкен отправился прямо к своей матери.

— Ну что, дитя мое, принес денег? — были первые слова старухи, когда лейтенант переступил порог ее комнаты.

— Нет, матушка, денег я не принес, но принес вот это.

— Это! Что это такое? — сказала старуха, взяв в руки хвост и брезгливо разглядывая его.

— Что ты ослепла, старуха, что ли? — воскликнул, не сдержавшись, Ванслиперкен. — Разве не видишь, что это хвост моей собаки!

— Ослепла, старуха, хвост! Эге, Корнелиус, да как ты смеешь так говорить со мной? Как смеешь класть мне на стол паршивый хвост твоей собаки? Вот, смотри! — вскричала взбешенная старуха и выкинула хвост Снарлейгоу за окно. — Вот он где, твой хвост! А теперь убирайся отсюда вслед за ним, непочтительный сын!

Сдержав свое негодование, Ванслиперкен проследил полет хвоста и увидел, как он упал между брошенных капустных листьев на соседнем дворе.

Успокоившись на том, что уходя сможет подобрать его, Ванслиперкен весь сосредоточился на мысли о примирении с матерью. Он всячески стал умолять ее простить нечаянно сорвавшееся слово, оправдываясь тем, что страшно расстроен.

Старуха долго не сдавалась, но наконец ему удалось умилостивить ее. Только после этого лейтенант признался: — Матушка, я пришел сюда просить вашего совета и помощи, и подробно рассказал о всех покушениях на жизнь Костлявого, кончавшихся полнейшею неудачею.

— Иначе говоря, ты хочешь, чтобы я разможжила ему голову? — сказала старуха. — Это можно, только убийство — такое дело, за которое никто не берется без сильных побуждений.

— Что вы хотите этим сказать, матушка? Хотите, чтобы я дал вам золота? Возьмите сколько вам надо, ведь все мое золото хранится у вас.

— Я хочу всё, сколько у тебя есть.

— Всё?! — воскликнул Ванслиперкен.

— Да всё. И что же тут такого? Ведь со временем все опять будет твое.

— Хорошо. Если оно все равно будет моим, так пусть теперь будет ваше.

Старуха захохотала.

— Пришли его только ко мне, а об остальном не заботься. Всего лучше пришли его накануне отхода судна. Тогда люди подумают, что он дезертировал, и никаких подозрений его исчезновение не возбудит.

На этом и закончили свой торг мать с сыном, после чего Ванслиперкен поспешил уйти.

XXXIV. КОСТЛЯВЫЙ ПОПАДАЕТ В НЕПРИЯТНУЮ ИСТОРИЮ

Могги видела, как Ванслиперкен заходил к ювелиру. Ее так и подмывало узнать, что заставило пойти лейтенанта в такое необычное для него место.

На другой день она сама зашла в тот же магазин и попыталась завязать разговор с хозяином, но тот оказался человеком необщительным. Тогда она решила передать это дело в руки Нанси Корблитт.

Вопрос, зачем Ванслиперкен заходил к ювелиру, был и в самом деле крайне интересен. Дело в том, что Рамзай, научив его вскрывать секретные депеши и снабдив его поддельными печатями, не подумал о том, что тем самым давал в руки лейтенанта средство проделывать то же самое и с его письмами.

Сняв точные восковые слепки с печати Рамзая, Ван-

слиперкен заказал ювелиру вырезать печать, и тот согласился исполнить этот заказ за весьма почтенную сумму. Заказ был действительно исполнен. Лейтенант уплатил деньги, а печать положил в карман.

На девятые сутки Ванслиперкен получил предписание выйти в море на следующий день на рассвете, а потому поспешил к еврею уведомить его об этом, а затем к матери — предупредить ее, что перед наступлением сумерек он пришлет к ней Костлявого.

«Пусть только прикончит его, а там пусть ее хоть завтра повесят» — добродушно размышлял любящий сын.

Когда он сообщил Костлявому, что вечером опять едет на берег и возьмет его с собою, тот, не забыв еще своей последней с ним прогулки, заметил:

— Надеюсь, сэр, что не для загородной прогулки.

— Нет, нет. Мы отнесем мешок сухарей одной бедной женщине тут неподалеку, — успокоил его лейтенант.

Тем не менее Костлявый почувствовал в этом что-то недоброе и пошел сообщить о своих предположениях капралу. Тот был одного с ним мнения и предложил снабдить на всякий случай пистолетом, но Костлявый, который не умел обращаться с огнестрельным оружием, сказал, что предпочел бы тесак. Капрал достал ему тесак, который юноша тщательно спрятал у себя под рубашкой.

Пристав к берегу, лейтенант и Костлявый с мешком сухарей направились к матери Ванслиперкена, принявшей их под видом старушонки, которой ее благодетель лейтенант оказал новое благодеяние. Она стала благодарить за сухари и призывать благословение на них за добрые дела. Минуту спустя лейтенант сказал:

— Пусть мой слуга немного побудет у вас, бабушка, а я должен зайти здесь по соседству к одному приятелю: туда мне неудобно взять его с собой.

— Сядь здесь на стул, поближе к очагу, — сказала ласково старушка Костлявому, когда лейтенант ушел, — сядь здесь, мой милый. Ты потрудился, принес мне, старухе, эти сухари. Спасибо тебе. Погоди, я поищу у себя в шкафу, не найдется ли там чем попотчевать тебя: помнится, у меня была капля настойки.

И, пошарив в шкафу, старуха действительно достала бутылку настойки и налила ему довольно почтенную порцию в чайную чашку.

Костлявый послушно сел в кресло у огня и стал попивать с видимым наслаждением вкусный напиток. Старуха

между тем попарила еще за шкафом, достала оттуда тяжелый больной молот, занесла его обеими руками над головой Костлявого и со всего размаха ударила им по черепу несчастного. Тот выронил чашку из рук, вдруг приподнялся и затем грузно скатился на пол. Несколько секунд ноги его судорожно подергивались, затем всякие движения прекратились, и он остался недвижим на полу.

Старуха наблюдала некоторое время, не проявятся ли вновь какие-нибудь признаки жизни, но нет... Она готова была нанести ему второй и третий удары, но, падая, Костлявый перевернулся, и голова его закатилась под низкую кровать старухи. Алый ручеек крови показался из-под кровати и медленно потек к очагу.

— Надо бы его вытащить оттуда, — рассудила старуха и попробовала потащить Костлявого за ноги. — Еще удар-другой не помешали бы. Ну, да и так можно надеяться, что не встанет...

Но старая ведьма на этот раз ошиблась — Костлявый не умер, а только лишился чувств. Удар молотка скользнул по черепу и рассек кожу, проведя широкую борозду по затылку и шее за ухом. Мало-помалу он пришел в себя и стал прислушиваться к тому, что бормотала старуха.

— Да, да, теперь золото мое. Я заработала его.

Бедный юноша совсем очнулся и хотел было подняться, но в этот момент кто-то постучался в дверь. Старуха отперла и впустила Ванслиперкена.

— Что? Дело сделано? — спросил он громким шопотом.

— Да, сделано, и хорошо сделано. У меня рука верная...

— А вы уверены, что он умер?

— Вполне уверена. Значит, золото теперь все мое?

Ванслиперкен с ужасом и отвращением посмотрел на струю крови на полу.

— Пóмните, матушка, что вы сделали это, а не я, — воскликнул он.

— Да, я сделала, сын мой, я. А ты заплатишь мне за это! Золото мое!

— Но действительно ли он умер?

— Посмотри сам. Вытащи его оттуда, если хочешь, — сказала старуха равнодушно.

Но Ванслиперкен трусил. Он боялся взглянуть в лицо убитого и не тронул его, а только всматривался в неподвижно распростертое на полу тело.

— Что вы сделаете с трупом? — спросил он. — Мне пора уже на судно, матушка...

— Иди, сын мой, иди. А об этом трупе не заботься. Кто может придти сюда? Иди трус, иди...

Ванслиперкен, пошатываясь, вышел, плотно затворив за собой дверь. Старуха повернула ключ в замке, затем села в то кресло, где до этого сидел Костлявый, повернувшись к нему спиной.

Костлявый ощущал страшную слабость от потери крови, его начинало тошнить, но голова была совершенно ясная. Он сознавал, что Ванслиперкен ушел и что теперь он один со старухой. Осторожно вытащив из-за пазухи спрятанный там тесак, юноша стал наблюдать за своей убийцей.

— Да, да, теперь все золото мое, — шептала та, — теперь надо бы подсчитать его. А что же сделать с трупом? Лучше всего, пожалуй, сжечь по кусочкам, — и она оглянулась, чтобы еще раз посмотреть на убитого ею юношу. Ее наблюдательный глаз сразу уловил легкое изменение в позе Костлявого.

— А-а, еще не совсем умер, голубчик! Ничего, я еще раз прибегну к молоточку, — и старуха неверными шагами заковыляла за инструментом.

Костлявый, поняв, что наступил решающий для него момент, хотел быстро подняться на ноги, но не успел этого сделать. Старуха с тихим визгом наскочила на него с проворством, какого трудно было ожидать от такой старой на вид женщины, и нанесла ему второй удар. Но Костлявый вовремя успел отклонить его левой рукой, а правой вонзил тесак глубоко в горло старой преступницы.

Немного спустя, он попытался подняться на ноги. Это ему удалось. Отдохнув, он дошел до шкафа и разыскал там свечку, которую зажег и поставил в подсвечник. Затем тут же, не отходя от шкафа, достал настойку. Она подкрепила его.

Немного погодя, он отыскал кувшин с водой, обмыл и туго обвязал свою голову платком, затем замыл следы крови на полу, а тряпку, которой подтирал пол, сжег в очаге. Теперь ему осталось только поднять с пола труп старухи, уложить его на постель и накрыть одеялом.

Покончив с этим, Костлявый поставил свечку в камин, чтобы она догорела, не наделав пожара, и, выйдя на площадку, снова запер замок, подсунув ключ под дверь.

Приняв все эти меры предосторожности, юнга осторожно выбрался на улицу, унося с собой тесак, который опять спрятал у себя под рубашкой.

XXXV. КОСТЛЯВЫЙ ОПЯТЬ ИГРАЕТ РОЛЬ ПРИВИДЕНИЯ

«Юнфрау» снялась с якоря. Ванслиперкен почти не выходил из своей каюты. Его преследовала сцена, виденная им в доме матери: кровь, безжизненный труп Костлявого, окровавленный молот... Но как только взгляд лейтенанта натыкался на обрубленный остаток хвоста своего любимца, эти воспоминания уже не пугали, а почти радовали его.

На третьи сутки поутру к нему вошел капрал с перепуганным и растерянным лицом.

— Мистер, весь экипаж находится в волнении, готовится общее возмущение... — начал он.

— Возмущение? Почему? Что такое случилось? — суровато поджав губы, поинтересовался лейтенант.

— Люди говорят, что видели вчера Костлявого у буш-прита с большой раной на голове и с окровавленным лицом и он сказал Шорту, что вы дали деньги какой-то старой женщине, которая молотом убила его.

Колени Ванслиперкена задрожали, и он почувствовал, что ему делается дурно.

— Ах, капрал, мне дурно... воды... Дайте воды... Я... Да, да, — и он рукой сделал знак, что желает остаться один.

Под вечер лейтенант вышел наверх. Погода стояла тихая. Было начало июня. Ванслиперкен в глубоком раздумье расхаживал по палубе. Солнце уже село. Матросы группами стояли на баке, перешептываясь между собой. Ванслиперкен временами тревожно поглядывал на них.

Вдруг впереди раздался громкий крик, все матросы разом устремились к корме. У лейтенанта замерло сердце. Он подумал, что они восстали и хотят схватить его, но нет — матросы один за другим пробегали мимо, крича:

— Ой-ой-ой! Это он, он!

— Ах, майн Гот! — воскликнул Янсен и с разбега налетел на лейтенанта, опрокинув его.

— Что? Что такое случилось? — спрашивал Ванслиперкен, поднимаясь на ноги.

— Смотрите, сэр. Видите его? — сказал Коббль задыхающимся голосом, указывая при бледном свете луны на Костлявого.

На голове у юноши не было повязки, волосы слиплись от крови, лицо было бледно и измучено, а в руках он держал молот. «Привидение» медленно продвигалось вперед.

Ванслиперкен попытался было бежать, но колени его подкосились, и, громко вскрикнув, он упал на палубу лицом вниз.

Прошло несколько минут, лейтенант не шевелился. Когда его подняли, он был в глубоком обмороке. Его снесли в каюту и уложили в постель.

Этот испуг произвел на Ванслиперкена потрясающее действие: его и без того уже возбужденный потреблением спирта мозг не выдержал, с лейтенантом стали делаться судороги, продолжавшиеся почти до утра, после чего он снова впал в забытье.

Проснувшись поутру, Ванслиперкен почувствовал себя чрезвычайно слабым и не мог дать себе отчета в случившемся. Когда к нему явился капрал ван Спиттер, он стал расспрашивать его, что с ним было, и тот напомнил ему о Костлявом.

— Да, да... Теперь я вспомнил, — сказал Ванслиперкен и снова откинулся на подушки, закрыв глаза.

До самого прибытия в Амстердам лейтенант не вставал с постели, а когда куттер бросил якорь, то уж волей-неволей пришлось встать, одеться и отправиться сдавать привезенные депеши и письма. Уведомленная о прибытии куттера, вдова Вандерслуп тотчас же послала Бабетту следить за лейтенантом, и та видела, как он сперва зашел в Штадт-хауз *, сдал там казенные депеши, а оттуда прошел к Рамзаю.

От Рамзая Ванслиперкен направился к вдове, и только тогда Бабетта нагнала его и, поздоровавшись, сказала:

— Как вы изменились, мистер. Я вас почти не узнаю. Вы болели? А моя госпожа ждет вас уже больше получаса.

— Я должен был сдать свои депеши, — проговорил Ванслиперкен.

— Но я думала, что вы их сдаете в Штадт-хауз.

— Ну да, я теперь прямо оттуда.

---

* Дословно — городской дом, дом городского самоуправления *(нем.)*.

Из того, что лейтенант умолчал о своем посещении дома ван Краузе, хитрая Бабетта заключила, что тут кроется что-нибудь неладное. Ванслиперкен шел медленно, так как был еще очень слаб, и Бабетта, сказав, что побежит предупредить свою госпожу, пустилась бегом вперед — уведомить вдову, что лейтенант заходил в дом ван Краузе.

— Ван Краузе — человек безусловно преданный королю. Это все знают, но теперь никому нельзя доверять, — проговорила вдова. — Уж не в его ли доме поселился этот таинственный пассажир, которого лейтенант называл королевским послом? А то зачем бы ему ходить в дом синдика? И если этот королевский посол там, то тут, несомненно, кроется предательство. Я до этого докопаюсь!

Вскоре пришел Ванслиперкен и был принят с притворной радостью и радушием. Но не успел лейтенант отдохнуть как следует на диванчике вдовы, как явился Кобль с вестью, что идет фрегат под королевским штандартом, означающим присутствие короля на судне.

Ванслиперкен принужден был немедленно вернуться к себе на судно для салюта королевскому фрегату.

XXXVI. КАК ОПАСНО СООБЩАТЬ ТАЙНЫ

В числе властей и должностных лиц, встречавших короля, на пристани был, конечно, и синдик ван Краузе. Но вместо обычной приветливой улыбки, какою король отвечал раньше на его низкий поклон, Вильям на этот раз ответил холодным коротким кивком и гневным, недружелюбным взглядом. Приближенные, следуя примеру своего повелителя, тоже делали вид, что не замечают ван Краузе, и смотрели в сторону, когда он вежливо расклапивался с ними.

Чрезвычайно опечаленный такою переменой, синдик прямо с пристани, вместо того чтобы ехать во дворец, поспешил к себе домой и, как бомба, влетел в комнату Рамзая.

— Ну, что, мингер, как себя чувствует король? — спросил Рамзай, знавший, что ван Краузе только что с пристани.

Ван Краузе рассказал ему об обиде, какая ему была нанесена публично.

— Тут, должно быть, кроется какая-нибудь причина! — воскликнул почтенный синдик.

— Ну, конечно, но неосновательная, — заметил Рамзай, улыбнувшись.

— Без сомнения, кто-нибудь оклеветал меня, — хмуро продолжал синдик.

— Это весьма возможно.

— Я хочу просить аудиенции, чтобы объясниться.

— Объясниться? К чему же это поведет? — Рамзай недоуменно посмотрел на совсем потерянного синдика.

— Нет, но если он на этот раз при всех гневно посмотрел на меня, то, может быть, после нашей беседы в другой раз милостиво улыбнется... А то ведь я погиб, совсем погиб!

— Почему же вы погибли? Вы преувеличиваете эту историю, — сказал Рамзай как можно спокойнее.

— Да ведь я — синдик этого города. Могу ли я надеяться сохранить за собой свое общественное положение, если буду в немилости?

— Но вы, быть может, ошиблись?! — продолжал разуверять ван Краузе Рамзай.

— Нет, нет, я не ошибся. Он гневно смотрел на меня одного, а моего приятеля Энгельбака одарил милостивой улыбкой.

— Энгельбак? Ну, в таком случае можете быть уверены, что именно этот человек оклеветал вас.

— Как, Энгельбак? Он мой закадычный друг!

— Да, я так думаю. Надеюсь, что вы никогда не доверяли ему тех важных государственных тайн, которые я сообщал вам? Ведь одного того факта, что эти тайны вам известны, было бы уже достаточно для обвинения вас.

— Неужели? Но в таком случае и вы можете быть заподозрены в недоброжелательстве королю и можете быть сочтены за его тайного врага.

— Я, может быть, и получаю эти сведения от людей, не вполне приверженных королю, но это еще ничего не доказывает: я не сообщаю их никому. Никто не узнал от меня ничего. Я доверял вам, рассчитывая, что вы сумеете сохранить все это в тайне, и я уверен, что вы не передавали ничего этому человеку.

На это синдик угрюмо заметил:

— Увы, иногда мне случалось намекнуть ему кое о чем. Боюсь, что кое о чем он догадывался, но ведь я считал его моим самым закадычным другом!

— Если так, то гнев короля меня не удивляет. Энгельбак, получая от вас такие сведения, которые никому не должны были быть известны, счел выгодным для себя сообщить о том правительству.

— Что же мне теперь делать? — воскликнул синдик в совершенном отчаянии.

— Надо ожидать всего худшего и заблаговременно принимать меры. Вы человек состоятельный, и тем хуже будет для вас, если вы не позаботитесь теперь же припрятать ваши деньги в надежное место, где до них нельзя будет добраться. Все это, может быть, кончится благополучно, хотя я этого не думаю, но во всяком случае что бы ни случилось, я, как ваш друг, останусь верен вам и разделю с вами вашу судьбу, какова бы она ни была. На это вы смело можете рассчитывать.

— О, молодой человек, вы наш истинный друг! Бедная моя Вильгельмина, что будет с ней? Но мне нельзя терять времени, дела не терпят. Благодарю вас, дорогой друг, за добрый совет, которому я непременно последую.

Синдик вышел от Рамзая и поспешил к себе на службу, где его ждали важные дела.

Рамзай к этому времени успел окончательно покорить сердце Вильгельмины, признался ей в любви и вырвал у нее признание; мало того, — он сумел приобрести над ней такое влияние, что уговорил ее скрывать до поры до времени от отца их взаимную любовь.

По уходе синдика Рамзай отправился к Вильгельмине и рассказал ей о случившемся с ее отцом, выставив его несправедливо обиженным человеком. Он красочно изобразил, как сильно тот должен сейчас страдать, и сообщил ей о поданном им ее отцу совете, прося со своей стороны поддержать его и настоять на том, чтобы отец позаботился спасти себя от полного разорения.

XXXVII. ПОСЛЕДНЕЕ ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ КОСТЛЯВОГО

С разрешения Ванслиперкена, капрал съехал на берег. Очутившись у вдовы Вандерслуш, он рассказал ей о последнем покушении на жизнь Костлявого и о мести экипажа.

Бабетта со своей стороны также разузнала, что Рамзай

живет в доме ван Краузе и что он — тот самый пассажир, которого привез на своем куттере Ванслиперкен.

Когда лейтенант явился к вдове, та приняла его особенно ласково, изругала Костлявого и даже пролила слезы над обрубленным хвостом Снарлейгоу.

Но «Юнгфрау» не простояла и двух дней на якоре, как Ванслиперкен получил приказание немедленно сняться и идти в Портсмут. Отдав необходимые распоряжения, он поспешил забежать на одну минуту к ван Краузе и предупредить Рамзая, что ему приказано отправляться немедленно и что письма должны быть присланы прямо на судно, так как зайти ему самому за ними невозможно.

Едва он успел получить секретные королевские депеши, как с фрегата ему дали знать, чтобы он снимался и уходил. С лихорадочным нетерпением поджидал он лодки с письмами Рамзая. Но ее не было.

На виду у фрегата и своего начальства Ванслиперкен не смел отсрочить момент ухода. Он снялся с якоря, поднял паруса и дал выстрел, но не тронулся с места, боясь уйти без писем Рамзая. Наконец он увидел, что крошечная лодочка спешит к куттеру и одновременно с ней идет к нему же шлюпка с фрегата.

Ванслиперкен задрожал от страха, но маленькая лодочка успела прийти несколько раньше шлюпки, так что он успел принять от посланного письма Рамзая и спрятать их в своей каюте, когда к «Юнгфрау» подошла шлюпка с фрегата.

— Адмирал спрашивает, почему вы, сэр, не уходите в море? — спросил офицер со шлюпки.

— Я ожидал ту лодку, которая шла сюда! — доложил Ванслиперкен.

— Откуда была эта лодка, сэр?

— От синдика мистера ван Краузе — с письмами, которые меня просили доставить в Англию, — ответил лейтенант.

— Прекрасно, сэр. Желаю вам доброго пути, — сказал офицер, и шлюпка отчалила.

Все ответы Ванслиперкена были в точности переданы командиру фрегата, а тот, зная, что ван Краузе находится под подозрением, тотчас же сообщил об этом властям.

Между тем Костлявый продолжал скрываться на судне. Рана его почти затянулась, и было решено, что он во время пути еще раз напугает лейтенанта и тотчас по при-

оыли в Портсмут дезертирует, чтобы не пострадать за
ушество старухи, матери Ванслиперкена.

На третьи сутки после выхода в море Ванслиперкен
расхаживал по палубе. Кроме рулевого наверху не было
ни души. Когда судно поровнялось с островом Уайт,
его стало относить вниз почти к тому самому месту, где
находились пещера и бухта контрабандистов. Вдруг Ван-
слиперкен услышал внизу голоса. Верный своей привы-
ке, он остановился и, прислонившись к лестнице, стал
подслушивать. Прежде всего он услышал имя Костлявого.

— Завтра мы придем в Портсмут, — говорил кому-то
Спюри. — Надо чтобы Костлявый непременно напугал его
сегодня, а то будет поздно.

— Да, но капрал...

— Шш... Там кто-то есть! — сказал Спюри, и разговор
смолк.

Ванслиперкен вышел на палубу и, продолжая свою
прогулку, стал размышлять, что могли означать слышан-
ные им слова.

Итак, очевидно, Костлявый все-таки остался каким-то
чудом жив и скрывается на судне. Значит, ему удалось
уйти из западни, — тогда вполне понятно, что весь эки-
паж уже знает о покушении на его жизнь. Но каким
образом очутился этот парень на судне? Ведь он же видел
его своими глазами мертвым в комнате своей матери! Сло-
ва: «Но капрал...» — доказывали, что капрал не заодно с
экипажем. Однако как тогда Костлявый мог попасть на
судно и скрываться от него, командира этого корабля,
так долго?

Ванслиперкен продолжал ходить взад и вперед, пере-
бирая в уме все эти вопросы, и только когда совсем стем-
нело, ушел в свою каюту и заперся, чего обыкновенно на
ночь не делал. В двенадцать часов ночи кто-то попытался
отворить дверь его каюты, но, убедившись, что она запер-
та, удалился.

Выждав немного, Ванслиперкен тихонько вышел на-
верх, незаметно прошел мимо рулевого и подошел к гака-
борту — посмотреть, в каком направлении их несет. На
корме на своем обычном месте висела небольшая шлюпка.
Ванслиперкен заглянул в нее и увидел в ней какую-то
черную массу. В следующее мгновение лейтенант понял,
что в шлюпке кто-то спит. Откинув одеяло и шинель, ко-
торыми был укрыт спящий, Ванслиперкен к несказанной
своей радости узнал в нем Костлявого и тотчас же почув-

ствовал, что теперь бедняга в полной его власти. Стоит только отвязать веревку, которой привязана эта шлюпка, и она неминуемо перевернется вверх дном.

Эта мысль не долго мучила лейтенанта. Он тут же приступил к делу: внимательно осмотрел место, где была привязана шлюпка и отослал из предосторожности рулевого вниз, чтобы тот не мог услышать криков Костлявого, когда парень упадет в воду. Предоставив руль воле судьбы, лейтенант, осторожно подкравшись к шлюпке, отвязал веревку. Шлюпка мгновенно перевернулась, и Костлявый точно камень упал в воду. Послышался всплеск, затем крики о помощи. Лейтенант вернулся к рулю.

XXXVIII. КОСТЛЯВЫЙ ИЗ КАЗЕННОГО ЧЕЛОВЕКА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В КОНТРАБАНДИСТКУ

Очутившись неожиданно в воде, Костлявый, несмотря, на то, что прекрасно плавал, не особенно был доволен этим. На ночь он укутался в одеяло и теплый плащ, и теперь ему пришлось погрузиться довольно глубоко под воду, прежде чем он освободился от них. Когда юноша появился на поверхности, судно было уже далеко.

В первый момент он решил, что очутился в воде по несчастной случайности, но когда увидел, что на его крики никто не обращает внимания, сразу догадался, что это дело рук Ванслиперкена.

«Ну, на этот раз он покончил со мной, — горестно подумал Костлявый. — Что ж, когда-нибудь умирать надо... И как не стыдно, в самом деле, три или четыре раза убивать такого бедного парня, которого и сразу-то прикончить нетрудно, — рассуждал он, плывя в сторону берега. — Нет, видно, мне ни за что не доплыть до суши. Нечего и надрывать свои силы, лучше уж отдохнуть... — и он лег на спину, раскинув руки. — Пойду, как кусок свинца, ко дну, — добавил он, лежа на спине и не сводя глаз со звездного неба. — Собственно говоря не особенно стоит и жить на этом свете», — успокоил он себя.

Вдруг Костлявый почувствовал, что ударился головой обо что-то твердое. Обернувшись, он увидел, что это поплавок от расставленных рыбаками сетей. Одного такого поплавка было достаточно, чтобы продержать его над водой несколько минут, но находчивый юноша, уцепившись

сеть, стал подбирать под себя остальные поплавки, чтобы продержаться на них хотя бы до утра.

«Если рыбаки придут осматривать свои сети поутру, то выудят меня благополучно, — рассудил Костлявый. — Если же отложат это дело до вечера, то найдут мертвеца вместо рыбы. Интересно знать, долго ли еще ждать до утра! — подумал он и вдруг его ухо уловило какие-то новые звуки. — Неужели лодка, это же плеск весел!» — счастливо екнуло сердце матроса.

Вскоре лодка стала видна — очень большая и длинная, она шла на многих веслах.

«Может, это не рыбаки, а контрабандисты, о которых рассказывала нам Могги. Примут ли они меня?» — стал сомневаться Костлявый.

— Эй, лодка! — крикнул он, напрягая все свои силы.— Ведь вы не дадите же утонуть у вас под носом, как щепке, доброй душе?

— Да это Костлявый! — воскликнул Джемми Декс, повернув нос лодки в его сторону.— Я ручаюсь за него, сэр, как за себя,— обратился он к кому-то в лодке.— Это — честный и надежный парень.

— Ну так, ребята, надо вытащить его из воды,— скомандовал сэр Роберт Барклай.

Спустя две-три минуты лодка подошла к тому месту, где как паук в паутине держался Костлявый на рыбачьих поплавках. Его проворно втащили в лодку и усадили против сэра Роберта.

— А на воздухе холоднее, чем в воде,— заметил Костлявый, дрожа всем телом.

— На, накройся этим,— проговорил Джемми, перебрасывая ему теплую куртку,— да выпей глоток из этой фляги, Костлявый. Вот бедолага! Опять ты в какую-то передрягу угодил!

— Э, да ведь это ты — Джемми Декс! Как ты попал сюда?

— Силою обстоятельств. А ты?

— Я тоже!

В этот момент лодка вошла в бассейн и причалила к берегу. Люди моментально приступили к выгрузке товаров, и Костлявый, чтобы согреться, работал наравне с остальными.

— Эй, кого это нам сегодня бог принес?! — воскликнула женщина, которой Костлявый передавал свой товар.— Это никак Костлявый!

— Он самый и есть. А вы здесь как, Могги?

— Это длинная история, но ты-то как сюда попал?

— По морю.

— Так ты теперь, значит, один из наших? Тебе уже нельзя вернуться назад.

— Да я и не хочу назад, но что мне у вас делать?

— А вот пойдем со мной, я тебе покажу — и чем скорее, тем лучше, а то лодка сегодня здесь и часа не пробудет. Они скоро отчалят и уйдут.

Когда лодка ушла обратно в море, женщины продолжали возиться с укладкой товаров, а Костлявый стал в сторонке, прислонясь спиной к одной из скал, и не двигался с места.

— Что ты здесь стоишь, Костлявый? — спросила участливо Могги, подойдя к нему.— Ведь ты, должно быть, прозяб и голоден? Пойдем, я тебе дам чего-нибудь поесть.

— Я не могу, миссис Могги,— ответил Костлявый.— Мне прежде всего хотелось бы знать, не оставил ли здесь кто-нибудь из экипажа своих пожитков — одежды, я хочу сказать.

— Нет, у них ни у кого здесь нет одежды. Они держат все на том берегу, где живут, а у нас здесь есть только женские сорочки, юбки и платки.

— Что же я буду делать? — воскликнул Костлявый.— Ведь моя рубаха без спины, а штаны без зада. Когда они втаскивали меня в лодку, все разорвалось и осталось у них в руках. Вот почему я прижался к стене и не могу сдвинуться с места...

— Ах, бедняга! Ну, мне придется вырядить тебя в женское платье, ведь не стоять же тебе век у стенки!

И добрая женщина проворно раздобыла длинную женскую сорочку, юбку и большой шерстяной платок, а когда юноша переоделся, сама подогнала на нем наряд, и в этом виде представила его леди Алисе и Лили. Девочка сразу подружилась с Костлявым и заслушивалась его рассказами о своих приключениях.

XXXIX. СУДЬБА НАНОСИТ ВАНСЛИПЕРКЕНУ ДВА ЖЕСТОКИХ УДАРА

Поздно вечером того дня, когда Ванслиперкен так удачно отделался от Костлявого, куттер пришел в Портсмут. За это время на судне было немало тревог и волнений — никто из экипажа не знал, что Костлявому пришла в последнюю ночь фантазия спать в шлюпке на корме, и потому его исчезновение казалось матросам положительно необъяснимым. Правда, штурман говорил, что лейтенант вставал ночью, выходил наверх и посылал его за стаканом грога, но все это еще не могло служить доказательством его вины в деле исчезновения Костлявого. Так это исчезновение и осталось загадкой для всех.

Как только судно бросило якорь, Ванслиперкен немедленно отправился на берег, чтобы исполнить свои официальные обязанности и зайти к матери — узнать, каким чудом Костлявый мог уйти из ее рук.

Дверь комнаты старухи он нашел запертой и, полагая, что она ушла купить себе чего-нибудь, решил подождать ее. На лестнице и на площадке не было ни души. Солнце ярким лучом выбивалось из широкой щели под дверью, и Ванслиперкен вздумал заглянуть в комнату, чтобы убедиться, не спит ли старуха в своем кресле. Нагнувшись к щели, он увидел ключ, лежавший на полу, и, думая, что старуха, уходя, подсунула его под дверь, запустил под нее пальцы и достал ключ.

Отворив дверь, он вошел в комнату и увидел, что следы крови на полу замыты и где надо засыпаны песком, но его в первый же момент поразил страшный запах разложения. Это показалось тем более удивительным, что окно комнаты было раскрытым настежь. Инстинктивно он направился к кровати и отдернул одеяло.

Страшное зрелище представилось ему: перед ним лежал потемневший, сильно разложившийся труп старухи. С невыносимым отвращением и задыхаясь от трупного запаха, Ванслиперкен бросился к окну, чтобы вдохнуть в себя свежего воздуха. Ему сделалось так дурно, что некоторое время он был не в состоянии ничего соображать.

— Так она умерла... очевидно, умерла от руки Костлявого,— сказал он себе, и при этом вся картина предстала его воображению: парень очнулся, убил старуху, запер за собою дверь и ушел.

«Да, но я все-таки отомстил за нее!» — подумал он удовлетворенно.

Теперь уже Ванслиперкен совершенно очнулся и стал спокойно сам с собой обсуждать свое положение. Прежде всего он подошел к двери и запер ее на замок: никто не видел, когда он сюда вошел, значит, никто не будет знать, что он тут был. Он возьмет все золото, все сбережения матери и унесет их с собою. Да... Но ключ от дубового сундука всегда висел на поясе у старухи. Как его достать? Надо копаться вокруг этой гадости...

Зажав нос и рот платком, Ванслиперкен стал шарить вокруг трупа. Наконец ему удалось нащупать связку и вытащить ключи. Раскрыв сундук, он нашел в нем не только все то золото, что принадлежало ему, но и сбережения старухи, которые превзошли все его ожидания.

Нагрузив себя золотом настолько, что его тяжесть стала весьма ощутимой, Ванслиперкен запер сундучок, положил ключи в шкаф и вышел из комнаты. Он запер за собой дверь, а ключ, по примеру Костлявого, подсунул под дверь. Выйдя на улицу никем не замеченным, лейтенант поспешил обратно на свое судно, чтобы там припрятать капитал.

«Какой счастливый день,— думал он.— Я наконец избавился и от Костлявого, и от старухи и не только вернул себе свои деньги, но еще унаследовал и все капиталы матери».

На судне он застал предписание немедленно явиться в адмиралтейство, и потому, едва успев запереть свои сокровища, сел в шлюпку и явился к своему начальству. Адмирал вручил ему спешные депеши и приказал немедленно отправляться в Гаагу, где все еще находился английский король.

Ванслиперкен отослал свою шлюпку на судно с приказанием Шорту сниматься с якоря, а сам поспешил забежать за письмами к Лазарусу. Получив опять от еврея щедрое вознаграждение, час спустя Ванслиперкен был уже в открытом море.

Во время плавания, которое на этот раз совершалось при очень благоприятных условиях, Ванслиперкен был занят списыванием казенных депеш и писем, адресованных Рамзаю, в которых заключались чрезвычайно важные сведения о намерениях якобитов, а из различных сообщений и переписки между Рамзаем и другими заговорщиками он узнал о существовании пещеры над бух-

...ет и о том, что там живут одни только женщины. Перечисленны оказались также в письмах имена тех лиц, которые были в пещерах.

Всеми этими сведениями Ванслиперкен рассчитывал со временем воспользоваться.

Прибыв в Амстердам, лейтенант, как обычно, сдал свои депеши, вручил Рамзаю письма от его единомышленников и отправился к вдове. Он сообщил ей о смерти своей матери и о том весьма почтенном состоянии, какое он унаследовал от нее. Вдова, далеко не равнодушная к деньгам, тотчас же осведомилась, куда он девал все эти сокровища. Ванслиперкен честно отвечал, что временно они находятся у него на куттере. У вдовы тут же явилась мысль посоветовать ему оставить деньги у нее на хранение, но в самый разгар ее увещеваний Ванслиперкен спохватился, что ключ от денежного сундука остался на корабле, и, опасаясь, что он забыл его на столе своей каюты, лейтенант поспешил проститься со вдовой и вернуться к себе на судно.

Как только Ванслиперкен прибыл на судно, капрал, уже не спросясь, отправился на берег и полчаса спустя был около вдовы Вандерслуш. Тем временем лейтенант отыскал свой ключ в кармане старой куртки и успокоился. Имея в своем распоряжении теперь достаточно свободного времени, он вздумал посвятить его любезной вдовушке и, приказав подать шлюпку, опять отправился на берег.

Двери дома и маленькой гостиной вдовы были открыты настежь, так как погода стояла жаркая.

Ванслиперкен вошел незаметно и — о, ужас! — увидел вдову в объятиях капрала. Ванслиперкен застыл как громом пораженный, а влюбленные были слишком поглощены собою, чтобы сразу заметить его присутствие.

Когда же капрал наконец обернулся, чтобы взять со стола свою кружку пива, и увидел Ванслиперкена, то был поражен не менее последнего. В таких случаях люди действуют не размышляя — капрал машинально вытянулся самым исправным образом перед своим начальством, приложился рукой к виску за отсутствием головного убора и так остался стоять недвижим, как деревянное изваяние. Теперь и вдова увидала лейтенанта и, сразу поняв, что хитрить нечего, с равнодушным видом сказала:

— Ну-с, мистер Ванслиперкен, подслушивали, как возится?

— Чтобы крыша этого дома обрушилась на тебя, двуличная женщина! — заорал вне себя лейтенант.

— Двуличная?! — подхватила вдова.— Это мы посмотрим, кто двуличный! Погодите же, Ванслиперкен, вы, верно, не знаете, что я могу вас повесить, когда только захочу! Сколько гиней ему отсчитал этот господин на ваших глазах там, в доме через дорогу от меня? — торжествующе поинтересовалась вдова у своего друга.

— Пятьдесят гиней, миссис Вандерслуш,— гаркнул капрал.

— Это ложь! Подлая ложь! — воскликнул Ванслиперкен, выхватив свою саблю.— Предатель, изменник! — крикнул он, устремляясь на капрала.

Но Бабетта предупредила удар: вооружившись веником, она ударила им лейтенанта прямо в лицо, а вдова, вооружившись вторым, отпарировала следующий удар, предназначавшийся ее возлюбленному, который все это время стоял как истукан в той же почтительной позе перед своим начальником.

Ванслиперкен не унимался. Им овладело настоящее бешенство: снова и снова устремлялся он с занесенной саблей на капрала и опять и опять был отражен его мужественными защитницами, вооруженными здоровыми вениками-голиками.

— Вон из моего дома! — кричала вдова, обезумев от гнева.

Ванслиперкен волей-неволей принужден был отступить сначала в сени, а затем на улицу.

Вдова в изнеможении опустилась на диван, капрал сел подле нее, и тогда только нервы ее не выдержали — миссис Вандерслуш разрыдалась.

— Нет, я завтра же заставлю правительство его повесить! Я сама отправлюсь в Гаагу! — кричала вдова.— Ведь вы можете все засвидетельствовать, капрал!

— Да,— отозвался тот.

— И как только его повесят, мы повенчаемся.

— Да, да,— вторил, преданно глядя на нее, жених.

— Да, господин Ванслиперкен, вы будете повешены! И ваша бесхвостая собака вместе с вами или я — не вдова Вандерслуш!

— Майн Гот, да! — подтвердил капрал.

XXXI. ЛЕЙТЕНАНТ ВАНСЛИПЕРКЕН ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СВОЕЙ ПРЕДАННОСТИ КОРОЛЮ

Взбешенный и озлобленный допельзя, Ванслиперкен вернулся на судно и в порыве отчаяния бросился на свою кровать лицом в подушку. Долгое время не мог он очнуться от обрушившихся на него так неожиданно несчастий: обманут вдовой, обманут капралом, который не только осмелился отбить у него вдову, но еще и оказался по отношению к нему изменником и предателем. А ведь это — человек, которому он так безусловно доверял и которому были известны слишком многие из его тайных дел и махинаций. Нет, это положительно ужасно. А эта ужасная женщина!... Она, конечно, не упустит случая донести на него, изобличить в измене, в предательстве... Ванслиперкену в какой-то миг показалось, что он уже чувствует на своей шее петлю.

В это самое время в доме вдовы происходило совещание между хозяйкой дома и ее женихом. Конечно, капрал теперь не мог рассчитывать ни на что другое, кроме самой ярой враждебности со стороны своего начальника, но, с другой стороны, Ванслиперкен его должен бояться. Кроме того, теперь весь экипаж и вся его собственная команда были на его стороне, так что опасаться вроде бы нечего. Вдова же решила, что завтра поутру поедет в Гаагу и донесет на Ванслиперкена, ссылаясь на свидетельские показания капрала.

— Да, но если меня спросят, каким образом я сам попал в дом иезуита, что я скажу? — пытался остановить невесту капрал.

— Вы скажете, что этот иезуит послал за вами и делал вам предложение стать изменником и предателем, но что вы не согласились,— тут же нашлась вдова.

— Великолепно! Это будет убедительно,— обрадовался капрал.

После этого он вернулся на судно и, не являясь к лейтенанту, прошел к себе и завалился спать.

Между тем Ванслиперкен тоже обдумывал, что ему делать, и решил, что и он поедет также в Гаагу завтра поутру и передаст кому-нибудь из министров или самому королю переписку Рамзая с его единомышленниками. «Конечно,— рассуждал Ванслиперкен,— этим я подвергну

себя опасности со стороны Рамзая и его сообщников, но правительство должно защитить меня от них».

Как офицер, командующий королевским куттером, Ванслиперкен был принят немедленно. Очутившись в присутствии герцога Портландского и лорда Альбемарля лейтенант сконфузился, растерялся, не зная, с чего начать, и наконец объявил, что ему удалось раскрыть замыслы якобитов.

Герцог Портландский, видимо, начинал терять терпение.

— Я имею письма заговорщиков, и передать их содержание в нескольких словах будет трудно...— с трудом собираясь с мыслями, начал лейтенант.

В этот момент дверь отворилась, и вошел король.

— Вот, ваше величество, лейтенант Ванслиперкен, командующий одним из судов вашего величества, привез важные сведения и некоторые бумаги якобитов.

— В самом деле? — воскликнул король, обращаясь уже прямо к Ванслиперкену.— Лейтенант Ванслиперкен, скажите мне, в чем дело, что вы имеете сообщить нам?

Ободренный милостивым тоном короля, Ванслиперкен попросил его величество сначала дать себе труд прочитать принесенные им копии, а затем позволить рассказать, каким образом эти бумаги попали к нему в руки.

Король согласился и тут же приступил к чтению копий. Когда было прочтено последнее письмо, король попросил объяснить, каким образом лейтенант добыл эти бумаги.

Тогда Ванслиперкен рассказал, что люди его экипажа посещали один луст-хауз и что он, иногда заходя туда для наблюдения за своими подчиненными, познакомился с хозяйкой этого заведения, вдовой Вандерслуш. Эта-то вдова и просила отвезти в Англию несколько писем ее друзьям и призналась ему, что это для якобитов. Он сделал вид, что согласен. Тогда вдова отвела его в дом жившего напротив нее иезуита, и тот, вручив письма, дал ему за его услуги пятьдесят гиней.

Кроме того, Ванслиперкен поведал, как он вскрывал и снимал копии со всех этих писем и что несколько времени тому назад привез сюда одного из заговорщиков, который поселился в доме синдика ван Краузе. Лейтенант закончил свой рассказ сообщением, что он намеревался донести обо всем этом раньше, но выжидал более важных сведений.

— Вы вели опасную игру, лейтенант,— заметил ему лорд Альбемарль,— вас могли накрыть прежде, чем вы сделаете это сообщение, и признать действующим заодно с изменниками.

— Я знал, что рискую головой в этом деле, но это — обязанность слуги своего государя и отечества,— гордо ответил Ванслиперкен.

— Прекрасно сказано,— одобрил герцог.— Скажите, где находятся пещеры, о которых здесь в письмах упоминается.

— На побережье острова Уайт.

— Не знаете ли вы, кто их агенты в Портсмуте? — продолжал спрашивать король.

— Старик Лазарус с Малой Оранж-Стрит и одна женщина по имени Могги Салисбюри, муж которой служил у меня боцманом на судне, но затем чьими-то заботами получил отставку и был отчислен с него.

— Лорд Портландский, заметьте это обстоятельство и постарайтесь разузнать, кто хлопотал за этого Салисбюри. А вы теперь можете идти, господин лейтенант. Мы призовем вас после, а до тех пор мы должны хранить все это в тайне.

— Я имею исполнить еще один долг,— проговорил вдруг Ванслиперкен, доставая из кармана сверток золотых монет.— Это — деньги, полученные мной от изменников. Офицеру, честному слуге короля, не подобает пользоваться этими деньгами.

— Вы правы, лейтенант. Эти деньги должны принадлежать казне, следовательно, мне,— проговорил король.— А я, король, дарю их вам за вашу верную службу.

Ванслиперкен положил золото обратно в карман, низко поклонился королю и удалился.

Сознавая, что он мáстерски воспользовался своим положением, лейтенант уезжал из дворца счастливый и довольный, в то время как вдова Вандерслуш подъезжала ко дворцу. Он взглянул на нее насмешливо и свысока, а она процедила сквозь зубы:

— Погодите немного, мистер Ванслиперкен, посмотрим, на чьей улице будет праздник!

По уходе Ванслиперкена король задумчиво промолвил:

— Что эти копии тождественны оригиналам писем заговорщиков, кажется, не подлежит сомнению...

— Да, я того же мнения,— кивнул лорд Альбемарль,—

но... я очень сомневаюсь в верности и преданности этого офицера вашему величеству. Не говорю уже о том, что гораздо естественнее было бы ему, взявшись за такое дело, предоставить своему правительству первую же такую бумагу, чтобы обезопасить себя и получить разрешение на дальнейшее продолжение задуманного им дела. Возьмем только то, что ему в течение более двух лет поручалась доставка всех королевских и государственных депеш и что человек, решавшийся вскрывать и переписывать письма, доверенные ему его знакомыми, может сделать то же самое и с депешами своего правительства.

— Да, это, может быть, правда,— также задумчиво согласился король.

— Мингер ван Краузе был заподозрен в измене, и показания этого офицера подтвердили эти подозрения, но вспомните, из-за чего они возникли? Ван Краузе знал все государственные тайны, которые могли доходить до него не иначе как через посредство доверенного нашего лица, которое злоупотребляло нашим доверием. Теперь, мне кажется, ясно, что мингер Ванслиперкен получал эти сведения тем же самым путем, каким и копии с писем заговорщиков. Я, конечно, могу ошибаться, но что-то в наружности этого человека решительно говорит мне...

— Что?

— Что он изменник по отношению и к тем и к другим.— Лорд вопросительно посмотрел на короля.

— Все это вскоре можно будет проверить,— сказал король,— но прежде всего нам следует решить вопрос, как поступить с теми, на кого он донес. Об этом мы и поговорим на совещании.

Вскоре было решено, что ровно в полночь полиция проникнет в дома синдика ван Краузе, вдовы Вандерслуш и отца-иезуита. Эти преступники, равно как и все другие заговорщики, которых застанут у них, будут немедленно отвезены в тюрьму, а куттер будет отправлен столь же срочно в Англию с приказанием арестовать всех лиц, указанных Ванслиперкеном, пещеры же — атаковать с помощью армейских соединений и всех, кого там найдут солдаты, захватить в плен. Кроме того, адмиралу предписывалось в качестве руководителя и главного действующего лица при атаке и взятии пещер на скале и при аресте указанных лиц использовать лейтенанта Ванслиперкена.

XXXII. МНОГО ВОЛНЕНИЙ, МНОГО ХИТРОСТЕЙ И КОНТРХИТРОСТЕЙ

Не прошло и двух часов после совещания, на котором была решена участь заговорщиков якобитской партии, как Рамзай получил через одну старушку, которая тотчас же ушла, небольшую записку с сообщением обо всем, что было решено на совещании.

Размышлять было некогда. Не теряя ни минуты драгоценного времени, Рамзай отправил доверенное лицо к отцу-иезуиту с извещением о случившемся и с просьбой оповестить о том остальных, а другую записку — Ванслиперкену, с требованием немедленно явиться к нему. Сам он прошел к Вильгельмине и сообщил ей, что правительство намерено сегодня ночью схватить её отца и его самого по обвинению в государственной измене и засадить их в тюрьму.

— Что касается вашего отца, дорогая моя, то его оправдают, это не подлежит сомнению, но я, Вильгельмина, должен бежать немедленно, так как рискую жизнью.

— Вы покинете меня, Эдуард? — спросила девушка со слезами на глазах.

— Нет, дорогая, вы должны ехать со мной,— твердо ответил Рамзай.

— Но могу ли я бросить отца в такую минуту?

— Вы спасете его этим. Ваше бегство со мной будет доказательством его невиновности. Решайте: или вы последуете за мной или мы расстанемся навсегда.

После мучительной борьбы с собой Вильгельмина наконец согласилась и, обливаясь слезами, пошла собираться в дорогу, а Рамзай прошел в комнату синдика и сказал, что имеет сообщить ему нечто чрезвычайно важное.

— Что же это такое, мой юный друг? — спросил озадаченно синдик.

— Я узнал сейчас от одного лица, присутствовавшего на тайном совещании короля с его приближенными, что вы заподозрены в государственной измене и будете сегодня ночью арестованы и посажены в тюрьму.

— Боже правый! Это меня-то в тюрьму, меня, синдика города Амстердама! — синдик в ужасе закрыл лицо руками.

— Да. Такова благодарность вашего короля за долгую и верную службу. Но надо решить, что делать.

Если хотите бежать, я имею возможность устроить ваше бегство.

— Бежать? Нет, никогда! Они, конечно, могут в чем-то обвинить меня, могут казнить или сгноить в тюрьме, но бежать я не согласен.

— Я так и думал! — воскликнул Рамзай.— Но предусмотрительность требует, чтобы вы позаботились о своих капиталах и когда будете оправданы, не остались бы нищим. Кроме того, у вас есть дочь, о ней тоже надо подумать.

— Вы правы, дорогой. Я в прошлый раз последовал вашему совету и теперь вручу вам чеки на все мои капиталы, которые хранятся в Гамбурге и Франкфурте. Но что будет с моей бедной дочерью?

— Вы можете доверить ее мне,— мягко сказал Рамзай, и черные глаза его засияли.

— О, добрый друг мой! Как мне благодарить вас за вашу преданность! Вы останетесь здесь и будете ее ангелом-хранителем и хранителем моего дома и имущества?

— Я? Я не могу оставаться здесь ни минуты! — воскликнул Рамзай.— Я рискую головой! Меня также обвиняют в измене, а я — англичанин, и у меня много врагов, от которых мне не спастись. Вас же я могу совершенно обелить, и я это сделаю. О вашей дочери я тоже позабочусь. Она не останется здесь, я отправлю ее в надежное место. Доверьтесь мне, ван Краузе.

— Я доверяю вам вполне, мой добрый, мой истинный друг, и благодарю вас за все,— растроганно сказал почтенный синдик.

Что касается вдовы Вандерслуш, то она, прибыв в королевский дворец в Гааге, приказала доложить, что имеет нечто весьма важное королю. Но о ней доложили не королю, а только лорду Альбемарлю, который, услыхав знакомое имя, приказал пригласить ее к себе в приемную.

— Это та самая женщина, которая должна быть арестована по доносу лейтенанта Ванслиперкена. Вероятно, мы сейчас узнаем еще кое-что интересное,— довольно проговорил он, обращаясь к своим собеседникам.

Вдова Вандерслуш, пересыпая свою речь угрозами, обращенными к Ванслиперкену, рассказала почти одним

духом всю историю злосчастного лейтенанта. Лорд Альбемарль слушал ее не прерывая, и когда она закончила свой рассказ, спросил, знает ли она, что Ванслиперкен уже был здесь.

— Да, я его видела, когда он уезжал отсюда,— честно призналась вдова.

— Он обещал вас и замочить,— медленно произнес лорд.

— Мочи?! — воскликнула она.— Ах, погодяй!

И вдова снова одним духом рассказала всю историю с ним, с его собакой, про свою помолвку с капралом, описала вчерашнюю сцену избиения лейтенанта веником и сообщила о своей угрозе донести на него.

— Все, что вы нам сказали, миссис Вандерслуп, я не забуду, а сейчас советовал бы вам отправиться домой и ждать, пока мы вас не потребуем опять.

— Я готова явиться во всякое время. Посмотрим, мистер Ванслиперкен, кто кого! — сердито пробормотала она, после чего, сделав реверанс, как фрегат на всех парусах выплыла из приемной.

— Ну, что вы на это скажете, сэр? — спросил лорд Альбемарль, когда за вдовой захлопнулась дверь.

— Я того мнения, что этот человек рожден для того, чтобы быть повешенным,— сказал герцог Портландский.

...Между тем Ванслиперкен, получив записку Рамзая, поспешил явиться и уведомить последнего о том, что получил приказание немедленно отправиться в Портсмут. При этом лейтенант надеялся почерпнуть из писем Рамзая дальнейшие важные сведения, рассчитывая сообщить их своему правительству, и тем еще более доказать свое усердие и верноподданнические чувства. Рамзай принял Ванслиперкена даже более любезно, чем обыкновенно, и просил садиться.

На сообщение лейтенанта, что он получил приказание отплыть сегодня вечером, Рамзай сказал, что намерен плыть в качестве пассажира на его куттере и что он будет иметь при себе очень большую сумму денег звонкой монетой, которую надо постараться незаметно принять на судно.

— Большую сумму звонкой монетой! — повторил Ванслиперкен, соображая, как, заманив Рамзая на судно, сделать его своим пленником. После этого можно будет объявить этого выскочку изменником и государственным

преступником, а все деньги присвоить себе, так как о них никому не будет известно.

— Это будет довольно трудно сделать, мистер Рамзай! — наконец радостно выдохнул он.

После недолгого обсуждения вопроса было решено, что куттер снимется с якоря и отойдет мили на полторы в море, а часов около одиннадцати ночи Рамзай подойдет к нему на вельботе синдика. На оклик с вельбота ответят: «Королевский посланный с депешами». После этого ящик со звонкой монетой будет принят на куттер, равно как и сам пассажир. На корме судна будет зажжен фонарь, по которому Рамзай узнает, где оно находится.

Условившись таким образом, Ванслиперкен удалился совершенно довольный собой, нимало не подозревая, что его игра открыта, а измена разоблачена.

В девять часов вечера на куттер прибыли королевские депеши и были приняты самим Ванслиперкеном, а в десять часов он снялся с якоря и вышел в море, приказав зажечь фонарь на носу. Отойдя мили на полторы от берега, лейтенант скомандовал судну лечь в дрейф, и около одиннадцати ночи к нему подошла длинная десятивесельная лодка. Когда ее окликнули с судна, прозвучал ответ: «Королевский посланный с депешами», но едва успела лодка причалить, как десятка полтора вооруженных людей выскочили на палубу куттера, а вслед за ними Рамзай с пистолетом и обнаженной шпагой в руке.

Загнав экипаж вниз, Рамзай пошел прямо на Ванслиперкена и, подойдя к нему вплотную, с нескрываемым презрением произнес:

— Я, как видите, принял необходимые меры предосторожности и теперь должен свести с вами кое-какие счеты!

Поняв, что его измена и предательство известны, лейтенант до того растерялся, что кинулся на колени, прося пощады, но в этот момент его враг отвернулся, чтобы отдать необходимые распоряжения. Ванслиперкен со всех ног кинулся на нижнюю палубу.

— Ничего, пусть себе побегает,— проговорил спокойно Рамзай,— все равно он здесь не уйдет от меня. Ребята,— приказал он своим людям,— живо поднимайте ящики на судно! Вот так! Надо спешить!

После этого он подошел к лодке, помог переодетой мальчиком Вильгельмине взойти на судно и проводил

ли в капитанскую каюту, куда вскоре были внесены и мешки со звонкой монетой. Вельбот был привязан к корме куттера, паруса поставлены, и несколько минут спустя судно, которым теперь совершенно овладели заговорщики, под управлением нового штурмана быстро пошло вперед.

XLII. ВСЕ ОЧЕНЬ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Трусливое отступление Ванслиперкена не было замечено никем из его экипажа. Все сначала думали, что он наверху. Лейтенант же бежал в посовую часть и там скрылся не только от заговорщиков, но и от своего собственного экипажа, крайне удивленного таким неожиданным нападением на куттер в мирное время.

Все оружие хранилось в каюте командира, а каюта эта была теперь занята неприятелем, около нее даже был поставлен сильный караул.

— Ну я, признаться, ничего понять не могу,— сказал Кобль.— В мирное время быть взятыми на абордаж! Да это настоящий разбой! И думается мне, что в этом деле Ванслиперкен не без греха.

— Да,— сказал Шорт.

— Как бы то ни было, но я не намерен сидеть здесь взаперти. Сколько бы их там ни было, все же их должно быть меньше, чем нас. Неужели мы не попробуем добыть оружие и сделать против них вылазку?

— Майн Гот, все оружие в каюте, у нас здесь одни штыки да пары три пистолетов,— сказал капрал.

— У нас есть аншпуги! — воскликнул Биль Спюри.— Давайте их сюда.

— Лучше подождем до утра,— заметил Кобль.

— Да,— сказал Шорт.

— Но что они могли сделать со шкипером? Он точно в воду канул, а собаку его выгнали из каюты,— недоумевал Спюри.

Матросы принялись собирать и готовить оружие. Решено было, как только рассветет, сделать нападение на караул у дверей каюты.

Тем временем Рамзай, Вильгельмина и иезуит, расположившись в каюте капитана, нашли и вскрыли все депеши короля, ознакомились с их содержанием, и если бы не желание спасти своих друзей в Портсмуте и на

острове, то Рамзай направил бы судно прямо в Шербург. Но надо было успеть предупредить контрабандистов, и потому он решил идти сперва к острову.

В это время экипаж судна, устроив баррикаду из своих коек и гамаков и распределив между собой шесть пистолетов и двести патронов, произвел атаку на стражу у дверей каюты.

Экипаж «Юнгфау» первым открыл огонь и ранил одного из людей Рамзая. Те отвечали тем же, но за своею баррикадой матросы были неуязвимы.

Имея уже несколько человек раненых и боясь обессилить свою команду еще более, Рамзай решил покинуть каюту капитана. Через верхние люки они с монахом вытащили на палубу ящики с золотом, затем помогли выбраться туда же Вильгельмине, и все бежали наверх, заперев решетки всех люков. У каждого люка Рамзай расставил вооруженных людей, которые не давали никому показаться вблизи решетки, целясь прямо в голову. Весь день куттер оставался на военном положении, и даже ночью было сделано со стороны матросов несколько попыток вырваться на палубу,— но заговорщики не дремали.

Судно шло со свежим попутным ветром, искусно управляемое опытной рукой. Вся нижняя палуба теперь была во власти экипажа, но выйти наверх никому так и не удалось. На следующее утро был уже виден остров Уайт. Рамзай страшно спешил прибыть скорее к цели, так как ни он, ни Вильгельмина и никто из его людей за все это время ничего не ели. Около полудня куттер подошел к Черному хребту.

Сначала Рамзай думал удержать за собою судно и перевезти на нем в Шербург всех своих единомышленников с острова и из Портсмута, но теперь это уже было невозможно. Шесть человек из его команды были ранены, и он не мог отправиться в бухту на своем вельботе, оставив на судне недостаточное количество людей, чтобы отстоять его от экипажа. Таким образом, ему оставался только один выход: погрузить в вельбот свои сокровища и вместе с Вильгельминой и остальной своей командой отправиться на остров, а уже оттуда оповестить всех своих единомышленников в Портсмуте и предложить соединиться с ним и контрабандистами на острове, чтобы вместе отразить предстоящее нападение.

Принимая в расчет неблагоприятный ветер, Рамзай

решил, что куттер не скоро придет в Портсмут и можно успеть предупредить вовремя портсмутских единомышленников. Но — увы! — при отступлении из каюты забыты были на столе королевские депеши. Если бы они были уничтожены, это дало бы заговорщикам вполне достаточно времени для бегства во Францию, так как дубликаты этих депеш могли бы прийти в Портсмут не ранее как через неделю. Теперь же Ванслиперкен тотчас по приходе в Портсмут сможет представить их начальству, которое и распорядится тут же арестовать всех заговорщиков и занять пещеры на острове.

Но делать было нечего,— депеши уже оставлены неприятелю, и люди Рамзая под его руководством уложили ящики с золотом и своих раненых в вельбот, заняли места на скамьях и отчалили от судна, предоставив его воле судеб.

Экипаж вскоре заметил, что неприятель покинул судно, и поспешил выбраться на верхнюю палубу.

— Что же нам теперь делать? — спросил Кобль, показывая рукой на спущенные паруса.— Смотрите, ребята, ведь они перерезали все ванты и снасти. Экие негодяи!

— Будет работка! Сколько времени с этим провозимся,— заметил Спюри.

— Кой черт! Что они со шкипером сделали? За борт его бросили или с собой увезли?

— Да,— сказал Шорт.

— Я бы хотел посмотреть, как его вздернут,— сказал Кобль.

— Теперь, когда его повесили, давайте, ребята, повесим и его пса. Ура!

— Я сейчас приведу его,— вызвался капрал.

— И ты посмеешь, негодяй!? — заорал чей-то голос, и Ванслиперкен с саблей наголо устремился на капрала.

Тот взял под козырек и встал навытяжку.

— Откуда черт его принес? — пробормотал Спюри.

Шорт только пожал плечами.

Приступили к исправлению снастей, но когда все было готово, наступил такой мертвый штиль, что куттер не мог двинуться с места.

XLIII. ПИСЬМА РАМЗАЯ

Сдав на руки Рамзаю ящики с золотом и закрыв свою контору, синдик ван Краузе поднялся наверх в свою гостиную и попросил Вильгельмину прийти к нему, но девушка послала прислугу сказать, что она укладывается. Около половины одиннадцатого он еще раз послал за нею, но ему доложили, что Вильгельмины нигде не могут найти. В комнате Рамзая слуга обнаружил письмо на имя синдика. Ван Краузе тут же распечатал его и прочел:

«Дорогой и многоуважаемый сэр! Не найдя пока подходящего убежища для вашей дочери, я позволил себе увезти ее с собой на королевском куттере. А так как пребывание в обществе молодого мужчины может показаться и ей и вам неудобным, то мы решили, прибыв в порт, тотчас же повенчаться, на что заранее испрашиваю ваше разрешение. Что же касается вас самих, то будьте спокойны: я надеюсь, что оправдаю вас в глазах правительства и короля. Отвергайте всякого рода обвинения и действуйте смело в сознании своей правоты. Надеюсь, что мы вскоре увидимся. Тогда я возвращу вам доверенные мне деньги и бумаги.

Преданный вам Эдуард Рамзай».

— Какой прекрасный молодой человек! — воскликнул растроганно синдик ван Краузе.

Почти одновременно с этим письмом, которое читал с таким умилением синдик Амстердама, лорд Альбемарль, игравший в карты с герцогом Портландским, также получил письмо с надписью: «Крайне важное и безотлагательное». Но, очевидно, его светлость посчитал, что карточная партия несравненно важнее и безотлагательнее, а потому, отложив в сторону письмо, герцог продолжал играть в карты. Время было уже далеко за полночь, когда он, окончив партию, вспомнил о письме и, отойдя немного в сторону, вскрыл наконец пакет и прочел следующее:

«Лорд Альбемарль, я обращаюсь к вам с целью избавить правительство от печальной ошибки и снять с вашей совести осуждение невинного человека. Мое имя Рамзай. Можете быть уверены, что в момент, когда вы получите это письмо, меня уже не будет в Голландии,

я потому и могу и хочу сказать вам теперь всю правду. Я прибыл в Амстердам на королевском куттере под командой лейтенанта Ванслиперкена, снабженный рекомендательными письмами к синдику ван Краузе, который, основываясь на этих письмах и считая меня ярым приверженцем Вильгельма Оранского принял в свой дом и относился ко мне, как к другу. С помощью лейтенанта Ванслиперкена я получал копии или выдержки со всех государственных и королевских депеш, которые он вскрывал и вновь запечатывал подложными печатями. Но он делал это не только с государственными бумагами, а также же и с моими письмами, и оказался изменником и той и другой стороне, несмотря на то, что получал от меня щедрое вознаграждение за свое предательство.

Сведения, какие имел мистер ван Краузе, он получал от меня. Я сообщал их ему, чтобы возбудить в нем доверие к себе и уверить в том, что я доверенное лицо при английском дворе, что мне и удалось. Мистер ван Краузе никогда не знал меня с другой стороны и по сей день еще не знает, что я — якобит. Прилагаю дубликаты государственных депеш, сделанные собственной рукой Ванслиперкена, и надеюсь, что они докажут правоту достойного и уважаемого синдика, о которой вам в этом письме свидетельствует хотя и якобит и, если хотите, обвиняемый в государственной измене, но неспособный вам солгать честный человек».

— Это еще раз подтверждает мои подозрения,— сказал лорд Альбемарль.

XLIV. ПОХОД ПРОТИВ ЮБОК

Прибытие на остров Рамзая и его спутников было совершенно неожиданным, и часовые у пещеры, полагая сначала, что это повая высадка десанта с королевского судна, немедленно приняли все меры к обороне, заранее отработанные контрабандистами на случай внезапного нападения.

Костлявый, который на этот раз стоял на часах с мушкетом в руках, но по-прежнему в юбке, не прикрывавшей его тощих длинных ног, грозно откликнул незва-ных гостей:

— Кто идет?

Группа людей с ящиками на спине как раз подошла к тому месту, где спускалась лестница, которая теперь, конечно, была убрана наверх.

— Друзья! — ответили снизу на оклик.— Скажите миссис Алисе, что прибыл Рамзай.

Костлявый, как было положено, сообщил о высадке людей миссис Алисе и, вернувшись, отвечал:

— Проходи, Рамзай! Все благополучно! — Затем, сделав на караул своим мушкетом, одним прыжком очутился на нижней площадке и спустил лестницу.

Как только Рамзай с Вильгельминой поднялись наверх, все наличные людские силы были употреблены на то, чтобы как можно скорее внести в пещеры ящики с золотом.

Рамзай представил Вильгельмину леди Барклай и рассказал об всем случившемся и о том, чего следовало ожидать в скором будущем.

Нельзя было терять ни минуты времени, и Нанси Корблитт была немедленно отправлена в Портсмут — предупредить всех живущих в этом городе друзей и единомышленников о грозящей им опасности и уговорить немедленно перебраться на остров в пещеры для общей обороны.

Нанси в ту же ночь прибыла в город, и якобиты до рассвета по двое, по трое и в одиночку перебирались на остров в лодках рыбаков и перевозчиков: все в женском платье, кто с корзиной раков, кто — овощей, кто с другими припасами. К рассвету все до единого покинули город.

В селении Райд их ожидала Могги Салисбюри, которой была знакома дорога в пещеры. Под ее предводительством отдельными группами в несколько человек потянулись заговорщики через весь остров к Черному хребту.

Тотчас по прибытии всех единомышленников на вершины Черного хребта начались самые энергичные приготовления к серьезной осаде. Всем распоряжался Рамзай, так как сэр Роберт был на том берегу и никто не знал, когда он прибудет. Об этом все очень сожалели: экипаж его шлюпа удвоил бы силы защитников пещеры или же дал бы возможность всем находящимся на острове якобитам переправиться, если представится удобный

случай, на тот берег, прежде чем войска успеют атаковать их неприступную крепость.

Нанси не была заподозрена в государственной измене и потому осталась в Портсмуте наблюдать, как она выражалась, за действиями неприятеля.

Куттер прибыл в город лишь на второй день после того, как был покинут Рамзаем, поздно вечером, и Вандерслиперкен явился с донесением и депешами к командиру порта только на следующее утро. Тогда-то и начались суета и приготовления к походу на якобитов. Пользуясь всеобщей сутолокой, Нанси поспевала всюду.

Ей без труда удалось узнать, какие именно части войск будут отправлены на остров, кто ими будет командовать, что предполагается сделать и как действовать. В ходе этого расследования у нее появилась блестящая идея, которую она тотчас же осуществила. Пробравшись поближе к казармам, она столкнулась со знакомым ей сержантом Таннером.

— Правда ли, сержант, что вы собираетесь в поход? — игриво поинтересовалась Нанси.

— Да, миссис Корблитт, и мне приказано отправляться в числе первых штурмовать остров,— гордо ответил сержант.

— С чем вас могу и поздравить! Вы всех сразите и победите! Ха-ха-ха!.. А знаете, против кого вы идете сражаться? — продолжала свою игру Нанси.

— Против кого? Против контрабандистов, горсти отчаянных парней, говорят.

— Против контрабандистов?! Да на острове их нет ни одного. Ха-ха-ха! Там находятся одни только женщины. Славный поход против юбок! Ха-ха-ха! Целый отряд солдат, сержантов, капралов, обер-офицеров, лейтенант, майор — все это отправляется воевать с юбками. Да все вас теперь будут называть женоубийцами!

— Да неужели вы говорите правду, Нанси? — озадаченно сказал слышавший весь этот разговор лейтенант Диллон.

— Клянусь честью, там одни только женщины,— подтвердила девушка.— Посмотрим, кто будет лучше драться, солдаты или бабы! Смотрите, не осрамитесь перед женщинами — они там все, говорят, отчаянные,— и Нанси округлила глаза.

— Как это неприятно! Я не позволю своим людям стрелять в женщин. Это ни на что не похоже! Но, если

не ошибаюсь,
покинули кут
тенант.
— С сорок
Но неужели вы
вы отнимите
люди на своей
с собой все св
гополучно при
одного из эти
милой, пригла
я здесь забо
убийцы! Ха-
удалилась.
Лейтенант
церам. Наков
майора. Он бы
вился объясн
— Действ
одни женщин
— В тако
ции ни славы
— Зато з
вам команди
адмирал,— а
Майор ни
ный и раздос
«Сражать
конца жизни
мали и его
воевать с же
Нанси, в
ту же ноч
Шлюп и лод
таны в ущел
Нанси со
прибавив, ч
щитникам п
этим способ
помощью св
Сэр Робе
мужчин и о
ское населе
на головы к

не ошибаюсь, там должны быть и мужчины,— те, что покинули куттер и пристали к острову,— заметил лейтенант.

— С сорока шестью ящиками золотой монеты, да?! Но неужели вы думаете, что они будут дожидаться, когда вы отнимите у них это золото? Еще вчера в ночь эти люди на своей лодке переправились на тот берег, увозя с собой все свои драгоценности, и теперь, вероятно, благополучно прибыли в Шербург. Я это знаю из письма одного из этих людей, который написал об этом своей милой, приглашая и ее переселиться во Францию. Однако я здесь заболталась, мне пора идти. Прощайте, женоубийцы! Ха-ха-ха! — И Нанси, весьма довольная собой, удалилась.

Лейтенант передал услышанное от Нанси другим офицерам. Наконец это дошло и до командующего отрядом майора. Он был крайне раздосадован и немедленно отправился объясняться с адмиралом.

— Действительно, и в депеше говорится, что там одни женщины,— подтвердил слухи адмирал.

— В таком случае мы не дождемся от этой экспедиции ни славы, ни чести,— заметил майор.

— Зато за вами останется честь исполнения данного вам командиром предписания, майор Линкольн,— сказал адмирал,— а для доброго солдата и это немало.

Майор ничего не ответил и удалился, весьма недовольный и раздосадованный.

«Сражаться против женщин — да это же позор до конца жизни»,— негодовал он на командование. То же думали и его подчиненные, когда узнали, что им предстоит воевать с женщинами.

Нанси, веселая и счастливая, вернулась в пещеру, в ту же ночь прибыл и сэр Роберт со своими людьми. Шлюп и лодка Рамзая были втащены на скалы и запрятаны в ущельях.

Нанси сообщила сэру Роберту о том, что она сделала, прибавив, что всего благоразумнее теперь было бы защитникам пещеры переодеться в женское платье, так как этим способом они скорее освободятся от врага, чем с помощью своих мушкетов.

Сэр Роберт, признав эту мысль резонной, созвал всех мужчин и объяснил им в чем дело, после чего все мужское население пещеры переоделось в юбки и накинуло на головы косынки и платки.

XIV. АТАКА ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТБИТА

Около часа пополудни королевские войска были посажены на шлюпки и под начальством майора Ливкольва двинулись к острову, где и высадились спустя четверть часа на берег. Увидав лодки контрабандистов, солдаты несколько приободрились, рассчитывая теперь не без основания, что, вероятно, в пещерах не одни только женщины.

Оказавшись на нижней площадке, находившейся непосредственно под той, которая была двором перед пещерой, отряд никак не мог найти дороги — кругом стояли отвесные скалы.

— Стой! — скомандовал майор, видя, что нет никакой возможности идти дальше.

Около часа пропскали они ход к пещере и не нашли. Тогда майор и подчиненные ему офицеры решили, что в таком случае они могут без всякого кровопролития с чувством исполненного долга спокойно вернуться обратно. Все обошлось бы как нельзя лучше, если бы в тот момент, когда солдаты садились в шлюпки, чтобы вернуться на судно, Могги Салисбюри, исполнявшая в это время обязанности часового, не вздумала в качестве знамени победы поднять на шест пеструю женскую юбку и тем не выдала, где именно находится пещера.

Один из солдат, увидев этот импровизированный флаг, указал на него своему командиру, который после этого не счел себя вправе отступать и приказал всем вернуться обратно, чтобы атаковать пещеру, как ему было предписано. Солдаты, словно муравьи, медленно, но упрямо, стали взбираться вверх по скалам, а Могги с ружьем на плече мерным шагом по-прежнему спокойно расхаживала по краю обрыва. Ее вскоре заметили снизу, и по всей линии наступающих прошел ропот. Когда майор выступил вперед, она крикнула:

— Эй, солдаты, что вы здесь делаете? Уходите подобру-поздорову, не то я кому-нибудь всажу пулю в куртку на память!

— Мы не желаем делать вам зла, добрая женщина, но вы должны сдаться! — крикнул майор.

— Сдаться?! — воскликнула Могги. — Кто смеет говорить о сдаче? Эй, подруги, поднимите наш флаг!

Через несколько секунд женская сорочка взвилась на флагштоке.

Солдаты громко засмеялись.

— Но, голубушка, мы должны исполнить предписание нашего начальства, — продолжал майор.

— А я должна исполнить предписание своего,— возразила Могги. — Эй, вызовите сюда гвардию!

Минуту спустя целый батальон женщин с ружьями на плече под предводительством маленькой Лили появился на краю обрыва.

— Клянусь честью, это чересчур забавно! — сказал майор. — Я, право, не знаю, что нам делать.

Полагая, что по ту сторону хребта есть доступ к пещере, майор двинул туда свои войска с намерением разыскать этот проход и так или иначе положить конец этой комедии.

— Попрошу ваших солдат удалиться с острова, — сказал грозно Костлявый, сменивший Могги на часах, — не то я буду стрелять.

Невзирая на угрозу, майор двинулся дальше. Тогда Костлявый, прицепившись, спустил курок, и майор упал.

— Черт бы ее побрал, эту бабу! — воскликнул лейтенант Диллон, подбежавший к командиру. — Вы ранены, майор?

— Да, я не могу шевельнуться. Идите дальше, лейтенант, — прохрипел майор. В этот момент раздался другой выстрел, от которого упал сержант.

— Гром и молния! Что же нам делать? — охнул командир.

На выстрелы выбежал из пещеры целый отряд контрабандистов, переодетых женщинами, в юбках и чепцах. Выстрелы посыпались как горох. Солдаты падали, не имея возможности стрелять по неприятелю, который, находясь над самой их головой, скрывался в расщелинах скал и за камнями.

Сначала солдаты отказывались выполнить приказ и стрелять по женщинам, но когда увидели падающих кругом убитых и раненых товарищей, то стали отвечать на неприятельский огонь. К этому времени, однако, уже более половины их выбыло из строя...

Матросы экипажа «Юнгфрау», — а это именно их куттер доставил войска, — не видя из-за скал, насколько сильно пострадал отряд майора, и находясь слишком далеко, чтобы служить прикрытием или резервом на случай

подобности, хотя и стреляли, но не целясь, для того лишь, чтобы выполнить команду.

Между тем майор был убит, лейтенант Диллон тяжело ранен и командование операцией принял совершенно молодой неопытный младший офицер.

— Что вы скажете про такое сражение с женщинами, сержант Таннер? — спросил его один из солдат. — Ведь у нас уже выбыло более двух третей народа.

— Мы потеряем и остальных, прежде чем найдем ход в эту проклятую пещеру. Просто позор всему полку! Лучше бы убили, — сказал горестно розовощекий сержант. — Нас малые ребята засмеют!

Между тем Рамзай приказал мужчинам стрелять по команде куттера, служившей все-таки прикрытием неприятелю, и по матросам, находившимся при шлюпках. Стоя на берегу, те были все на виду, тогда как команда Рамзая скрывалась за камнями и за скалами.

В несколько минут из экипажа «Юнгфрау» было перебито более половины людей. Ванслиперкен, метавшийся во время перестрелки из стороны в сторону в поисках надежного местечка, приказал снести раненых в шлюпку и, захватив с собой еще двух матросов, бежал на куттер, оставив экипаж на поле боя.

— Я так и знал, что ему тут жарко покажется, — заметил Билль Спюри.

— Да, — сказал Шорт и упал, раненный пулей в бедро.

Один за другим падали матросы, но никто не покидал своей опасной позиции, а солдаты, оставшись без командира, рассеялись, как овцы, между скалами, стараясь спрятаться от выстрелов. Из ста солдат посланного в эту экспедицию отряда едва уцелело человек двадцать. Что касается матросов, то они все до одного получили ранения, а некоторые были убиты.

Томительный зной вызывал мучительную жажду у здоровых и в еще большей степени — у раненых. Победители и побежденные одинаково измучились.

— Пора, сэр Роберт! Их почти никого не осталось. Один смелый шаг, и все мы спасены.

— Да, Рамзай. Ребята, долой бабье платье, подпоясывай свои сабли и готовь пистолеты за поясом! Кто здоров — за мной!

Через несколько минут сорок человек ловких, отваж-

ных контрабандистов стояли наготове. Спустили лестницу, и все они проворно сбежали вниз и лодкам, захватили их и направились к куттеру.

XIV. «ЮНГФРАУ» ВО ВЛАСТИ ЯНОВИТОВ

Оставшаяся на куттере часть экипажа «Юнгфрау» заметила это движение неприятеля и поспешила уведомить о нем Ванслиперкена, который, чтобы не подвергать свою драгоценную жизнь опасности, спрятался в каюте. Выйдя на палубу, лейтенант тотчас увидел неприятеля, направлявшегося прямиком к его куттеру.

— Они явно собираются нас атаковать, сэр. — сказал Кобль.

Ванслиперкен побледнел: он увидел на носу первой лодки Рамзая.

— Эх, черт побери, лейтенант! Да дайте же нам хоть разок угостить их порядком! — закричал Янсен.

— Майн Гот! Да! — поддержал его капрал.

Но Ванслиперкен вскочил как ужаленный.

— Это будет совершенно бесполезно — закричал он. — Их трое против одного нашего. Мы должны сдаться. Идите все вниз, слышите? Вы должны исполнять мои приказания!

— Да и также донести о них адмиралу, — пробормотал Кобль. — Я пятьдесят лет служу во флоте и еще ни разу не слышал такого приказания.

— Капрал ван Спиттер, я приказываю вам идти вниз, — горячился Ванслиперкен. — Я командую этим судном, я!

— Майн Гот, да, — сказал капрал и, повернувшись, с невозмутимым видом пошел вниз.

Это необъяснимое полное повиновение капрала чрезвычайно смутило остальных. Некоторые последовали за ним, но Кобль и Янсен продолжали оставаться наверху.

— Я и сам теперь вижу, что это бесполезно, но вниз не уйду, — упрямо твердил Кобль и, бросив свой тесак на палубу, хмуро поплелся на бак. Часть матросов последовали за ним, только Янсен все еще колебался.

Кобль оглянулся, затем молча подошел, выхватил у него из-за пояса тесак и швырнул его за борт как раз в то время, когда причалили шлюпки.

В этот момент на палубу ворвались якобиты. Заметив, что матросы спокойно стоят, ничего не предпринимая против них, Рамзай поспешил остановить своих людей, устремившихся было вперед с оружием в руках, и оглядел их. Ванслиперкена нигде не было видно, — значит, убежал в свою каюту и заперся в ней...

— Я очень рад, ребята, что вы не пробуете отстаивать свое судно против силы, вчетверо больше вашей, — сказал он весело, обращаясь к экипажу «Юнгфрау». — Это было бы бесполезным безумием, тем более, что я не намерен причинять вам ни малейшего зла! Но вы должны теперь идти вниз и предоставить палубу в полное наше распоряжение. Если кто-нибудь из вас желает взять шлюпки и отправиться на берег за ранеными товарищами, то мы не будем этому препятствовать. Берите шлюпки и отправляйтесь.

— Очень вас благодарим, сэр, за это разрешение. Кутер останется в вашем распоряжении, и мы не будем делать попыток вновь завладеть им, не так ли, ребята? — сказал взволнованно Кобль. — Вы обещаете больше не воевать?

— Обещаем! — послышались голоса.

— Ну, так живо в шлюпки! Надо поскорее доставить наших сюда, кто еще жив остался, — скомандовал Кобль.

Так Дик Шорт и еще десять человек из экипажа «Юнгфрау» были перевезены товарищами на судно. Убитые и умершие от ран были на время оставлены на берегу.

Рамзай и сэр Роберт тем временем вернулись на остров, чтобы закончить счеты с горстью уцелевших солдат. Выйдя на берег, Рамзай выкинул на конце штыка белый флаг.

— Сержант Таннер, — сказал один из солдат, — смотрите, вон белый флаг.

— А-а, ну, я очень рад, — устало выдохнул сержант. — Ведь их теперь все против нашего одного. Да и они здесь дома, а мы — как в глухом лесу. Я выйду к ним навстречу.

— Вы понимаете, сержант, что мы могли бы принудить вас сдаться или перебить всех до последнего, — проговорил встретивший его Рамзай. — Но мы не хотим лишних человеческих жертв. К чему эта кровь? Вы присланы сюда с предписанием овладеть этой пещерой. Мы предоставим вам эту возможность, если вы согласитесь сейчас

удалиться отсюда и позволите беспрепятственно посадить на куттер всех наших. А как только мои люди будут вне опасности, мы предоставим лодки в ваше распоряжение, и вы будете иметь возможность увезти ваших раненых в Портсмут. Пока же, если вы согласны на эти условия, соберите их там у берега и окажите им посильную помощь, — миролюбиво предложил он. — Согласны вы на это?

— Да, согласны. Я говорю за себя, и от имени всех моих товарищей. Я теперь остался за старшего, — ответил сержант. — Эй, ребята, стройся, складывай оружие! — скомандовал он, и солдаты охотно повиновались ему, зная всю невозможность дальнейшего сопротивления.

Пока шли переговоры, вся кладь и ящики с деньгами были приготовлены. Теперь десятки рук разом взялись за дело, и в какие-нибудь полчаса первая партия якобитов прибыла на куттер, куда незадолго перед тем Кобль успел перевезти своих раненых.

Вскоре стали прибывать с острова и остальные якобиты. Когда последняя партия готовилась отчалить от берега, сэр Роберт обратился к сержанту и, указав ему на спущенную лестницу, предложил овладеть пещерой, добавив, что там найдется, чем вознаградить себя за труды. Но сержант осведомился только, есть ли там вода, так как раненые умирали от жажды, на что получил утвердительный ответ.

Рамзай принял последнюю партию эмигрантов-якобитов на судно, а лодки, как было обещано, отослал с несколькими матросами «Юнгфрау» на остров для перевозки раненых солдат в Портсмут. Затем сэр Роберт приказал взломать дверь каюты и вытащить из нее спрятавшегося там Ванслиперкена. Каюта была предоставлена в распоряжение леди Алисы, Лили и Вильгельмины.

XLVII. ДВОЙНАЯ КАЗНЬ

Двое из людей сэра Роберта Барклая вытащили Ванслиперкена наверх. Все люди из экипажа «Юнгфрау», кто только мог держаться на ногах, поспешили наверх — посмотреть, что будет.

Когда лейтенанта привели и поставили перед сэром Робертом, ноги под несчастным подкашивались, губы дрожали, и лицо было бледным, как у мертвеца.

— Вы были одним из нас, вы получали от нас деньги и обманывали ради них ваше правительство,— начал сэр Барклай, обращаясь к Ванслиперкену.— Но этого предательства и измены вам показалось мало, и вы позволили себе сделать то же самое и по отношению к нам. Между тем мы предупреждали вас, что за всякую подобную попытку вас ожидает смерть. Невзирая на это, вы предали нас. За это вас ожидает обещанное вам наказание. Вы должны умереть.

— Я — умереть? Нет! Я не хочу умирать! — взмолился Ванслиперкен, падая на колени. — Пощадите, бога ради, пощадите! Мистер Рамзай, скажите вы хоть одно слово за меня!

— Я могу сказать вам в утешение только то,— отвечал Рамзай,— что если мы не повесим вас теперь, то вам все равно не миновать виселицы в Портсмуте, так как я передал вашему правительству все выдержки и копии с королевских депеш, которые вы передавали мне. Вы осуждены на повешение и королем, а так как вы теперь в наших руках, то мы и оставим за собой первенство в этом деле.

— О боже мой! — воскликнул Ванслиперкен, упав лицом на палубу.

— Ребята, — обратился Рамзай к матросам, — поди-те отыщите веревку покрепче и остальное приготовьте, все, что надо.

Пока несколько человек возились с виселицей для Ванслиперкена — как раз против той мачты, на которой он должен был закончить свой жизненный путь, какая-то долговязая женщина ловко готовила другую виселицу, поменьше.

Сэр Роберт стоял все время с часами в руках и следил за движениями стрелки.

— Вам остается еще пять минут времени, сэр,— проговорил он наконец, обращаясь к лейтенанту.

— Пять минут! — воскликнул Ванслиперкен, вскочив на ноги.— Пять минут! Всего только пять минут! Нет! Погодите! У меня много золота, очень много, я могу купить себе жизнь... Возьмите его, возьмите все и пощадите меня!

— Целые горы золота не могли бы спасти вас,— мрачно ответил сэр Барклай.

— О-о... Кому же я оставлю все свое золото? Надо расстаться с ним! Как это ужасно!..

— Надеть ему петлю на шею! — приказал сэр Барклай. — Вам остается еще две минуты, сэр.

Капрал ван Спиттер был любитель всякого рода спектаклей. Он собственноручно накинул петлю на шею своего «друга» Ванслиперкена.

В этот момент долговязая женщина вновь появилась на верхней палубе, волоча за собой на веревке Снарлейгоу, упиравшегося изо всех сил.

С помощью Джемми Декса виселица для собаки была теперь тоже готова и на шею ненавистному всем псу накинули петлю.

При виде Снарлейгоу Ванслиперкен, казалось, забыл обо всем.

— Моя собака! — воскликнул он пронзительным голосом. — Женщина, оставь мою собаку! Как ты смеешь дотрагиваться до нее!

Вдруг женщина быстрым движением сорвала с себя чепец и платок, окутывавший ее стан и плечи и повернулась лицом к лейтенанту.

— Костлявый! — воскликнул в один голос весь наличный экипаж «Юнгфрау».

— Вы теперь узнали меня, сэр? — насмешливо произнес Костлявый.

— Неужели море отдает назад свои жертвы? Разве мертвецы воскресают? — лепетал совершенно обезумевший Ванслиперкен.

— Нет, я никогда не умирал и никогда не утопал благодаря той диете, на которой вы всегда держали меня. А так как вас теперь, как вижу, повесят, то я, как добрый христианин, так и быть, прощаю вас, но только при том условии, чтобы вас действительно повесили, не иначе.

Ванслиперкен, понявший теперь, что Костлявый каким-то образом спасся, несколько ободрился и пришел в себя.

— Если ты меня прощаешь, прошу тебя, не истязай и не мучь моей собаки,— сказал он.

— Вас-то я готов простить,— отвечал юноша,— но собаке этой я не могу простить ничего. У нас с ней длинные счеты, и надо их наконец свести раз и навсегда, а потому, когда вас вздернут тут, я ее вздерну там. Это так же верно, как то, что я стою здесь сейчас перед вами.

— Пощадите! Сжальтесь над бедной собакой! Сжаль-

тель! — молил Ванслиперкен, совершенно забывая о своей собственной печальной участи.

Между тем время, назначенное сэром Робертом для начала казни, давно уже прошло, но он не хотел еще прерывать этой любопытной сцены.

— Довольно! — промолвил он наконец.— Пора!

— Ну, Джемми, не зевай! — скомандовал почти одновременно Костлявый, держа обеими руками собаку на весу.

— Одну минуту! Прошу у вас всего только еще одну минуту, сэр! — воскликнул Ванслиперкен с рыданьем в голосе.

— На что? — угрюмо спросил сэр Роберт.

— Чтобы поцеловать в последний раз мою собаку! — ответил рыдающий Ванслиперкен.

Как ни забавно было это желание, но в словах Ванслиперкена было столько трагизма, что никто из присутствующих не рассмеялся, и на всех этот сердечный порыв такого жестокого человека, как Ванслиперкен, произвел ошеломляющее впечатление.

Сэр Роберт утвердительно кивнул головой, и Ванслиперкен с петлей на шее направился к тому месту, где Костлявый держал на руках его собаку. Склонившись над ней, несчастный стал порывисто и горячо целовать ее в голову, в морду, в ее окривевший глаз.

— Довольно! — сказал сэр Роберт.

Но Ванслиперкен как будто забыл о себе. Он думал только о своей собаке, и собака тоже смотрела на него. С минуту их оставили в этом положении, затем сэр Роберт Барклай подал знак, и двое приговоренных были разом вздернуты на мачтах куттера.

Так окончили свою жизнь один из величайших негодяев и одна из сквернейших собак, когда-либо существовавших.

Судя по рукописным документам якобитов, эта двойная казнь произошла 3 августа 1700 года.

XLVIII. В АМСТЕРДАМ!

Никто из присутствующих не мог теперь смотреть без содрогания на страшные предсмертные муки Вансликеркена.

Один только человек из всей этой толпы ни разу даже не взглянул в ту сторону. Его занимал исключительно только Снарлейгоу, его собственный враг.

— Наконец-то,— со вздохом облегчения промолвил Костлявый,— наконец-то я тебя сжил со света, и на этот раз ты уже не оживешь и не вернешься сюда смущать нас. Говорят, что у кошек девять жизней, ну а у этой собаки их было по меньшей мере девятнадцать.

Пока тела повешенных болтались на виселицах, на палубе куттера царила мертвая тишина.

— Ну, а теперь, ребята, перережьте эту веревку и спустите труп в море,— приказал сэр Барклай.

— Только эту пусть не перерезают,— запротестовал Костлявый,— я ей еще не доверяю, этой паршивой собаке. Нет! Джемми, притащи сюда балласт, да потяжелее! Я привяжу его ей на шею и только тогда успокоюсь, когда спущу ее на самое дно.

Когда все следы казни были уничтожены, женщины вышли на палубу, а некоторые из отцов-иезуитов, оказавшиеся искусными хирургами и врачами, осмотрели раненых, сделали им всем перевязки и успокоили их товарищей, объявив, что смертельных ран, слава Богу, нет ни одной.

— Все вы будете плясать скоро у капрала на свадьбе,— весело сказал Кобль, обращаясь к раненым.— Только обидно, что нам нельзя будет пойти из Шербурга в Амстердам, вместо того, чтобы идти сейчас в Портсмут.

— Да, это очень обидно,— подтвердил капрал и отправился отыскивать Рамзая. Он отыскал молодого человека на верхней палубе и сообщил ему, что он сам и весь экипаж желали бы отправиться в Амстердам, вместо того, чтобы идти с ними в Портсмут.

Это известие было как раз кстати для Рамзая, который только и думал о том, как бы отправить письмо к ван Краузе и успокоить старика относительно судьбы его дочери. Он тотчас же дал капралу обещание, что вся

команда куттера сможет попасть в скором времени в Амстердам, а там, куттер, смотря по обстоятельствам, пойдет в Портсмут или не пойдет.

— Об этом я позабочусь, — сказал Рамзай.

Капрал почтительно взял под козырек и, повернувшись на каблуках, поспешил на бак — объявить всем эту приятную новость.

На рассвете куттор вошел в гавань Шербурга. Когда явившиеся на судно французские офицеры удостоверились, что это английский куттор, то заявили, чтобы он немедленно уходил. Однако Рамзай вскоре понял, что на строгом исполнении этого заявления власти не особенно настаивают. Сэр Роберт и его единомышленники благополучно высадились сами и перевезли на берег все свое имущество.

После этого, по просьбе Рамзая, французское правительство подготовило следующую депешу:

«В Шербург прибыл отбитый какими-то неизвестными людьми, успевшими с него бежать, английский куттер, который не был принят французскими властями, так как такого рода поступок мог показаться неприятным английскому правительству. Вверив упомянутый куттер одному из своих офицеров, французское правительство, зная, что его величество король находится в данное время в Гааге, препровождает ему это судно с выражением глубокого сожаления о случившемся».

Как только сэр Роберт со своими людьми покинул судно, явился французский офицер с депешей для командира корабля, и капрал ван Спиттер, получив депешу и письмо Рамзая к мингеру ван Краузе, велел поднять паруса, и «Юнгфрау» тотчас же снова вышла в море, держа путь в Амстердам.

XLIX. ЭСКВАЙР ФИЛИПП КОСТЛЯВЫЙ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ПИРЕ

Не прошло и получаса с момента, как «Юнгфрау» бросила якорь в Амстердаме, как Кобль и капрал съехали на берег. Их первым долгом было явиться к местным властям и испросить у них распоряжения о размещении

раненых по госпиталям, что и было сделано в этот же день.

Затем они отправились к вдове Вандерслуш, которая, проведя ночь в тюрьме, без дальнейших объяснений была выпущена из заключения и теперь вдвойне торжествовала, узнав от капрала о том, что труды ее и страдания не пропали даром и что Ванслиперкен повешен рядом со своей собакой.

— Теперь мы можем хоть завтра обвенчаться! — на радостях воскликнула вдова.

— Майн Гот, да! Даже сегодня!

— Ну нет, нет, не сегодня! — запротестовала она, и с общего согласия было решено отложить свадьбу до выздоровления раненых, которые все непременно должны были присутствовать на пиршестве счастливой владелицы луст-хауза.

Свадьба вдовы Вандерслуш с капралом ван Спиттером была отпразднована с необычайным блеском. Экипаж «Юнгфрау» от последнего матроса до старшего офицера пировал всю ночь до утра — на свой счет, конечно, так как ни капрал, ни вдова не расщедрились на угощение, а только предоставили своим гостям возможность истратить побольше монет в честь этого замечательного события.

Никогда еще экипаж «Юнгфрау» не расходовал столько денег в луст-хаузе вдовы Вандерслуш, как в это пребывание свое в Амстердаме, а между тем никто из команды уже несколько месяцев не получал казенного жалованья — и странно: самым большим богачом был, по-видимому, Костлявый, за ним шел капрал. Некоторые светлые головы полагали, что тут не обошлось без золота Ванслиперкена. Недаром молодая фрау ван Спиттер говорила, что все ее свадебные расходы «оплатил лейтенант Ванслиперкен».

На свадебном обеде присутствовали все лучшие друзья капрала: мистер Шорт, старший офицер куттера «Юнгфрау», мистер Вильям Спюри, боцман, мистер Джемми Салисбюри с супругой и наконец Филипп Костлявый, эсквайр, который с тех пор, как стал состоятельным человеком, отличался особенной изысканностью и франтоватостью туалета.

— Это — кутеж так кутеж! — сказал Джемми Декс,

выходя с остальными на улицу из дверей луст-хауза, когда уже совершенно рассвело. — Не так ли, Дик Шорт?

— Да,— по обыкновению лаконично ответил Дик Шорт, направляясь к шлюпке.

ЗАТОНУЛ ЛИ ЕГО КОРАБЛЬ?

Заметки о творчестве капитана Марриета

Фредерик Джозеф Марриет — популярнейший детский писатель XIX — начала XX века. Его приключенческие романы, по данным исследователей, пользовались огромным успехом у читателей разного возраста. В наше время в силу различных причин он оказался основательно забытым. Можно ли с этим согласиться? Конечно, часть наследия писателя устарела. Да и не могло быть равноценным все, написанное им. В наши дни нетрудно обнаружить и наивность многих идей и художественных решений Марриета, и некоторую однотипность, психологическую бедность образов. И все же кажется, что мнение это возникло из-за недостаточно внимательного прочтения всех его произведений.

Писатель стоял у истоков жанра морского романа, получившего широкое распространение в прошлом веке. Морские пейзажи, драматическая борьба с разбушевавшейся стихией, суровые, мужественные — «морские» — характеры открывали перед читателем непривычный, увлекательный мир странствий, подвигов и открытий. Но свести творчество Марриета только к морскому роману, на наш взгляд, было бы неверным.

Совершенно справедливо отмечая, что Фенимор Купер в «морских романах» тоже описывал не одно

только море. Д. Урнов, например, в статье «Былая слава капитана Марриета» ограничивает творчество Марриета лишь морской тематикой. Свою точку зрения он подкрепляет авторитетом Джозефа Конрада, считавшего, что книги Марриета «как амфибии живут на воде и лишь иногда касаются суши». Исследователи творчества этого писателя обычно находят в произведениях Марриета протест против насильственной вербовки в английский флот, против жестокого обращения с матросами, осуждение работорговли.

Все это, конечно, давно стало историей. Но в творчестве Марриета было много больше проблем значительных, не потерявших актуальности и в наши дни. Особенно в таких его романах, как «Приключение собаки» («Собака-чёрт»), «Канадские переселенцы», «Приключения Виолэ в Калифорнии и Техасе», «Крушение «Великого океана», «Приключения Якова Верного».

Действие этих романов происходит не только на море, но и на суше. Автор ставит в них социально-исторические, нравственно-философские и морально-этические проблемы. Анализ творчества Марриета с высоты нашего времени позволяет выявить духовные, нравственные ценности, которые близки и всем живущим в конце XX века.

Даже биография знаменитого романиста («Жизнь и письма капитана Марриета»), написанная его дочерью Флоренс Марриет, сегодня воспринимается совершенно иначе, нежели в середине прошлого столетия, когда она вышла в свет. История бунта четырнадцатилетнего Фредерика Марриета против системы нивелирования личности в обстановке колледжа, его неоднократные попытки бегства на корабль — это естественное стремление юноши отстоять свой духовный мир, свою индивидуальность.

активное сопротивление обезличиванию, характерному для буржуазного общества.

Это был писатель, стоявший в центре общественно-политических событий своего времени. Поражает его нравственная активность, готовность сразиться с любыми неблагоприятными обстоятельствами. Защищать личность от произвола и насилия было насущной потребностью, призванием, стихией жизни Марриета — участника пятидесяти морских сражений, человека большого мужества, кавалера ордена Бани, золотой медали за спасение утопающих, капитана корабля.

Свою активную жизненную позицию Марриет как бы сообщил литературным персонажам. Яков Верный, герой одноименного романа, всегда готов идти навстречу опасностям и испытаниям, активно вмешаться в события: «Будет приключение, сэр, — сказал я. — По-видимому, — ответил Тернбуль. — Что ж? Тем лучше».

В эстетике романа Марриета понятие «приключение» необычайно многомерно и дает возможность писателю изобразить различные стороны жизни. В частности, это способствует более прямой и определенной критике буржуазного общества, современной ему цивилизации. В романе «Приключения Виолэ в Калифорнии и Техасе» Марриет с публицистической прямотой высмеивает миф о процветании Соединенных Штатов, описывая город Санта Фе, уродливые нравы дикого Запада: «Много написано об этом богатом и романтическом городе, где во время о́но, если верить путешественникам, доллары и дублоны можно было лопатой загребать; но я подозреваю, что писатели никогда не видели этого местечка: жалкой, грязной дыры с тремя тысячами жителей, большей частью метисов, голодных и оборванных. Там встречаешь зрелище нищеты и порока, какие вряд ли найдешь где-либо еще, грубый деспо-

тизм, безнравственность, доведенную до крайних пределов, пьянство и грязь».

Один за другим проходят перед читателем персонажи романа Марриета: полковник Овертон судья Уэбб и другие. Они выступают здесь как воплощение нравственного уродства, алчности и жестокости. Отвратительные картины городских нравов показаны и через восприятие девочки негритянки, потрясенной сценой двойного убийства. Запоминается естественный человеческий ужас ребенка, вызванный дикарскими поступками белых «цивилизаторов».

Однако Марриет не ограничивается критикой Нового Света. Не менее категорически он развенчивает и нормы Старого Света. Несколько недооцененное сатирическое дарование писателя ярко проявилось в рассуждениях лодочника Степльтона («Приключения Якова Верного»), который доказывает, что для счастья человеку необходимо отказаться от слуха, зрения, вкуса и обоняния. Степльтон получает вдвое больше других лодочников, так как прикидывается глухим, а иногда, по обстоятельствам, и полуслепым, что на руку его клиентам. «Не будь вкуса, — замечает он, — нам было бы все равно, едим ли мы черный хлеб или ростбиф, пьем ли воду, или лучший эль, а это было бы выгодно по нынешним трудным временам». Точно так же бесполезно и обоняние: «На один приятный аромат подле реки приходится по десяти зловоний, и так повсюду». Поэтому он почувствовал себя счастливым только тогда, когда отделался от «пяти чувств». Такова, по словам Степльтона, «человеческая природа» в мире, где он вынужден жить.

В том же романе сторож пытается задержать Якова и его приятеля Тома за то, что они охотились в чужих владениях: «Я поймал вас на месте преступления с мертвым зайцем в руках. Разве вы

не знаете, что вся дичь, вся трава, болот[illegible] на этой равнине принадлежат графу [illegible]. «И все черные дрозды, чижи, воробьи, [illegible] дураки», — отвечает Яков.

Критика наряду с нравами буржуазной Америки прав графа Спенсера свидетельствует о том, что писатель был далек от идеализации прошлого. Это определяет многие художественные характеристики в его романах: тонкую, скрытую иронию главы «Кусочек из истории Англии», сопоставление буржуазных дельцов XVIII и XIX веков в «Приключениях собаки». На любое преступление ради денег, корысти, обогащения готовы лейтенант Ванслиперкен, его мать, хозяйка трактира Вандерслуш, капрал Ван-Спиттер.

Та же мысль заключена и в сопоставлении двух городов в романе «Приключения Виолэ».

По сравнению с Санта Фе, о котором уже сказано, Монтарэ — город, еще не тронутый буржуазной цивилизацией: «Нет в нем грязных улиц и жестких мостовых, ни фабрик с их вечной копотью, ни полицейских, ни карет и омнибусов, обдающих вас грязью, а главное, нет в нем пунктуальных деловых людей, спешащих по своим делам, пыхтя, отдуваясь и толкая всех встречных».

Климат здесь благоприятный, жители не знают болезней. Но в Монтарэ задают тон люди, лишенные высоких стремлений, здесь преобладает бездуховность: «Седло ценою в сто долларов обычная вещь у богатых молодых людей, которые полагают всю свою гордость в своих конях и сбруе». Поэтому в час испытания жители Монтарэ предают Виолэ и его товарищей, которые помогли им отстоять свободу и независимость родного города.

При всех своих выигрышных, по сравнению с Санта Фе, качествах в Монтарэ живут праздные бездельники. А писатель считал обязательной нормой

для общества и для каждого человека труд. Эта идея утверждается во многих романах писателя и через историю и судьбу героев и в прямой форме.

Так, в романе «Крушение «Великого океана» Сигрев замечает: «Работа — источник счастья, особенно работа полевая. Человек занятой — всегда счастлив, конечно, если ему не приходится работать через силу. Даже в тяжелые минуты труд заставляет забывать о горе. Мне даже кажется, что праздный не может быть истинно счастлив».

Рассказывая в этом романе о жизни группы англичан, попавших на необитаемый остров после кораблекрушения, автор подчеркивает, что труд не только спас их от голода, смерти, но и возродил морально.

Размышляя о разумно организованном обществе, Маррнет убеждает, что оно возможно там, где «каждый знает свою обязанность», помнит об ответственности перед другими людьми и собой. При этом писатель отталкивается от различных жизненных впечатлений. Сигрева поражает у пчел «строгое выполнение своего дела каждой особью». Риди напоминает об уставе военного корабля, где «при дисциплине и порядке каждый человек приобретает значение. Если кто-либо пренебрежет своей обязанностью, страдают решительно все».

История Риди и его спутников не единственная у писателя попытка пайти разумные формы социальной и хозяйственной организации общества, организации, в которой четко просматривается отрицательное отношение к обществу его времени (контрабандисты в «Приключениях собаки», идеальная плантация Куртенэ в «Приключениях Виолэ» и др.).

Проблема социальной гармонии в творчестве Марриета тесно связана с проблемой совершенствования человека. Многих своих героев писатель через

путешествия и приключения помещает в дикую среду, почти не тронутую цивилизацией. Распространенная в литературе прошлого столетия тема естественного человека была порождена критическим отношением к буржуазной цивилизации, губительной для духовной цельности, эмоционального богатства человеческой личности. Именно поэтому Марриет искал идеал героя, близкого к природе. Он отмечает целебное действие, «которое дикая жизнь оказывает на цивилизованного человека, особенно когда он убеждается, сколько пустоты и бессердечия скрывается под нашей утонченностью».

Однако Марриет избегает альтернативной постановки вопроса: естественный или цивилизованный человек? Писателю хотелось бы соединить лучшие черты, которые ему видятся в естественном, «не испорченном» цивилизацией человеке: нравственность, цельность, благородство, трудолюбие с образованием и культурой современности.

Юный герой романа «Приключения Виолэ» воспитывался среди цивилизованных и нецивилизованных наставников. Опытный индеец обучал его военному искусству. Одновременно юноша изучает историю, латинский и греческий языки под руководством образованных учителей из Европы. Но в основе его характера лучшие качества индейцев, среди которых он вырос: «Не лишенный образования, я был индейцем не только по костюму, но и в душе».

Не случайно один из героев романа — вождь индейского племени лепанов — соединяет в себе высокие нравственные качества с европейской образованностью: «Это прекрасно воспитанный джентльмен, получивший общее и военное образование сначала в Мексике, потом в Испании. Он путешествовал по Франции, Англии и Германии и хорошо знаком с Европой. Он говорит и пишет на шести языках и относится к техасцам с глубочайшим пре-

зрением». Высокая оценка нравственных качеств «дикаря» у Марриета полностью исключает расизм.

И все же не идеальные, несколько условно построенные образы людей, сочетающих естественность и культуру, являются основными, наиболее частыми носителями положительного начала у Марриета. Чаще всего это реальный демократический герой, которого писатель нашел в живой действительности. Свои главные надежды на усовершенствование человека писатель связывал с людьми из народа, простыми тружениками моря и суши, такими, как Риди («Крушение «Великого океана»), Том Бизлей («Приключения Якова Верного»), Джемми Декс и Могги Салисбюри («Приключения собаки»).

Такой герой через страдания, несправедливость проносит оптимизм, волю к борьбе, мужество. Иногда он — центральная фигура, как Риди, Яков Верный, Том Бизлей. Особенно это относится к Риди. Роман «Крушение «Великого океана» не раз сопоставляли с «Таинственным островом» Ж. Верна. Но пафос произведения французского писателя в утверждении величия, безграничных возможностей науки, технической мысли, а роман Марриета — это прославление опыта, мудрости, душевного величия простого матроса, который, по сути, спас группу англичан, оказавшихся на необитаемом острове.

В романе «Приключения Якова Верного» Том Бизлей пленяет внутренней красотой, жизнелюбием, неиссякаемым оптимизмом. Тяжелое ранение в бою, потеря двух ног не лишили его бодрости и человеколюбия. Том — истинно народный характер. Его природная доброта, душевная щедрость, тонкое чувство юмора притягивают к нему таких разных людей, как Яков Верный, капитан Трибуль, лодочник Степльтон, учитель Добс.

Озабоченный проблемой воспитания будущих поколений, писатель целиком полагается в этом деле

[illegible] процесс передачи [illegible] нравственных ценностей Рене сохранил и ученикам Хемлина, заботился прежде всего о том, чтобы сделать из него настоящего человека. Высший смысл воспитания — сохранить в юноше «доброе сердце», считает Виалой.

Не скрывая, что их воспитанникам придется встретить в жизни много скверного, они пытаются учат их верить в красоту мира: «В жизни не так-ли много прекрасного», — говорит Якову [illegible] Гернбузь. Оптимистическое мировосприятие [illegible] могущество добрых, светлых начал принимает [illegible] ученику Доос: «Я не считаю наш мир должной сволочью, нет, Яков, это прекрасный сияющий мир.»

«Сияющий мир» не означает у Марриета примирения со злом, которое он обличает, не затушевывая его масштабов и опасности. Оптимизм писателя основан на его вере в людей, в возможности общества, в его будущее. Вооруженные этой верой, юные герои Марриета вырастают энергичными, мужественными, самоотверженными людьми.

Естественной гармонией для писателя был мир детства, своеобразие которого обусловлено эпохой и ее представлениями о душевной жизни ребенка. Герои Марриета стояли неизмеримо ближе к природе, нежели современные дети. Это были охотники и воины (Виолэ, Габриэль, Рох), робинзоны (Фрэнк Гепникер в повести «Маленький дикарь»), моряки (Яков Верный, Филипп Костлявый), островитяне (Уильям Сигрев).

Величественная природа, девственные леса, полноводные реки, водопады, горы, прерии, моря и океаны имели на них более сильное нравственное воздействие, нежели общественная среда. Их характеры складывались в результате преодоления трудностей, с которыми почти не сталкиваются дети

ванных дней, которым не хватает привлекательности, таинственных, романтических окраин.

Юные герои Марриета рано взрослели, становились личностями. Их главная черта — самостоятельность, умение опираться на собственные силы, противостоять давлению неблагоприятных обстоятельств. Отсутствие излишней опеки со стороны взрослых повышало их волевой потенциал. «Томми нужно привыкнуть к лишениям, Ридж, — говорит Сигрев. — Мы не можем ждать, что у нас будет решительно все; ведь мы живем не в ста ярдах от бакалейной лавки!» Поддержка старших не лишает молодых героев Марриета инициативы и нравственной активности.

В романах Марриета приключение — способ морального испытания человека, выявления его нравственной сущности. Юные Виолэ, Габриэль, Рох посвящают свою жизнь борьбе за утверждение справедливости и человечности в отношениях между людьми. На охоте, в сражениях, в путешествиях они проявляют мужество, силу воли, находчивость, взаимовыручку и самопожертвование. Бросается под лед Яков Верный, спасая капитана Тернбуля, Филипп Костлявый пережил бесчисленные издевательства со стороны Ванслиперкена, не раз оказывался на краю гибели, но сохранил до конца мужество, бодрый, неунывающий характер.

Правда, завершая истории своих героев, Марриет, по примеру своего великого современника Ч. Диккенса, прибегает к счастливому концу, вводит мотив «добрых денег», попадающих к тем, кто будет творить добро. Яков получает наследство капитана Тернбуля, Филиппу достаются деньги Ванслиперкена. Но писатель явно сознает слабость этого решения.

В творчестве Марриета проблема «человек и природа», особенно актуальная в наше время, занимает

большое место. Писатель настаивал на необходимости разумного, бережного отношения к окружающей среде. Он предвидел, что истребление природы будет сопровождаться опустошением человеческой души.

В романе «Приключения Якова Верного» рассказывается о душевном потрясении, которое испытал капитан Гербуль в сцене убийства медведицы-матери и ее детеныша: «Мы убили медвежонка. Я никогда не забуду, как она завыла над ним, когда детеныш, обливаясь кровью, упал на лед».

Автор убежден, что возросшее могущество человека в его древнем поединке с природой нуждается в регулировании с помощью нравственных законов. Герои романа «Приключения Виолэ» становятся свидетелями грандиозного пожара в прерии, во время которого погибли тысячи различных животных, а избежавшие гибели лежали на огромном пространстве совершенно обессиленные. Эта трагическая картина пробудила в охотниках человечность.

Виолэ и его спутники, взволнованные до глубины души, пытаются помочь оставшимся в живых оленям, лошадям и другим животным. Они взволнованы их реакцией на человеческую заботу. Путешественники, защищая обессиленных животных от хищников, сами возвышаются, переживают нравственный катарсис.

Автор глубоко проникает в психологическое состояние охотников в дни массовой гибели животных. Его герои легко могли добыть себе пищу, но не сделали ни одного выстрела: «...закусили холодной говядиной, так как нам претило убивать жалких, измученных тварей». Так человечность торжествовала над жестокостью, жаждой истребления. Эта мысль пронизывает и роман «Крушение «Великого океана».

Идея гармонии человека и общества, личности и

окружающей среды — одна из самых дорогих для Марриета идей. Размеры статьи не дают возможности остановиться на всем, что нам кажется в наследии Марриета живым и сегодня, представляющим ценность для современного юного читателя. Не претендуя на полный анализ его творчества, нам хотелось бы привлечь внимание к лучшим произведениям писателя. Мы думаем, что не все корабли Марриета скрылись под водой. Небольшой его флот имеет все основания для плавания в океане сегодняшней детской литературы.

И. ВОЛИСОН,
И. ЗБОРОВЕЦ.

Перепечатано с журнала
«Детская литература». 1983 г., № 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ

I. Первые воспоминания 6
II. Корабль, корабль!.. 8
III. Один на острове 12
IV. Мой садик 18
V. Новые друзья 20
VI. Лодка с людьми 22
VII. Новая жизнь 32
VIII. Чудовищная рыба 38
IX. Незваный гость 40
X. Моя первая лодка 44
XI. Кораблекрушение 46
XII. Затерянные в океане 51
XIII. Спасение 57

СОБАКА-ЧЁРТ

I. О лейтенанте, собаке и Костлявом 60
II. О судьбах ржавой селедки и овсяной каши . . . 64
III. Взгляд назад и знакомство с Диком Шортом . . 66
IV. Отчаянная схватка 69
V. Заговор 71
VI. Столкновение друзей 73
VII. Ванслиперкен отправляется на берег 76
VIII. Козни вдовы против Ванслиперкена и Костлявого против собаки 77
IX. Снарлейгоу спасает Костлявого от килевания . . 81
X. Снарлейгоу становится поперек дороги к счастью лейтенанта 85
XI. Повсюду принимаются решения, а Джемми Декса обвиняют в бунте 87

XII. Весь экипаж поет хором, капрал же отправляется в одиночное плавание 89
XIII. У лейтенанта появляется надежда на обогащение 93
XIV. Спарлейгоу срывает хорошую премию 99
XV. Женское гнездо 101
XVI. Могги решает, что контрабанда — выгодное занятие 104
XVII. Борьба за утерянные привилегии 109
XVIII. Ванслиперкен посылает Костлявого за банкой с краской 111
XIX. Нанси начинает действовать . . . 116
XX. Приключения капрала ван Синттера . . 120
XXI. Матросы приходят к выводу, что Спарлейгоу — водяной черт 123
XXII. Обиды, огорчения и утешения мистера Ванслиперкена 127
XXIII. Для мистера Ванслиперкена наступают тяжелые дни 131
XXIV. Лейтенант Ванслиперкен доказывает свое непреодолимое отвращение к стали 135
XXV. Перед убийцей появляется убитый . . . 137
XXVI. Мистер Ванслиперкен учится новому искусству 140
XXVII. В доме синдика ван Краузе 143
XXVIII. Спарлейгоу вновь торжествует над врагами . 146
XXIX. Кто подслушивает, тот редко слышит что-нибудь хорошее о себе 148
XXX. Узел завязывается 150
XXXI. Селедка еще раз играет роль 152
XXXII. Месть Могги Салисбюри 154
XXXIII. Странный торг 157
XXXIV. Костлявый попадает в неприятнейшую историю 158
XXXV. Костлявый опять играет роль привидения . . 162
XXXVI. Как опасно сообщать тайны 164
XXXVII. Последнее покушение на жизнь Костлявого 166
XXXVIII. Костлявый из казенного человека превращается в контрабандистку 169
XXXIX. Судьба наносит Ванслиперкену два жестоких удара 172
XL. Лейтенант Ванслиперкен представляет доказательства своей преданности королю 176
XLI. Много волнений, много хитростей и контрхитростей 180
XLII. Все очень осложняется 184
XLIII. Письма Рамзая 187

XLIV. Поход против юбок 188
XLV. Атака окончательно отбита 192
XLVI. «Юнгфрау» во власти якобитов 195
XLVII. Двойная казнь 197
XLVIII. В Амстердам! 200
XLIX. Эсквайр Филипп Костлявый принимает участие в пире 202
ЗАТОНУЛ ЛИ ЕГО КОРАБЛЬ 204

Марриет, Фредерик.

М 28 Маленький дикарь. Собака-чёрт: Повести: [Пер. с анг.]. — Калининград: Кн. изд-во, 1991. — 220 с.

В книгу вошли две повести известного писателя-мариниста Ф. Марриета. «Маленький дикарь» — трогательная история мальчика, родившегося на необитаемом острове, куда кораблекрушением забросило его родителей...

Действие повести «Собака-чёрт» происходит то на борту английского куттера «Юнгфрау», то на берегу. О противоборстве необыкновенной собаки шкипера и матроса, о службе на английском корабле в XVIII веке и о многом-многом другом.

М $\frac{4804010100—033}{М144(03)91}$ без объявл. 84.4Вл.

Фредерик Марриет

МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ

Повесть

СОБАКА-ЧЁРТ

Повесть

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор Н. Н. Глущенкова. Художественный редактор С. И. Соболев. Технический редактор М. С. Гайдукова. Корректоры: Н. Л. Второва, Н. С. Гайдученок.

ИБ № 918

Сдано в набор 29.03.91. Подписано в печать 25.10.91. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Обыкн. новая. Печать офс. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 609 т. Уч.-изд. л. 11,81. Тираж 50 000 экз. Заказ 2216. Цена 3 р. 10 к.

Калининградское книжное издательство, 236000, Калининград, Советский просп., 13.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

Дорогие читатели!

Калининградское книжное издательство готовит к выпуску книгу стихов кёнигсбергских поэтов *«Свет ты мой единственный»* в переводе нашего земляка поэта Сэма Симкина с красочными иллюстрациями калининградского художника Виктора Рябинина.

В сборник вошли лучшие стихи поэтов, живших на этой древней земле от основания Кёнигсберга и до Великой Отечественной войны. Эта своеобразная антология поэзии будет интересна всем калининградцам и гостям нашего города — любителям хороших поэтических произведений. Каждое стихотворение предполагается опубликовать в подлиннике и в переводе, что сделает книгу неплохим пособием для желающих овладеть немецким языком.

Сборник будет продаваться в книжных магазинах города в 1992 году. Следите за нашей рекламой.

Дорогие читатели!

В серии «Здравствуй, море!» Калининградское книжное издательство выпустило следующие книги:

1. *Ф. Купер.* ЛОЦМАН. 1981 г.
2. *В. Каверин.* ДВА КАПИТАНА. 2 т. 1982 г.
3. *Ж. Верн.* ПЯТНАДЦАЛЕТНИЙ КАПИТАН. 1982 г.
4. *К. Станюкович.* БЕСПОКОЙНЫЙ АДМИРАЛ. 1983 г.
5. *А. Дюма.* КАПИТАН ПОЛЬ. 1983 г.
6. *А. Грин.* БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ. 1984 г.
7. ВОЛНЫ РОЖДАЮТСЯ ВЕТРОМ. 1985 г.
   Рассказы русских писателей о море.
8. *А. Беляев.* ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ. ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ. 1986 г.
9. *А. Лебеденко.* ШЕЛЕСТЯТ ПАРУСА КОРАБЛЕЙ. 1987 г.
10. *Р. Сабатини.* ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА. 1988 г.
11. *Майн Рид Т.* ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ. МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК. 1989 г.
12. *Р. Л. Стивенсон.* ОСТРОВ СОКРОВИЩ. 1990 г.

Выходит в 1991 году:

Ф. Марриет. МАЛЕНЬКИЙ ДИКАРЬ. СОБАКА-ЧЕРТ.

На 1992 год запланирован выпуск книги Э. Сальгари. ЧЕРНЫЙ КОРСАР.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190